

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский государственный энергетический университет»

На правах рукописи

Оморова Наргиза Ильичбековна

Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор
в этнополитическом пространстве Республики Татарстан

специальность 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
канд. филос. наук, доцент
Нуриахметова
Флюра Мубаракзяновна

Саратов 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДИАСПОРЫ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	
1.1. Теоретико-методологические основания изучения этнической идентичности в политологических исследованиях	29
1.2. Формы идентификации иноэтничных групп в этнополитическом пространстве региона	51
ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ДИАСПОР В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН	
2.1. Риски политизации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан	75
2.2. Конфликтогенный потенциал этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в контексте достижения этнополитического согласия в Республике Татарстан	93
ГЛАВА 3. ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО- АЗИАТСКИХ ДИАСПОР В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН	
3.1. Роль регионального информационно-политического пространства в конструировании этнической идентичности центрально-азиатских диаспор	121
3.2. Политический механизм формирования позитивной этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан	139

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
------------	-----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	161
--------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Программа исследования этнической идентичности центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан

Приложение 2. Бланк стандартизированного интервью

Приложение 3. Результаты интервью в таблицах и схемах

Приложение 4. Бланк экспертного опроса

Приложение 5. Результаты экспертного опроса в таблицах

Приложение 6. Данные контент-анализа татарстанских СМИ по проблемам центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан

Приложение 7. Политический механизм управления этнической идентичностью центрально-азиатских диаспор в этнополитическом пространстве Республики Татарстан

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования. В современном мире наблюдается тенденция к глобализации мирового пространства, в связи с чем, этнический фактор в политических процессах и управлении сложносоставными государствами значительно актуализируется. Углубляющаяся политизация этничности сопровождается новыми проявлениями в политических, этнонациональных, социальных, миграционных, культурных и других процессах, что диктует необходимость поиска теоретико-методологических средств ее исследования. Процессы внешней миграции оставляют глобальный след в этнополитическом пространстве принимающей страны, формируют настоятельную потребность в изучении практик институционализации иноэтничных групп, форм их идентификационной активности на всех уровнях этого этнополитического пространства, в том числе, и на региональном уровне. Структурные изменения этнополитического пространства российского региона, связанные с реалиями политического взаимодействия иноэтничных групп и принимающего сообщества, позволяют выделить особый феномен – этническую идентичность диаспоры, в природе которого содержится и конфликтогенный потенциал, и ресурсы следования интеграционной модели взаимодействия.

Обострение поднимаемой межнациональной тематики задает вектор деятельности региональных властей по налаживанию эффективного политического коммуницирования, социальной адаптации мигрантов, политико-правовому регулированию их пребывания. В этой связи представляется необходимым проведение научного этнополитического и регионалистского исследования различных аспектов этнической идентичности диаспоры, факторов ее политизации в контексте изучения форм мобилизационной активности этнических групп, политического взаимодействия с принимающим сообществом (на уровне региона); выявление факторов политизации этнической идентичности диаспоры в контексте форм мобилизационной активности этнических групп, политического взаимодействия с принимающим населением (на уровне региона);

выработка адекватных мер политико-управленческого воздействия со стороны региональных властей; разработка механизма политического управления формированием позитивной этнической идентичности диаспоры в политическом пространстве региона.

В настоящей работе данная исследовательская задача решается на материалах Республики Татарстан (далее – РТ). По мнению ряда исследователей, идентичность здесь явно выражена, актуальна и интенсивна¹. Выбор объекта исследования сделан в пользу пяти центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан (кыргызской, казахской, узбекской, таджикской и туркменской). Согласно данным Всероссийских Переписей населения 2002² и 2010 гг.³, совокупная численность, например, кыргызов, таджиков, узбеков, только постоянно проживающих на территории России, возросла практически в два раза⁴. Тенденция к пополняемости данных этногрупп сопровождается их дальнейшей

¹ См.: Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. Москва: Аспект пресс, 1999; Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н. Идентификационные процессы у русских и татар Татарстана в 1990-2000-х гг.: коллективные представления и конструктивистская роль элит // Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Р.К. Уразмановой. Выпуск VI. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012; Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н., Нурутдинова Э.А. Особенности миграционных процессов в Республике Татарстан. Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск I. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007; Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003; Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации / Г.И. Макарова. Казань: Казан. Ун-т, 2010; Сагитова Л.В. Этнорегиональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006; Нуриахметова Ф.М. Этнокультурное многообразие и толерантность // Казань на перекрестке эпох и культур: сб. науч. ст. / составитель и научный редактор проф. Л.В. Карцева. Казань: Казанский государственный университет культуры и искусств, 2011; Ямалнеев И. М. Этнорегиональная идентичность как политический проект: На примере Республики Татарстан : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Казань, 2005.

² Национальный состав населения [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_04_01.htm (дата обращения 30.07.2012).

³ Национальный состав населения [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения 30.07.2012).

⁴ Так, например, согласно данным Переписей населения 2002 и 2010 гг., численность постоянно проживающих на территории Республики Татарстан: 1) кыргызов возросла в 2,4 раза ; 2) узбеков – в 1,8; 3) таджиков – 1,6.

институционализацией: пребывающие на территории России иноэтничные группы образуют этнические диаспоры, собственные этнокультурные организации и соответствующие объединения с закрепленным политико-правовым статусом национально-культурных автономий (НКА). Все это свидетельствует об их идентификационной активности на всех уровнях этнополитического пространства. Именно поэтому профилактика этнополитических конфликтов, гармонизация идентичности иноэтничных групп, налаживание качественного политического, социального и культурного взаимодействия с их лидерами и участниками являются важнейшими этнополитическими задачами, стоящими сегодня перед руководством Республики Татарстан. Настоящим пониманием социально-политической и общенаучной ситуации обусловлена научно-теоретическая и практическая актуальность исследования этнической идентичности диаспоры в этнополитическом пространстве региона (на примере центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан), определившая замысел диссертационной работы.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Анализируемая проблематика характеризуется многогранностью, и ее разработка основывается на шести смысловых блоках. Каждая группа посвящена отдельному аспекту изучаемой темы: природы и форм этнической идентичности, проецирования в этнополитическое и информационное пространство и сферу межэтнического взаимодействия, факторов и рисков политизации этнической идентичности, а также нормативно-правовых оснований ее регулирования.

Первую группу составляют научные труды, освещающие феномен идентичности. Здесь же собран массив теоретических воззрений и методологических оснований, выработанных отечественными и зарубежными учеными на тему этничности, этнической идентичности, а также различных подходов к ее исследованию: примордиализма, конструктивизма, инструментализма. Всестороннее изучение понятия идентичности началось с работ Э. Эриксона, который ввел понятия идентичности и кризиса идентичности, возникающего в условиях глубоких общественных трансформаций. В силу

профессиональных и научных интересов Эриксона, разработка понятия шла в рамках психологического, отчасти – социологического знания¹. Разработки Эриксона во многом были продолжены и отечественными учеными, в частности, в трудах С.А.Токарева² и Н.Н.Чебоксарова³, исследующих схожее понятие «этническое самосознание». Различные аспекты научной интерпретации этничности в западной традиции сформулированы Т. Парсонсом, Э.Хобсбаумом, А. Коэном, Ф. Ригсом⁴, в отечественной продолжены Н.Г. Скворцовым, Г.У. Солдатовой, С.В. Лурье⁵, ставшие основой для изучения самоидентификации, основанной на этнической принадлежности, и признающие тождественность понятий этничности и этнической идентичности.

Разработке понятия этнической идентичности посвящены научные труды целой плеяды зарубежных и российских ученых, разрабатывающих понятие и содержание феномена этнической идентичности в рамках примордиализма⁶, конструктивизма⁷, а также инструментализма¹.

¹См.: Erikson E.H. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things. Selected Papers / Ed.by Schlein. New York, 1995; Erikson E. H. The problem of ego-identity // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1956.

² См.: Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 44.

³ См.: Чебоксаров Н.Н. Проблемы происхождения древних и современных народов (вступительное слово на симпозиуме) // Труды МКАЭН. Т. V. М., 1970.

⁴ См.: Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change of Ethnicity. In: Glazer N. and Moynihan D. (eds.), Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975; ⁴ Hobsbawn E.J. Ethnicity and Nationalism in Europe Today // Anthropology Today. 1992; Cohen A. The Lesson of Ethnicity. In: Cohen A. (ed.) Urban Ethnicity. London etc: Tavistock Publications, 1974; Riggs F. Administration in Developing Countries: The Theory of Prismatic Society. Boston, 1964.

⁵ См.: Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997; Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У.Солдатова. М., 1998; Лурье, С.В. Метаморфозы традиционного сознания / С.В. Лурье. СПб., 1994.

⁶ См.: Show R.P., Wong Yu. Genetic Seeds of Warfare: Evolution, Nationalism and Patriotism. Boston, 1989; Dawkins R. Extended Phenotype. Oxford, 1982; Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. Norwich, 1981. P. 24; Таболина Т.В. Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций. М., 1985. С. 52; Ibid. P. 35, Isaacs H. R. Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change. N.Y., 1975. P. 28.; Connor W. Nation-Building or Nation-Destroying? // World Politics. 1972. V. 24. № 3.

⁷ См.: Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 358; Комаровф Дж. Национальность, этничность, современность; политика самосознания в конце XX века. // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993г. М.: Наука, 1994. С. 43; Тишков В.А. О феномене этничности. С. 12-13; Колпаков Е.М. Этнос и этничность // ЭО.

Среди примордиалистов, признающих изначально заданную («примордиальную») природу этничности, особенное влияние на научный мир оказали Э. Смит, С. Гринберг, П. Ван ден Берге и другие². В отечественной традиции в рамках примордиализма работали Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев³. История развития примордиализма прошла значительный путь от определения этничности через биологические и социальные характеристики к пониманию ее как культурной общности и далее – как имеющую субъективную природу.

Конструктивисты, отмечающие в своих исследованиях стихийную («конструируемую») природу этнической идентичности, представлены Е. Хаасом, Б.Ф. Уильямсом, А.Л. Эпштейном, Ф. Бартом, Т. Гурром, Дж. Ротшильдом⁴ – в западной науке и Н.А. Алексахиной, Дж. Комароффом, М.В. Крюковым, В.С. Малаховым, В.А. Тишковым, Ю.П. Шабаевым – в российской⁵. Ученые

1995. № 5. С. 21; Тишков В.А. О феномене этничности. С. 8-17; Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // ЭО. 1994. № 2; Конструирование этничности. СПб., 1998.

¹ См.: Wallerstein I. The Capitalist World Economy. Cambridge, 1979. P. 184; последний цит. по: Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. С. 40; Bell D. P. 171.; Дилегенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996. С. 100-104; Glaser N., Moynihan D. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City. N.Y., 1963; Червоная С.А. Возможно ли единство во множестве? (К проблеме американской идентичности) // США — экономика, политика, идеология. 1997. № 10. С. 3-16.

² Greenberg S. Race and State in Capitalist Development: Comparative Perspectives. New Haven, 1980; Van den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. Norwich, 1981; Geertz, C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York, 1973; Smith Anthony D. National Identity. Harmondsworth, 1991; Smith A.D. Nationalism and modernism. - L., N.Y.: Routledge, 1998; Smith A. The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986.

³ Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987; Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.

⁴ Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / Ed. by F.Barth. Bergen, Oslo, London, 1969; Cohen A. The Politics of Elite Culture: Explorations in the Dramaturgy of Power in a Modern African Society. Berkeley, 1981; Gurr T.R. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, 1993; Haas E. What is Nationalism and Why Should we Study it? // International Organisation. 1986. Vol. 40. № 3. P. 707; Epstein A.L. Ethos and Identity: Three Studies in Ethnicity. London, 1978; .: Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York, 1981.

⁵ Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Демография. М., 1998; Бурдые П. Социология политики. М., 1993; Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001; Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994; Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С. Этнология. М., 1997; Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. Олкотт, М. Б., Тишкова, В.А. М., 1997; Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология:

предлагают вместо бесконечного расширения количества «объективных» признаков этноса добавить в любой их перечень «представления об этих признаках»¹. То есть реальной основой для объединения индивидов выступает не этничность, а какие-либо интересы (экономические, политические и т.д.) и цели.

Инструменталисты, обозначающие политические мотивы и борьбу за власть в качестве основной формирующей силы идентичности этнической группы, представлены такими авторами, как А. Козн, Д. Горовиц, М.Н. Губогло, Г.С. Денисова, Л.М. Дробижева, Т.Г. Стефаненко, В.А. Ядов и другими². Представители этого направления считают, что идентичность этнических групп непостоянна. Она определяется обстоятельствами и существует возможность использования ее этническими лидерами и элитами в борьбе за политические и экономические ресурсы. В данной связи инструментализм не всегда выделяется авторами в отдельное направление.

Вторая группа представлена исследованиями форм этнополитического представительства иноэтничных групп, прежде всего, трудами, освещающими понимание диаспоры и национально-культурной автономии, их институциональных признаков, свойств и функций. Анализ содержания понятия диаспоры посвящены труды Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыковой, Т.С. Кондратьевой, В.Д. Попкова, С.А. Арутюнова, Ю.В. Рабинович, В.А. Тишкова³. Диаспоры

политические функции этничности: Учебник для вузов / Тишков В.А., Шабаев Ю.П. М.: Издательство Московского университета, 2011.

¹ Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 12.

² См.: Cohen A. Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Town. L., 1969; Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley (CA), 1985; Губогло М.Н. Мобилизованный лингвизм. М., 1993; Губогло М.Н. Развивающийся электорат России. М., 1996; Гулиев М. А., Коротец И. Д., Чернобровкин И. П. Этноконфликтология. — М.: ИКИЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2007; Дробижева Л.М., Гузенкова Т.С. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. Москва, 1994; Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М., 2002; Ядов В.А., отв. ред. Социальная идентификация личности. М., 1993;

³ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12; Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс] // Фонд исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatiya_2010-02-27.htm (дата обращения: 25.02.12); Попков В.Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. М., 2002; Арутюнов С.А. В мире все больше людей, живущих на два дома и две страны [Электронный ресурс] // Ноев ковчег. URL: <http://noev->

рассматриваются учеными как этнополитический феномен и классифицируются ими по различным основаниям: характер отношений со страной исхода, внутридиаспоральные коммуникации, участие в политическом процессе принимающей страны и так далее.

Изучению диаспоры как фактора политического влияния, продвижения национальных интересов, посвящены работы Г. Шеффера, Т.В. Полосковой, С.А. Арутюнова, Ю.А. Балашова, С.Я. Козлова, Ф.М. Нуриахметовой, В.Д. Попкова, В. Дятлова, К.С. Мокина, Ю. Калинкина, М.А. Мыльников¹, Т.В. Полосковой, В. Шнирельман, а также Р. Брубейкера, А. Козна, Дж.А. Армстронга, М.Дж. Эсмана². Внимание исследователей направлено на изучение влияния диаспоры на внешнюю и внутреннюю политику страны исхода,

kovcheg.1gb.ru/article.asp?n=96&a=38. (дата обращения: 12.04.2009); Рабинович Ю.В. Диаспора как социальный институт // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия Политология. Религиоведение, 2009; Тишков В.А. Увлечение диаспорой. О политических смыслах диаспорального дискурса. // Диаспора. №2. 2003; Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. статей. – М., 2001.

¹ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1; Полоскова Т.В. Диаспоры в сфере международных связей. – М., 2000; Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2; Арутюнов С.А., Балашов Ю.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс; Нуриахметова Ф.М. Мусульмане Запада: проблемы семьи и брака // Проблемы брака и супружества в условиях полиэтнического общества: сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 15 мая 2012 г. / сост. и научн. ред. д-р социол. наук, проф. Л.В.Карцева. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2012; Попков В.Д. Диаспорная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим обществом // Диаспоры, 2003; Дятлов В. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе [Электронный ресурс] // Архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2634>. (дата обращения: 12.04.2009); Мокин К.С. Диаспорная идентичность как стратегический ресурс интеграции (на примере армянских общин Саратовской области) [Электронный ресурс] // Фонд «Культура». URL: <http://fond-kultura.ru/19.html> (дата обращения: 12.04.2009); Калинин Ю. Особенности политической деятельности русскоязычной диаспоры в США : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011; Мыльников М.А. Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2009; Полоскова Т.В. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). М., 2002; Шнирельман В. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3.

² Brubaker R. Accidental Diasporas and External «Homelands» in Central and Eastern Europe: Past a. Present. Wien. 2000; Cohen R. Global Diasporas: An Introduction // Global Diasporas /Ed. by R. Cohen.-Second Edition. N. Y., 2008; Armstrong J. A. Mobilized and Proletarian Diasporas // American Political Science Review. Wash., 1976; Esman M. J. Diasporas a. International Relations //Modern Diasporas in Intern. Politics. / Ed. by Sheffer G. N.Y., 1986; Esman M. J. Ethnic Pluralism a. International Relations //Canadian rev. of Studies in Nationalism. Toronto. 1990. Vol. XVII, № 1-2.

а также на формулировании моделей принятия и включения диаспоры в этносоциальные процессы нового места проживания.

Отдельной подгруппой выступили ученые, чьи работы посвящены изучению этнической идентичности диаспоры или диаспоральной идентичности: О.К. Гетьман, М.П. Ковалева, В.С. Курске, С.В. Манусян, В. Дубовицкий, Н.Г. Ли¹. Исследования проведены в большей степени в рамках социально-психологического, культурологического, этнокультурного понимания этнической идентичности.

Поиском путей интеграции диаспоры в принимающую среду через развитие языковой компетентности и качеств билингвальной личности занимались Ж.Т. Уталиева, Е.Н. Кремер, Д.Н. Замятин, М.Н. Губогло, Р.В. Борисов²; через формирование установок межкультурной компетентности – А.П. Садохин, Ф.М. Нуриахметова, Д. Мацумото, О.С. Новикова³.

¹ Ковалев М.П. Этнокультурная идентичность диаспоры в глобализирующемся мире: специфика состояния и векторы изменения в процессе репатриации: автореферат дисс. канд. филос. наук. Томск, 2011; Курске В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования: автореферат дисс. канд. соц. наук. М., 2011; Манусян С. Вопросы сохранения идентичности в диаспоре: социально-психологический аспект [Электронный ресурс] // Фонд Норава. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=4836; Дубовицкий В. Национальная идентичность русской диаспоры как элемент сохранения исторической России [Электронный ресурс] // Сетевой центр русского зарубежья. URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12196>; Ли Н.Г. Этническая идентичность корейской общности как фактор социокультурной интеграции [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. URL: <http://www.teoriapractica.ru/-7-2013/sociology/li.pdf>; Пиллингтон Х., Флинн М. Чужие на родине? Исследование «диаспоральной идентичности» русских – вынужденных переселенцев // Диаспоры. 2001. № 2–3.

² Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 1996; Кремер Е.Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2010; Замятин, Д.Н. Географический образ России и постсоветские языковые идентичности / Д. Н. Замятин // Космополис. 2008. № 7. С. 97; Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М.Н. Губогло. М.: Наука, 2003; Борисов Р.В. Языковая компетентность как средство выражения этнической идентичности и формирования межэтнической толерантности учащейся молодежи : автореф. дис. ... канд. псих. наук. Махачкала, 2007.

³ Садохин А.П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования / А.П. Садохин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007; Нуриахметова Ф.М. Исламские концепции толерантности – ответ на вызовы современности // Третий культурологический конгресс с международным участием Креативность в пространстве традиции и инновации: Тезисы докладов и сообщений.- Санкт-Петербург: ЭЙДОС, 2010;

Понятие национально-культурной автономии было рассмотрено и проанализировано диссертантом, опиравшимся на работы Г.В. Калугиной, Ж.Т. Тощенко, Т.Я. Хабриевой, К.М. Ахмедова, Т.А. Титовой, Н. Радеcki. Авторы фокусируют внимание научного сообщества на этнополитическое содержание понятия национально-культурной автономии, ссылаясь при этом на систематизируемый и классифицируемый функционал НКА, связанный с социальным и этнополитическим представительство иноэтничных групп¹. Этнографический аспект миграции из стран Центральной Азии исследует С.Н. Абашин².

Третья группа собрана из работ по политической регионалистике, теоретических исследований этнополитических процессов и конфликтов на общенациональном и региональном уровнях, анализу межэтнического взаимодействия в Республике Татарстан.

Работы по политической регионалистике, например В.А. Тишкова, Ю.П. Шабаева, Р.Ф. Туровского, И.Ю. Рябкова, Н.Б. Черемина³, позволили

Мацумото Д. Психология и культура. Современные исследования. М.: Олма-Пресс, 2002; Новикова О.С. Межкультурная компетентность в глобализирующемся мире интеграции [Электронный ресурс] // Международное философско-космологическое общество. URL: <http://www.bazaluk.com/conference/193/comments.html>.

¹ Калугина Г.В. Национально-культурное общество в Иркутске: от клуба друзей Польши до Ассоциации защиты прав китайских граждан (трансформация феномена) // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение», 2008. № 1. С. 48.; Тощенко Ж. Т. Этнонациональная политика: плюсы и минусы // Вестник Российского университета дружбы народов. 2002. № 1; Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М: Юстицинформ, 2003; Ахмедов К.М. Национально-культурные объединения в политических процессах региона: на примере Саратовской области : дис. ... д-р. полит. наук. Саратов, 2007; Титова Т.А. Этнические меньшинства в городах Республики Татарстан: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Казань, 2008; Radecki H. Ethnic Organizational Dynamics: The Polish Group in Canada. Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier University Press, 1979.

² Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение, 2012. № 4; Абашин С.Н. Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // Pro et Contra, 2014.

³ Тишков В. Очерки теории и политики этничности в России. М.: ИЭА РАН. 1997; Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика / К.С. Мокин, Н.А. Барышная / Саратов, 2009; Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999; Рябков И.Ю., Черемин Н.Б. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2012. № 2(26); Рябков И.Ю. Анализ этнополитических процессов в современной России: теоретические и практические аспекты //

диссертанту определиться с пониманием сущностных характеристик этничности и этнической идентичности, понятия этнополитического пространства и его элементов, взаимосвязи глобализационных и региональных процессов.

Региональному измерению этнополитического пространства и разработке политического механизма управления межнациональными отношениями в Республике Татарстан посвящены научные труды Института истории им. Ш. Марджани, созданном при Академии наук РТ и представлены работами следующих ученых: Г.Ф. Габдрахманова, Л.В. Сагитова, Э.А. Сагдиева, Э.А. Нурутдинова¹. Следует отметить, что данные исследователи занимаются разработкой этнической проблематики в Татарстане, преимущественно, в рамках этносоциологии и истории.

Следует отметить научные труды ученых из Казанского государственного энергетического университета, посвященные этнополитическим, миграционным и этнокультурным проблемам Татарстана – Д.И. Игонина, М.А. Мыльникова, И.М. Ямалнеева, Н.М. Мухарямова², усилиями которых на базе КГЭУ начала

Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение, 2009.

¹ Габдрахманова Г.Ф. Этничность, язык, образование. Политический и практический опыт постсоветского Татарстана. Казань, 2006; Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н. Идентификационные процессы у русских и татар Татарстана в 1990-2000-х гг.: коллективные представления и конструктивистская роль элит. Казань, С. 166-193; Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н., Нурутдинова Э.А. Особенности миграционных процессов в Республике Татарстан // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. 1. Казань, 2007; Сагдиева Э.А. Актуализация социальных и этнических ресурсов в экономических стратегиях трудовых мигрантов : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.04. Казань, 2010.; Сагитова Л.В. Дом дружбы народов, трудовые мигранты и адаптационная политика Татарстана // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой / Редакторы: Р.Н. Мусина, Г.Ф. Габдрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013; Сагитова Л.В. Этнорегиональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006; Макарова Г.И. Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 242 с.; Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации / Г.И. Макарова. Казань: Казан. Ун-т, 2010. 248 с.; Низамова Л.Р. Мультикультурализм в системе актуальных политических и социальных ценностей. Казань, 2010; Титова Т.А. Этнические меньшинства в городах Республики Татарстан. Казань, 2008.

² Игонин Д.И. Дискурсивные основания государственной миграционной политики в современной России (федеральный и региональный аспекты): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Казань, 2012.; Мыльников М.А. Этническая диаспора как субъект политический

складываться научная школа по изучению этнических, языковых и диаспоральных процессов в регионе.

Отдельным блоком в третьей группе стали исследования, выполненные в рамках конфликтологической парадигмы (А.С. Ким, А. Ахиезер, Р.С. Харабуа, Л.А. Рыкалина, А.А. Мацнев, А.Р. Аклаев и другие¹, и позволившие диссертанту выявить определяющую, конструирующую роль восприятия этнических границ у участников политического процесса (Ф. Барт, А.А. Богатова, Л.М. Дробижеева, В.А. Тишков²).

Четвертая группа образована научными трудами, в которых рассматриваются процессы политизации этничности и этнической идентичности в условиях современного мира, анализируются политические механизмы управления этническими и диаспоральными процессами. Так, например, В.А. Тишков и Ю.П. Шабаетов анализируют исторические примеры политизации

коммуникаций: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2009; Ямалнеев И. М. Этнорегиональная идентичность как политический проект: На примере Республики Татарстан : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2005; Мухарямов Н.М. Этнический фактор и политика в Республике Татарстан: тенденции 2000-х годов // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований: сб. науч. ст. к юбилею Л.М. Дробижеевой / под ред. Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой и др.. – Казань, 2013.

¹ Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект), 2009; Ахиезер А. Культурные основы этнических конфликтов // Общественные науки и современность. 1994; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России, 1997; Харабуа Р.С. Геополитические интересы России в грузино-абхазском конфликте // Политолог: взгляды на современность, 1996; Рыкалина Л.А. О природе этнонационального конфликта // Социально-политический журнал. 1995; Мацнев А.А. Этнополитические конфликты: природа, типология и пути урегулирования // Социально-политический журнал. 1996. № 4; Аклаев А.Р. Законодательство о языках и межэтнические конфликты в республиках Российской Федерации // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994; Стрелецкий В.Н. Этнотерриториальные конфликты в постсоветском пространстве: сущность, генезис, Типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997; Ильин В.И. Социальное неравенство. М., 2000; Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. М., 1998; Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. М., 2007; Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987; Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.

² Богатова А. А. Этнические границы в Мордовии: парадокс многоуровневой идентичности // Социологические исследования. №6, 2004; Дробижеева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003; Ильин В. И. Социальное неравенство. М., 2000; Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под ред. Олкотт, М. Б., Тишкова, В.А. М., 1997; Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / Ed. by F.Barth. Bergen, Oslo, London, 1969.

этничности, а С.В. Рыжова, И.В. Кожанов, О.В. Киноян, М.А. Булгаков, Т.И. Широкова, М.В. Ефремова и Ю.П. Медова – предлагают механизмы ее деполитизации путем формирования на базе этнической идентичности установок общегражданской консолидации¹.

Пятая группа преимущественно состоит из трудов современных ученых, работающих над проблемами информационного пространства, его взаимодействия с политической и этнической сферами жизнедеятельности общества, а также ряда конкретных изданий массовой информации, интернет-порталов региональной власти и должностных лиц. Роли средств массовой информации в позитивизации этнополитического взаимодействия посвящены работы Р.Г. Абдулатипова, М.Л. Ахмедова, М. Аствацатуровой, В.А. Амелина, Ю.А. Балашова и И.Ю. Рябкова, А.Ф. Дашдамирова, И.М. Дзялошинского, Я.Н. Засурского, И.И. Засурского, В.Ю. Зорина, К.С. Гаджиева, П.Н. Киричѣк, В.К. Мальковой, М.Ф. Ненашева, П.Ф. Потапова, И.Ю. Рябова и Н.Б. Черемина, М.В. Саввы, В.А. Тишкова, А.В. Шевченко, М.К. Раскладкиной, А.Н. Ижаева².

¹ Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межетнической толерантности : дис. ... канд. социол. наук. М., 2008; Кожанов. И.В. Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Современные проблемы науки и образования. 2013. №3; Киноян О.В. Политизация этнической идентичности как фактор мобилизации этнических групп в условиях конфликта: диссертация ... кандидата политических наук. Невинномысск, 2009; Борисова О.В. Феномен политизированной этнической идентичности: теоретико-методологический анализ : дис...д-р. полит. наук. М., 2000; Булгаков М.А.. Этническая миграция как фактор политического процесса в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2012; Широкова Т.И. . Феномен политизированной этнической идентичности: автореферат дис.... кандидата философских наук. Сочи, 2011; Ефремова М.В. Влияние этнической и гражданской идентичности на адаптацию инокультурных мигрантов в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Под редакцией: Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко М.: Российский университет дружбы народов, 2009; Медова Ю.П. О соотношении национальной и этнической идентичности // Философия и общество. 2010. № 4(60).

² См.: Аствацатурова М.А. Пресса Ставропольского края: межетнические отношения и этнокультурные образы как объекты профессионального интереса. - Ростов-на-Дону – Пятигорск. 2003.; Амелин В.А. Роль СМИ в профилактике и нейтрализации экстремизма // Материалы заседания проблемно-целевого семинара. Оренбург, 2002.; Савва М.В., Савва Е.В. Пресса, власть и этнический конфликт. Краснодар, 2002; Ахмедов М.Л. Средства массовой информации как фактор стабилизации межнациональных и федеративных отношений (на материалах России 1990-1998 гг.): автореф. дис. канд. полит.н. М., 1999.; Дзялошинский И.М. Методы деятельности СМИ в условиях становления гражданского общества. М., 2001; Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М., 1999; Науменко Т.В. Социология массовой коммуникации. СПб., 2005; Ненашев М.Ф. Газета, читатели, время (социологический анализ).

Шестая группа связана с анализом нормативно-правовых оснований этнополитического взаимодействия на региональном уровне и представлена трудами Ф.М. Нуриахметовой, Г.И. Макаровой, Г.Ф. Габдрахмановой, Ш. Муффа, Д.И. Игониной¹.

На современном этапе развития научных исследований практически в полной мере проработаны вопросы, отражающие проблематику этничности, этнической идентичности, диаспоры и межнациональных отношений, создана теоретико-методологическая база для их осмысления и эмпирического изучения. Вместе с тем ощущается недостаток в работах, посвященных комплексному анализу процессов политизации идентичности современных, «трудовых» диаспор с учетом специфики региональных этнополитических процессов. Ограничено количество исследований, в которых изучены институциональные основания и механизмы управления этнической идентичности диаспоры, отсутствует комплексное этнополитическое исследование этнической идентичности центрально-азиатских диаспор. В основном феномен «этнической идентичности»

М., 1986; Реснянская Л.Л. В поисках смысла, или о влиянии выборов на средства массовой информации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2001. №5; Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. М., 2004; Гаджиев К.С. Введение в политическую философию. М., 2004; Шевченко А.В. Политология. М., 2004; Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В.К. Мальковой. М., 2002; Киричѐк П.Н. Социология публицистики. Саранск, 1998; Киричѐк П.Н., Потапов П.Ф. Печать и этнос. Саранск, 2005; Рябков И.Ю., Черемин Н.Б. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2012. № 2(26); Малькова В.К. Этничность и толерантность в современных российских СМИ // Этнографическое обозрение. 2003. №5; Абдулатипов Р.Г. Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М.: Научная книга. 2005.; Дзялошинский И.М. Методы деятельности СМИ в условиях становления гражданского общества. М., 2001.; Малькова В.К. Проблемы этнической журналистики и толерантности // Этнопанорама. 2001. № 1; Раскладкина М.К. Интернет как средство организации информационно-политического пространства России: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006; Поликанова Т.В. Информационное обеспечение оптимизации межнациональных отношений в Российской Федерации: дис.... канд. полит. наук. Москва, 2007; Ижаев А.Н. Информационно-политическая и этническая идентичность в пространстве массовой коммуникации: автореф. дис.... канд. полит. наук. М., 2007.

¹ См.: Нуриахметова Ф.М. Этнокультурное многообразие и толерантность // Казань на перекрестке эпох и культур: сб. науч. ст. /составитель и научный редактор проф. Л.В. Карцева. Казань, 2011; Макарова Г.И. Этническая и российская идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики : дис. ... канд. социол. наук. М., 2009; Игонин Д.И. Дискурсивные основания государственной миграционной политики в современной России (федеральный и региональный аспекты): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2012.

исследуется применительно к «классическим диаспорам» (греческая, еврейская, армянская и так далее), либо анализируется в контексте социальной и/или культурной деятельности ее носителей. Группа центрально-азиатских диаспор как объект этнополитических и регионалистских исследований практически не представлена. Работы, посвященные изучению конфликтогенного потенциала центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан, практически отсутствуют. Несмотря на значительные успехи в исследовании актуальных этнических и диаспоральных процессов, исследование политизации этнической идентичности диаспоры, комплексный анализ трансформационных процессов в идентичности центрально-азиатских диаспор в этнополитическом пространстве Татарстана в частности, в науке не представлены. Именно по этим причинам диссертант считает настоящее исследование актуальным и востребованным, так как оно направлено на восполнение пробела, образовавшегося в научном знании.

Объект исследования – центрально-азиатские диаспоры в этнополитическом пространстве российского региона.

Предмет исследования – политизация этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в контексте региональных этнополитических процессов (на примере Республики Татарстан).

Цель исследования – на основе исследования политизации этнической идентичности диаспоры разработать механизм политического управления формированием позитивной этнической идентичности в условиях регионального этнополитического пространства.

Цель достигается путем решения следующих **задач исследования**:

1. Рассмотреть основополагающие теоретические подходы и сформулировать методологические принципы изучения этнической идентичности и ее политических трансформаций: политизации и деполитизации;
2. Проанализировать с позиций современной политической науки формы этнополитического представительства иноэтнической идентичности (диаспора, национально-культурная автономия);

3. Выявить средствами эмпирических исследований сущностные черты и степень политизированности этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан; раскрыть основания консолидации с другими видами групповой идентичности;

4. Исследовать уровень конфликтогенности этнической идентичности центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан, характер потенциальных или реальных противоречий с принимающим населением и факторы их катализации; выделить наиболее эффективные методы профилактики этнополитических конфликтов с участием центрально-азиатских диаспор на региональном уровне;

5. Определить эффективность политико-коммуникативных ресурсов формирования позитивной этнической идентичности центрально-азиатских диаспор, привлекаемых акторами информационно-политического пространства Республики Татарстан;

6. Разработать на примере центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан механизм политического управления этнической идентичностью на региональном уровне.

Сущность проблемы находит отражение в названии темы исследования – «Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор в этнополитическом пространстве Республики Татарстан».

В качестве **гипотезы исследования** выдвинуто следующее предположение: этническая идентичность центрально-азиатских диаспор, формируемая в условиях этнополитического пространства Республики Татарстан, обладает рисками политизации и конфликтогенности, которые, в свою очередь, могут быть деактивированы через сети внутригруппового, межэтнического и информационно-политического взаимодействия, а также системы управленческих решений, принимаемых на региональном уровне.

Источниковая база исследования. Отбор материала осуществлялся на основе сбора статистических данных и изучения нескольких групп источников.

Первую группу источников образуют официальные документы (Конституция Российской Федерации, федеральные законы, законы Республики Татарстан как субъекта РФ, и иные нормативно-правовые акты), составляющие правовую основу: регулирования сферы межнационального взаимодействия; деятельности национально-культурных и этнических организаций; профилактики терроризма и экстремизма на территории России, а также этнокультурного развития народов России и укрепления национального единства.

Прежде всего, к этой группе источников относятся такие законодательные акты федерального и регионального значения, как: «Об обеспечении межнационального согласия», «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «О национально-культурной автономии», «О Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан», а также отдельные положения федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» и региональных подпрограмм «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014 – 2020 годы», «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014 – 2016 годы»¹.

¹ Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юрид. лит., 2009. 64 с.; Федеральный закон «Об обеспечении межнационального согласия» : ФЗ РФ от 07.12.2012 №602-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. №19. С. 2339; Федеральный закон «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» : ФЗ РФ от 19.12.2012 г. №1666-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. №52. Ст. 7477; Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» : ФЗ РФ от 21.07.2014 №230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 3. Ст. 4231; Федеральный закон «О национально-культурной автономии» » : ФЗ РФ от 17.06.1996 №74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №24. Ст. 2837; Указ Президента Республики Татарстан «О Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан» : Указ Президента Республики Татарстан от 26.07.2013 № УП-695 [Электронный ресурс]: Российская газета. 2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/08/13/tatrastan-ukaz695-reg-dok.html> (дата обращения 25.07.2014); Постановление Правительства Российской Федерации «О Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» : Постановление Правительства Российской Федерации от 20.08.2013 №718 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. №35. Ст. 4509; Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан «Об утверждении государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014 – 2020

Вторую группу источников исследования составляют данные нескольких эмпирических исследований, полученных лично диссертантом в рамках проведения:

а) стандартизированного интервью с представителями центрально-азиатских диаспор Татарстана (всего в интервью приняли участие 165 респондентов: 37 человек из казахской диаспоры, 16 – из киргизской, 42 – таджикской, 50 – узбекской, 20 – туркменской). Выборка формировалась «методом снежного кома»;

б) экспертного опроса председателей, представителей молодежи и активистов национально-культурных автономий киргизов, узбеков, казахов, таджиков и туркмен Татарстана (12 человек);

в) контент-анализа периодических изданий (газеты «Республика Татарстан», «Татарская деловая газета», «Известия Татарстана», «Вечерняя Казань») и информационных электронных порталов (сайты www.tatcenter.ru, частично www.gazetartat.ru) по проблемам центрально-азиатских диаспор, проживающих на территории Республики Татарстан.

Данная группа источников также сформирована из результатов вторичного анализа этносоциологических исследований, проведенных различными авторами с целью изучения различных аспектов анализируемой проблематики¹.

Третья группа источников представлена массивом авторских и коллективных монографий, научных статей, материалов научных дискуссий,

годы» : Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 09.10.2013 №742 [Электронный ресурс]: Официальный Татарстан. 2013. URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_204769.pdf (дата обращения 25.07.2014); Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014 – 2016 годы» : Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 29.10.2010 №865 [Электронный ресурс]: Официальный Татарстан. 2013. URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_223771.rtf (дата обращения 25.07.2014).

¹ См.: Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2009. 42 с.; Макарова Г.И. Этническая и российская идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики : дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. С. 17; Сагитова Л.В. Дом дружбы народов, трудовые мигранты и адаптационная политика Татарстана // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Казань, 2013. С. 116-136.

конференций и круглых столов, диссертаций по политологии и этнополитике, политической регионалистике, истории, этнологии, этносоциологии, культурологии, социальной психологии и этнопедагогике, представленных в библиографии к работе.

Репрезентативность и соответствие цели и задачам диссертационного исследования подтверждается объемом выборки респондентов, анализируемых источников массовой информации, количества и формулировки задаваемых вопросов, а также проверяемых критериев оценки, которые были тщательно выверены и скорректированы по итогам пилотажного исследования.

Теоретико-методологическая база исследования. Для достижения цели исследования, а также в связи с многозначностью и динамизмом изучаемых в работе явлений, диссертантом были использованы различные методологические подходы, примененные на трех различных смысловых уровнях. На первом уровне были применены – диалектический, системный, структурно-функциональный, сравнительный, исторический подходы.

На втором уровне использовались политологический, социологический, социально-психологический и культурологический подходы. В исследовании нашли отражение как идеи и концепции политологии, этнополитики и регионалистики, так и категориальный и теоретический инструментарий социологии, этнологии, этнопсихологии, культурологии, позволивший диссертанту представить обоснованные выводы и использовать преимущества междисциплинарного анализа.

На третьем уровне применялись следующие методы:

- метод стандартизированного интервью (в рамках эмпирического измерения и детального исследования этнической идентичности центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан);
- экспертный опрос (при изучении способов достижения позитивной этнической идентичности центрально-азиатских диаспор, форм профилактики конфликтных ситуаций с их участием на территории Республики Татарстан);

- контент-анализ (для анализа информационно-политического отображения этнической идентификации центрально-азиатских диаспор в условиях Республики Татарстан и оценки потенциала воздействия регионального информационно-политического пространства на этническую идентичность исследуемых диаспор);
- анализ документов и вторичный их анализ (в контексте изучения нормативно-правовой базы обеспечения самоопределения народов, проживающих на территории Республики Татарстан, а также специальной научной литературы, посвященной данной тематике);
- метод политического анализа (с целью разработки принципов и методов политического управления этнической идентичностью центрально-азиатских диаспор, изложения соответствующих рекомендаций).

Также в ряду применяемых в исследовании эмпирических методов значатся методы сопоставления, статистического анализа, а также включенного этнографического наблюдения за жизнедеятельностью представителей центрально-азиатских диаспор Татарстана. Диссертационное исследование основывается на общих методологических принципах объективности и комплексности, общенаучных методах синтеза и анализа, широко применяемых в общественных науках.

Учитывая синтетический характер исследования, применение точных методов, широкий подход к определению политических институтов, ядро концептуальных оснований диссертационной работы составила методология неoinституционализма, согласно которой институты – есть внешняя переменная, изменяющаяся под влиянием внутренних условий; и принимающая во внимание значимость социокультурных символов, ценностей и стереотипов, иными словами, фактор культуры. Особое значение для определения оснований исследования сыграли положения конфликтной и консенсусной парадигм политической науки, теоретическое сближение которых наблюдается в науке с 70-80-х годов XX века. Проблематика диссертации содержит и конфликтологическую составляющую, и поиски путей достижений консенсуса между взаимодействующими этническими группами, их интересами и целями в межнациональном обществе. Таким образом,

использованная в диссертации теоретико-методологическая база обеспечила всестороннее изучение проблемы этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в этнополитическом пространстве Республики Татарстан и позволила получить научно-обоснованные результаты исследования.

Научная новизна работы состоит в том, что на основе большого количества эмпирического материала, собранного лично диссертантом (данные стандартизированного интервью с представителями центрально-азиатских диаспор, экспертного опроса с участием лидеров и активистов соответствующих национально-культурных автономий, контент-анализа информационно-политического пространства Республики Татарстан) были впервые установлены сущностные особенности этнической идентичности центрально-азиатских диаспор; в авторской интерпретации раскрыты концептуальные условия катализации и деактивизации потенциалов политизации и конфликтогенности данных этногрупп; предложен механизм политического управления формированием позитивной этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в этнополитическом пространстве Республики Татарстан.

Исследование этнической идентичности диаспоры – это перспективное направление этнополитических исследований. Этнические диаспоры являются важными, но малоизученными акторами современных политических коммуникаций. Настоящая работа является оригинальным политологическим исследованием с выраженной практической направленностью.

Конкретно наиболее важные элементы новизны заключаются в следующем:

1. Разработан авторский инструментарий прикладного эмпирико-политологического исследования диаспоры как субъекта политики и этнической идентичности диаспоры с применением междисциплинарного подхода, основанного на политологическом, этнологическом, социологическом и культурологическом изучении и системном анализе феномена этнической идентичности диаспоры и ее политизации;

2. Обоснована и введена в политический лексикон авторская трактовка понятия «этническая идентичность диаспоры», понимаемая как динамичная и

ситуативная структура взаимодействующих характеристик, определяющих самосознание, адаптируемые образцы поведения и социально-политические установки иноэтнической группы в этнополитическом пространстве региона пребывания; авторски интерпретированы научные представления об иноэтнической идентичности в формах диаспоры и национально-культурной автономии; пересмотрены имеющиеся положения науки об этнической идентичности диаспоры с привлечением данных оригинального эмпирического исследования;

3. Выявлено изменение структуры этнической идентичности центрально-азиатских диаспор на региональном уровне этнополитического пространства; определены социально-политические и этнокультурные факторы, оказывающие влияние на эти изменения; раскрыты сущностные характеристики этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан (множественность, гибкость, ситуативность, способность при сбалансированной этнонациональной политике подстраиваться под общие тенденции этнополитических процессов в принимающем регионе);

4. Выявлены и оценены риски политизации и факторы реализации конфликтного потенциала диаспоры в условиях регионального этнополитического пространства (реальные и образные этнические границы, социальная дистанция, культурные различия с принимающим сообществом), для нейтрализации предложены методы (политические, нормативно-правовые, информационно-коммуникативные, этнокультурные, социальные) формирования позитивной этнической идентичности диаспоры и преодоления конфликтных ее проявлений;

5. В авторской интерпретации раскрыта роль регионального информационно-политического пространства и официального дискурса в конструировании позитивной этнической идентичности диаспоры, преодолении этнических стереотипов в отношении носителей иноэтнической идентичности, поддержании политики этнического равноправия; проанализирована эффективность привлекаемых политико-коммуникативных ресурсов диаспоры как объекта и

субъекта региональной политической коммуникации на территории принимающего сообщества;

6. Создана система практических рекомендаций по политическому управлению конфликтогенным потенциалом диаспоры на основе деполитизации и позитивизации ее этнической идентичности, формирования установок гражданской консолидации и общенациональной интеграции, а также путем использования как внутренних ресурсов диаспоры, так и внешних механизмов этнополитического взаимодействия; представлена теоретическая модель механизма управления политизацией этнической идентичности центрально-азиатских диаспор, включающая государственно-законодательный, общественно-гражданский и повседневно-бытовой уровни.

Положения, выносимые на защиту:

1. Этническая идентичность диаспоры имеет синтетичную и конструируемую структуру, является средством мобилизации последней к борьбе за обладание политическими и экономическими ресурсами и обуславливает характер участия и степень субъектности диаспоры в этнополитическом процессе на территории принимающего региона. В связи с этим природа этнической идентичности диаспоры определяется как потенциально политизированная и конфликтогенная, что дает основания для формулирования принципов управления ее эффектами и уровнем выраженности в контексте консолидирования с другими видами групповой идентичности и формирования установок общегражданской интеграции.

2. Посредническую роль между иноэтничными группами и принимающим сообществом в реализации этнокультурной политики и поддержании этнополитического согласия выполняют диаспоры и национально-культурные автономии, деятельность которых отражает динамику политического процесса в регионе пребывания и основывается на совокупной реализации социально-экономических, правовых, административных, информационно-коммуникативных и политических ресурсов. На базе этнической идентичности диаспоры, определяющей самосознание, адаптируемые образцы поведения и

социально-политические установки ее носителей, формируются характер и формы участия диаспоры в этнополитическом взаимодействии на региональном уровне.

3. Для этнической идентичности центрально-азиатских диаспор характерно изменение структуры в этнополитических условиях Республики Татарстан. Ее сущностными чертами на современном этапе являются: множественность, флексибельность, лингвистическая бесконфликтность, высокая значимость для ее носителей собственной этнонациональной принадлежности, дополнение социальной идентичностью в форме борьбы за достижение более значимых статусных позиций и профессионального успеха, а также способность подстраиваться под общие тенденции этнополитических процессов в принимающем регионе. Факторами изменения этой структуры выступают как реалии регионального этнополитического процесса, так и активность самих центрально-азиатских диаспор в «надстраивании» других видов групповой идентичности, используемые ими ресурсы собственной языковой компетентности и опыт межэтнического взаимодействия. Политизация этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан «купируется»: вместо активных субъектных ролей в этнополитических процессах предлагаются иные пути идентификации – социальные, трудовые, образовательные, культурные, профессиональные и т.д.

4. Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор обладает конфликтогенным потенциалом или «ситуационной конфликтностью», понимаемой как вариативность линий поведения в ситуации межэтнического несогласия в зависимости от совокупности объективных и субъективных компонентов оценивания участниками этой ситуации. Факторами катализации этого конфликтогенного потенциала являются: реальные и образные этнические границы, социальная дистанция, культурные различия с принимающим сообществом. Нейтрализации ситуационной конфликтности диаспоры способствует формирование у нее позитивной этнической идентичности,

языковой и межкультурной компетентности, осведомленности о диапазоне адекватных стратегий поведения в ситуации конфликта.

5. Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор конструируется и на уровне регионального информационно-политического пространства, где наблюдается стремление к политизации их идентификационной активности. Деполитизация и позитивизация этнической идентичности диаспоры на этом уровне базируется на совокупности внутренних политико-коммуникативных ресурсов самой диаспоры (установок на бесконфликтное взаимодействие с принимающим населением, развитие множественной идентичности, защиту интересов через национально-культурные автономии, трансляцию этнокультурного опыта) и внешних (концепции национальной политики с признанием этнического равноправия, официальной системы регулирования иноэтнических процессов, нормативно-правовой базы в сочетании со сложной структурой контролирующих и ответственных органов) механизмов управления.

6. Механизм политического управления этнической идентичностью центрально-азиатских диаспор на региональном уровне включает социальные, культурные, информационно-коммуникативные и непосредственно политические методы и через формирование гражданской или региональной идентичности отвечает на потребности множественной идентичности центрально-азиатских диаспор Татарстана, так как учитывает конструируемый характер факторов, влияющих на формирование этнической идентичности диаспоры. Результатом реализации этого механизма являются достижения в области конструирования позитивной этнической идентичности диаспоры и регулирования тенденций ее политизации, развития установок общественной интеграции и этнополитической консолидации на основании баланса между этническими и общегражданскими ценностями, солидаризации на основании региональной идентичности.

Научно-теоретическая и практическая значимость данной работы заключается в возможности использования ее результатов и изложенных рекомендаций органами государственной власти и местного самоуправления России и Республики Татарстан соответственно, во-первых, при корректировке

национальной и миграционной политики, построении принципов этнополитического управления и менеджмента; во-вторых, для профилактики этнических конфликтов и формирования эффективного политического взаимодействия на указанных территориях; в-третьих, в педагогическом процессе – в преподавании курсов политологии, этнополитологии, политической регионалистики, этнологии, этносоциологии, прикладной культурологии и социальной антропологии в качестве практического и научного материала, а также в качестве дополнительного материала по этнопсихологии и социальной психологии. Представляется возможным использование материалов диссертационного исследования средствами массовой информации в целях преодоления негативных этнических стереотипов и налаживания межэтнического диалога в регионе и стране в целом. Результаты работы могут быть использованы в просветительских целях: для распространения межкультурных знаний о культуре и традициях представителей народов Центральной Азии, проживающих в России; в популяризации примера Республики Татарстан по гармонизации межэтнических и этнополитических процессов на территории других полиэтнических регионов страны.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации отражены в 38 публикациях: в 1 коллективной монографии и 37 статьях в сборниках научных трудов и научных журналах, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией. Общий объем имеющихся публикаций равен 10,3 печатным листам. Ключевые выводы диссертации были обсуждены на 37 научных конференциях и семинарах. Диссертационная работа была обсуждена и одобрена на расширенном заседании кафедры истории и кафедры политологии и права Казанского государственного энергетического университета.

Структура работы. Соответственно задачам и логике исследования диссертация состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы в количестве 266 наименований, а также 7 приложений. Общий объем диссертации составляет 250 страниц.

ГЛАВА 1. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДИАСПОРЫ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Первая глава диссертации посвящена анализу теоретических воззрений, поиску методологических оснований исследования этнической идентичности, этнополитического пространства, форм идентификации этнических групп в полиэтническом окружении, феномена диаспоры, национально-культурной автономии и т.д. с позиций этнополитологии. Диссертант формулирует методологические принципы изучения этнической идентичности «современных» («трудовых») диаспор, институтов социально-культурного и политического представительства этнических групп, определяется с понятийно-категориальным аппаратом исследования. В рамках данной главы диссертант обозначает важность теоретического осмысления процесса политизации этнической идентичности иноэтнических групп на примере диаспоры, обосновывает актуальность формирования политического механизма управления иноэтнической идентичностью.

1.1. Теоретико-методологические основания изучения этнической идентичности в политологических исследованиях

В настоящем параграфе диссертационного исследования автор рассматривает подходы, сложившиеся в мировой и отечественной политической науке и определяющие понимание этнической идентичности с позиций примордиализма, конструктивизма, инструментализма. Диссертант анализирует положение иноэтнических групп в политическом процессе принимающей страны в рамках «субъект-объектных» отношений и обеспечения этнического равноправия на ее территории. Данная часть исследования также посвящена изучению формирования этнической идентичности в контексте межэтнических коммуникаций, становления общероссийской и гражданской идентичности на

региональном уровне. С учетом сложности и многофакторности анализируемых процессов важная роль отведена междисциплинарности и полипарадигмальности в исследовании феномена этнической идентичности, характера политического взаимодействия между ее носителями.

Полиэтнические регионы России, такие, как Татарстан, все чаще становятся объектом пристального внимания широкого круга исследователей: политологов, этнологов, социологов, психологов, культурологов и других. Возрастающий интерес ученых к проблемам обществ со сложным этническим составом объясняется тем, что в них наблюдается значительная активизация этнических процессов. Тенденция к актуализации вопросов этнической идентичности стала проявляться с 1980-х гг. и существенно усилилась с распадом СССР. Российский исследователь В.А. Тишков отмечает, что политические и социальные процессы, происходящие в постсоветских государствах на современном этапе, способствуют тому, что этнический фактор стал одним из важнейших параметров общественной жизни¹. Именно поэтому его всестороннее изучение столь актуально для науки.

В политической науке сложилось множество подходов к изучению этнической идентичности, при этом единообразие в понимании данного феномена отсутствует. Все чаще прослеживаются синтетические тенденции: в своих научных изысканиях авторы соединяют положения различных подходов к определению этнической идентичности. Наблюдается полипарадигмальность в понимании исследуемого феномена. В связи с этим диссертанту представляется целесообразным рассмотреть различные подходы и концепции исследования этнической идентичности.

Разработка понятия этнической идентичности началась с изучения феномена идентичности. Первоначальное развитие феномена идентичности началось с работ Э. Эриксона, работающего в русле психологических исследований, и который особо подчеркнул свойства адаптируемости поведения

¹ См.: Тишков А.В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. Омск, 1993. С. 265-277.

индивида, важнейшей формой самопонимания которого является идентичность¹. Идентичность личности предполагает, согласно идеям Эриксона, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека, принятие ею социального бытия как своего².

Разработки Эриксона во многом были восприняты и отечественными учеными. Обсуждение российскими исследователями дефиниции этнической идентичности (у них же – этнического самосознания, термин вошел в научный лексикон после научных исследований Н.Н.Чебоксарова³, С.А.Токарева⁴) началось с конца 80-х годов XX в. С конца 1980-х – начала 1990-х гг. помимо привычных понятий «этнос» и «этническое самосознание» появляются и новые дефиниции «этничность», «этническая идентичность», которые пришли в оборот отечественной науки из трудов иностранных ученых – антропологов и социологов.

В отечественной этнологической науке термины этничность и этническая идентичность чаще всего применяются как тождественные друг другу и означающие «народ как национальную общность»⁵. Определяющими признаками этноса в данном случае признаются: «общность территории проживания, наличие общего исторического прошлого, единого языка, культуры, особенностей психики»⁶, которые, в свою очередь, должны быть осознаны индивидами как основания единства с этнической группой.

Современный российский ученый Н.Г. Скворцов выделяет три основных фактора этничности: а) интеракционный, в рамках которого этничность понимается как форма межгруппового взаимодействия; б) атрибутивный, где этничность выступает как качество (или набор определенных качеств) группы;

¹ См.: Erikson E. Identity. Youth and Crisis. N.Y., 1968. P. 94.

² См.: Erikson E. Insight and Responsibility. N.Y., 1964. Pp. 203-204.

³ См.: Чебоксаров Н.Н. Проблемы происхождения древних и современных народов (вступительное слово на симпозиуме) // Труды МКАЭН. Т. V. М., 1970.

⁴ См.: Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 44.

⁵ Филиппов Р.В. Советская теория этноса. Историографический очерк М., 2010. С. 108.

⁶ Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. М., 1977. С. 28-29.

в) субъективно-символический, в случае которого этничность рассматривается, прежде всего, как этническая идентичность¹. С этой точки зрения, по мнению Г.У.Солдатовой², этническая идентичность обладает целым рядом особенностей, среди которых присутствуют ориентация на прошлое и мифологизм. С.В. Лурье к этому ряду добавляет способность этнической идентичности возрастать и ослабевать в соответствии с внешними обстоятельствами³.

Термин «этничность» в западной науке употребляют политологи, указывая на «настойчивую и отчетливую самоидентификацию», основанную на этнической принадлежности, либо на «конфликты на этнической почве»⁴. Так, например, Т. Парсонс, анализируя феномен этнической идентичности, прежде всего, отмечал, что это один из видов групповой идентичности, где важным элементом является понимание и согласие с участием в этой⁵. Э.Хобсбаум в отношении дефиниции этничности указывал на то, что этничность является доступным и известным участникам группы способом выражения самого смысла принадлежности к этой группе, определяющего желание в ней состоять⁶.

По мнению А. Коэна, этничность определяет формы взаимодействия между культурными группами внутри единого социального контекста⁷, противостояние идентичности национального большинства, и, собственно, эти культурные отличия. Ф. Ригс, исследовавший проблемы этнических и культурных границ как маркеров идентичности, отмечал, что этническая идентичности есть основа всех форм групповой идентичности, базирующаяся на общих истории и чертах культуры⁸.

¹ См.: Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. С. 49-113

² См.: Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 47-49, 51.

³ См.: Лурье, С.В. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994. С.13.

⁴ Лурье, С.В. Метаморфозы традиционного сознания. С.13.

⁵ Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change of Ethnicity. In: Glazer N. and Moynihan D. (eds.), Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. P.53.

⁶ См.: Hobsbawm E.J. Ethnicity and Nationalism in Europe Today // Anthropology Today. 1992. Vol. 8. № 1. P.4.

⁷ См.: Cohen A. The Lesson of Ethnicity. In: Cohen A. (ed.) Urban Ethnicity. London etc: Tavistock Publications, 1974. P.11.

⁸ См.: Riggs F. Administration in Developing Countries: The Theory of Prismatic Society. Boston, 1964. Pp. 281-306.

Далее с 50-60-х годов XX века произошло теоретико-методологическое расхождение в представлениях сторонников субъективного и объективного методов исследования этнической идентичности. Так, например, для объективистов характерно выделение этничности на основании объективных культурных признаков (расовая принадлежность, одежда, языковой фактор, религия, формы экономической жизни, специфические обычаи и традиции). В представлениях объективистов, этнические группы определяются его сторонниками через внешние по отношению к ним реальные явления.

Субъективисты, напротив, не стали отдавать определяющую этничность роль культурным факторам. По их мнению, в характерном для объективистов толковании этничности заложена ошибка, заключающаяся в отсутствии внимания к фактору изменчивости самих границ. Гораздо более продуктивной с точки зрения методологии исследования, является определение этнической группы как единичного образования на основании присущих ей составных элементов, отличающих эту группу от прочих. Безусловно, в представлениях субъективистов, важным фактором остается различия объективных и культурных условий, отмеченных объективистами.

Среди субъективистов, в свою очередь, также возникло несколько подразделений и в их ряду сложилось два основных течения – примордиализм¹ и конструктивизм², также существует направление, многими исследователями выделяемое в отдельное, которое именуется инструментализмом³.

¹ См.: Show R.P., Wong Yu. Genetic Seeds of Warfare: Evolution, Nationalism and Patriotism. Boston, 1989; Dawkins R. Extended Phenotype. Oxford, 1982; Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. Norwich, 1981. P. 24; Таболина Т.В. Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций. М., 1985. С. 52; Ibid. P. 35, Isaacs H. R. Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change. N.Y., 1975. P. 28.; Connor W. Nation-Building or Nation-Destroying? // World Politics. 1972. V. 24. № 3; Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986.

² См.: Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 358; Колпаков Е.М. Этнос и этничность // ЭО. 1995. № 5. С. 21; Тишков В.А. О феномене этничности. С. 8-17.

³ См.: Wallerstein I. The Capitalist World Economy. Cambridge, 1979. P. 184; Комаров Дж. Национальность, этничность, современность; политика самосознания в конце XX века. // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы международной конференции 1993г. М.: Наука, 1994. С. 40; Дилегенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996.

Примордиализм (от англ. *primordial* – первоначальный, исконный) – это концепция, сформировавшаяся в западной науке. Данное направление в науке доминировало вплоть до 70-х годов XX века. Этничность в представлениях примордиалистов рассматривается как объективная данность, своего рода изначальная (примордиальная) характеристика человечества¹. Осознание групповой принадлежности, по мнению сторонников данного подхода, является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания². В своей крайней форме этот подход рассматривает этничность в социобиологических категориях – как «расширенную форму родственного отбора и связи», как изначальный инстинктивный импульс³. Иными словами, в представлениях примордиалистов, этничность основана преимущественно на факторе рождения в зоне определенной культуры, который, в свою очередь, понимается как заданный и маркерующих признак этнической группы.

В рамках этого подхода были выполнены многие труды авторитетных западных ученых⁴ и отечественных исследователей, прежде всего, Л.Н. Гумилева и Ю.В. Бромлея. Так, Л.Н. Гумилев рассматривал этнос, как своего рода биосоциальный организм⁵ почти природного происхождения⁶. Согласно взглядам Ю.В. Бромлея, этнос есть социальная группа, характеризующаяся такими этническими свойствами, как язык, культура, самосознание, скрепленное в самоназвании, которые формируются в территориальных, природных, социально-

С. 100-104; Червоная С.А. Возможно ли единство во множестве? (К проблеме американской идентичности) // США – экономика, политика, идеология. 1997. № 10. С. 3-16.

¹ См.: Greenberg S. *Race and State in Capitalist Development: Comparative Perspectives*. New Haven, 1980, P. 14.

² См.: Shaw P., Wong Y. *Genetic Seeds of Warfare. Evolution, Nationalism and Patriotism*. L. 1989.

³ Van den Berghe P. *The Ethnic Phenomenon*. Norwich, 1981.

⁴ См.: Connor W. *Ethnonationalism. The Quest for Understanding*. Princeton, 1994; Horowitz Donald L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, 1985; Horowitz D.L. *A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society*. Berkeley, 1991; Smith Anthony D. *Theories of Nationalism*. New York, 1983; Smith Anthony D. *National Identity*. Harmondsworth, 1991; Stavenhagen R. *The Ethnic Question. Conflicts, Development and Human Rights*. Tokyo.

⁵ Гумилев Л.Н. *Этносфера: История людей и история природы*. М., 1993. С. 58.

⁶ См.: Гумилев Л.Н. *Этносфера: История людей и история природы*. С. 39–78; Гумилев Л.Н. *Этногенез и биосфера Земли*. Л., 1990.

экономических, государственно-правовых условиях. В представлениях Бромлей, этнос рассматривался как общность, имеющая, прежде всего, социальные характеристики¹. Для других российских примордиалистов присуща идея объективности существования этнических групп, объединенных в единую «совокупность» на основе общих признаков: языка, традиций, культуры, религии, иногда – территории, экономики, государственности и т. п.², а также в результате осознания «как своей общности, так и своего отличия от членов других таких же человеческих групп»³.

В западной традиции в лице Э. Смита этнос определяется как «общность людей, имеющих имя, разделяющую мифы о предках, имеющую совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией, и обладающую чувством солидарности»⁴. История развития примордиализма прошла значительный путь от определения этничности через биологические и социальные характеристики к пониманию ее как культурной общности и далее – как имеющую субъективную природу. По мнению диссертанта, концепция примордиализма подвергается частой критике, поскольку неэффективна при исследовании этнической идентичности индивидов, имеющих двойную или более сложную структуру этнической идентичности (в случае рождения индивида в поликультурной семье); или, например, проживающих на этнически сложносоставных территориях с исторически сложившимися межэтническими коммуникациями. В противовес мнению примордиалистов, также следует отметить, что этническая идентичность представителей полиэтнических обществ или выходцев из этнически-смешанных семей, претерпевает изменения на всем периоде их жизнедеятельности как естественное следствие саморефлексии и

¹ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 33–35; Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 74–76; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1985. С. 29; Пименов В.В. Удмурты. М., 1985; Семенов Ю.И. Философия истории. М., 1999; Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлей // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 3–15.

² См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С. 3–15.

³ Семенов Ю.И. Этнос. Нация. Диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 64.

⁴ Smith A.D. Nationalism and modernism. - L., N.Y.: Routledge, 1998; Smith A. The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986. P. 145-169.

взаимодействия с носителями других этничностей и культур. Этническая идентичность, безусловно, динамическое образование. Поэтому подробнее следует рассмотреть конструктивистскую концепцию этнической идентичности, признающую изменчивую и субъективную природу последней.

Конструктивизм зародился позднее примордиализма, начиная с 70-х гг. прошлого столетия. Своеобразным «плавным переходом» между ними стали более поздние подходы, сформировавшиеся в рамках примордиализма, представители которых признали субъективную природу этнической идентичности. Однако, в отличие от предшественника, конструктивизм активнее сфокусировал свое внимание на изменчивости, ситуативности этнических феноменов. Конструктивисты высказались против «органического» видения этноса, предполагающего его «рождение, жизнь и смерть» и предложили ввести в исследовательское поле элемент представления о маркирующих этничность признаках¹. В свою очередь, этническая (национальная) принадлежность с позиций конструктивизма рассматривается, прежде всего, как «вопрос веры»².

Различие между конструктивизмом и примордиализмом проводится на основе различного понимания этничности. Основанием для объединения индивидов здесь выступает не этничность, а какие либо интересы (экономические, политические и т.д.), а этничность – это интеллектуальный конструкт, используемый для достижения этих целей, являющих собой удовлетворение интересов. По мнению конструктивистов, этничность – условная категория, тождественная по своему содержанию понятию «этническая идентичность».

В рамках конструктивистской концепции этничности сложилось три направления: когнитивизм, релятивизм (или контекстуализм) и инструментализм. Представители «когнитивистского» подхода во главе А. Эпштейном сформулировали понятие этничности, основанное на выделении адаптации ее носителя к изменяющимся условиям социальной реальности путем создания

¹ Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. №3. С. 12.

² См.: Haas E. What is nationalism and why should we study it? // International Organisation. 1986. Vol. 40. № 3. P. 707; Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London, 1993. P. 105.

некоей «когнитивной карты» окружающего социума, которая облегчила бы его восприятие¹. Релятивисты и Ф. Барт сфокусировались на факторе изменчивости самой этничности, на ее ситуативности и конструируемости. Основная роль этничности, по мнению «релятивистов», – «социальная организация культурных различий»². Инструменталисты и А.Коэн выделили особое значение инструментально-рационалистских устремлений этнических элит в борьбе за обладание политическими и экономическими ресурсами³.

В работах П. Бурдьё также сложился синтетический подход, получивший развитие в теории «символического конструктивизма»⁴, который доказал правомерность исследования этнической идентичности как теоретического конструкта и как элемента социальной реальности. Этнические группы, согласно П. Бурдьё, объективно существуют благодаря воспроизводству веры людей в их реальность и благодаря институтам, которые способствуют воспроизводству этой веры⁵.

Широкое распространение конструктивизма в России связывается с именем В.А. Тишкова. Характерные черты этнических групп должны определяться, по его мнению, прежде всего тем значимым, что для себя считают сами члены группы (или эта значимость навязана извне) и что лежит в основе их самосознания. В.А. Тишков связывает понятия об этничности и культуре. По его словам, этническую идентичность от других форм социальной идентичности отличает, прежде всего, вера или представление об общеразделяемой культуре. В этом смысле, конструктивистское понимание этничности затруднено для обыденного сознания, поскольку отдельные индивиды, этнические общности и

¹ См.: Epstein A.L. *Ethos and Identity: Three Studies in Ethnicity*. London, 1978.

² См.: Barth F. *Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference* / Ed. by F.Barth. Bergen, Oslo, London, 1969; Smith M.G. *The Plural Society of the British West Indies*. London, 1965; Armstrong J.A. *Nations Before Nationalism*. Chapel Hill, 1982.

³ См.: Cohen A. *Introduction: The Lesson of Ethnicity*; Cohen A. *The Politics of Elite Culture: Explorations in the Dramaturgy of Power in a Modern African Society*. Berkeley, 1981; Roosens E.E. *Creating Ethnicity*. London, 1989; Williams B.F. *A Class Act: Anthropology and the Race to Nation Across Ethnic Terrain // Annual Review of Anthropology*. 1989. Vol. 18. P. 401–434; Young C. *The Dialectics of Cultural Pluralism: Concept and Reality // The Rising Tide of Cultural Pluralism: The Nation State at Bay? Madison*, 1993.

⁴ См.: Бурдьё П. *Социология политики*. М., 1993; Бурдьё П. *Практический смысл*. СПб., 2001.

⁵ См.: Бурдьё П. *Социология политики*. С. 92.

этнополитические движения имеют свои собственные представления о том, что составляет ту или иную этническую группу. Этот обыденный взгляд содержит элементы воображения, приписывания определенных черт, обязательной гомогенности этнической группы и первичной значимости этнической принадлежности. Ситуативная, динамичная природа этничности в данном случае исключается из вида, что в целом противоречит конструктивистскому подходу.

В целом, сторонники конструктивизма подчеркивают адаптивную, ситуативную и субъективно-символическую природу этничности и этнической идентичности, которые в их представлениях являются синонимами. Этничность признается одновременно неким воображаемым конструктом и элементом социальной реальности. Этническая идентичность в представлениях конструктивистов, с одной стороны, понимается как нечто воображаемое, как вера или представление об общеразделяемой культуре, с другой стороны, признается сторонниками данного подхода как действенное средство консолидации и мобилизации этнических групп в борьбе этнических элит за политические и экономические ресурсы. Такая многоаспектная трактовка этнической идентичности во многом связана с разнообразием направлений исследований внутри самого конструктивизма.

Инструментализм является течением конструктивизма, однако в ряде работ рассматривается в качестве отдельного подхода к этническим феноменам¹ или квалифицируется как «посредническое» между конструктивизмом и примордиализмом². Ученые-инструменталисты рассматривают этнические группы как политическое, социальное и экономическое явление³.

В данном направлении социальное значение этнической идентичности включает в себя помимо эмоциональных и экспрессивных моментов также и рационально-инструменталистские ориентации. Инструменталистский подход

¹ См.: Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С. Этнология. М., 1997. С. 35–37; Янг К. Диалектика культурного плюрализма: Концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 85-132.

² См.: Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX в. С. 39.

³ См.: Cohen, 1969; Despres, 1977. p. 87-177.

оценивает этническую идентичность как некий капитал, особенно в сфере экономических и социальных отношений, а также в сфере политики, языковых и межэтнических контактов, подразумевая мобилизационный и консолидационный потенциал этнических групп¹. Инструменталистский подход в лице его сторонников связывает этничность, прежде всего, с политическими мифами, создаваемыми и используемыми этническими элитами в борьбе за властные ресурсы, с динамикой этого соперничества, определяющегося границами политических и экономических реальностей. Психологизация манифестации этничности понимается как механизм восстановления коллективного единства и внутригруппового «патриотизма» и преодоления кризисов².

В целом для инструменталистского подхода свойственно стремление охарактеризовать понятие этнической идентичности через призму социальных, политических и экономических процессов, в которых участвует этническая группа. В рамках данной научной традиции подчеркивается, во-первых, непостоянный и динамичный характер этничности, во-вторых, ее важное социальное значение; в структуре идентичности отмечается доминирование рациональных ориентаций. Этническая группа признается активным социальным актором, деятельность которой подчинена интересам этнических лидеров или групп влияния, сложившихся внутри этнической общности. В этом смысле этничность служит, с одной стороны, средством достижения конструктивных (в значении позитивных) социальных взаимоотношений внутри как этнической группы, так и на ее границах, с другой стороны, имеет ярко выраженную политическую окраску. По мнению диссертанта, понятие этнической идентичности в значительной степени культурно-исторически и социально-психологически обусловлено, но следует признать важную роль участия

¹ См.: Губогло М.Н. Мобилизованный лингвицизм. Москва, 1993; Губогло М.Н. Развивающийся электорат России. Москва, 1996; Дробижева Л.М., Гузенкова Т.С. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. Москва, 1994; Ядов В.А., отв. ред. Социальная идентификация личности. М., 1993; Gurr T.R. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, 1993; Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York, 1981.

² Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley (CA), 1985.

этнических групп в борьбе за политические и экономические ресурсы в развитии самого этноса и закреплении им определенных позиций, в особенности при осуществлении жизнедеятельности внутри полиэтнического общества.

На сегодняшний день зарубежная и отечественная политология накопила значительный опыт исторического, социокультурного и методологического анализа процессов сохранения и трансформации этнической идентичности в условиях современного мира. Все более актуальными и популярными становятся исследования региональной, национальной, гражданской и цивилизационной идентичностей. Эти процессы находят свое отражение во множестве научных трудов этнополитологов. Так, например, в рамках этнополитологических исследований отмечается, что самоотождествление индивида с этнической группой является основанием, достаточным при определенных обстоятельствах катализировать коллективное действие этнической группы под управлением этнических и политических элит в условиях общественного кризиса. Распространенность определенной групповой идентификации (например, этнической) может стать и одним из факторов прогноза возможного направления политического развития социума.

Этническая идентичность является одновременно важнейшим средством легитимации и делегитимации политической власти в переходном обществе. Она обуславливает характер и формы деятельности этнических элит и формирует почву этнополитической мобилизации. Процесс идентификации с этнической группой не является предопределенным, этническая принадлежность родителей, язык общения и родной язык, место рождения и проживание в условиях полиэтнического общества создают основу этнической идентичности, но не более. Содержание этнической идентичности во многом приобретает черты социальной идентичности, для которой характерна постоянная смена приоритетов в течение всего жизненного цикла индивида¹.

¹ См.: Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Демография. М., 1998. № 6. С. 49-54.

В этой связи интересны положения, сформулированные в русле этнополитических исследований. По мнению В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева, вопрос о политической ресурсоемкости этничности и этнической идентичности является краеугольным и определяющим в этнополитологии. Этническую идентичность можно и следует рассматривать как политический ресурс, при этом формы политизации этничности включают как нормативно-правовое признание этнического равноправия, так и создание институтов реализации этого равноправия¹. Оценивая роль этнических групп на примере меньшинств в политическом процессе, В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев, заключают, что «наличие меньшинств укрепляет вертикальные связи внутри страны, между территориальными сообществами и верховной властью <...> меньшинства способны укреплять и горизонтальные политические связи внутри страны, особенно в том случае, если на ее территории проживают родственные или близкие по культуре и хозяйственному типу народы»².

По мнению диссертанта, в данном отношении пример центрально-азиатских диаспор выбран удачно. Центрально-азиатским и татарскому народам присущи общность традиций, хозяйственной культуры (во многом), религиозных (исламских) ценностей, родственные языковые связи (за исключением таджиков). Все это в совокупности является «основой, которая способствует развитию широких интеграционных связей между группами народов и оформлению элементов «группового диалога между ними и государством»³.

История межэтнических конфликтов на территории стран Средней Азии показала важность этнического фактора в политических процессах, необходимость поиска механизма его деполизитации и политического управления. Политизация этничности происходит в переломных моментах истории, в условиях размытости общегражданских ценностей и интересов⁴. В качестве примера приводится сформулированный А.Коэном термин «ретрайбализация».

¹См.: Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011. С. 95-160.

² Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология ... С. 160.

³ Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология С. 160.

⁴ См.: Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология С. 108-109.

Согласно А.Коэну «ретрайбализация» обозначает «процесс, при котором этническая группа, вовлеченная в борьбу за власть и привилегии с членами другой группы, имеющей иную этническую идентичность, манипулирует обычаями, мифами, символами и образами. А в рамках формальной политической системы с их помощью создает политическую организацию, которую использует в качестве оружия в этой борьбе. Ключевую роль здесь играют этнические элиты, которые чаще всего ведут борьбу не за интересы группы, а за оттеснение с политического поля этнически чуждых конкурентов»¹.

Политизация этнической идентичности и политико-мобилизационные формы этнической идентичности наиболее полно могут быть рассмотрены с позиций неоинструментализма. С одной стороны, он сочетает в себе умеренно-конструктивистское понимание культурной обусловленности этнических границ, а с другой – инструменталистское толкование и использование элитами этнической идентичности в системе политических отношений и процессов. Политизация этнической идентичности, по мнению О.В. Киноян, является мощным источником этнополитического (в широком смысле социального) конфликта, инструментом достижения целей акторов политического процесса по перераспределению социально-институциональных ресурсов².

Основой деятельности этнических групп в политическом процессе выступают этнополитические организации, включенные в борьбу за перераспределение статусных позиций, политико-правовых привилегий и экономических ресурсов³, что, в свою очередь, является актуальным в контексте миграционных процессов. Миграционные потоки актуализируют вопросы регулирования политической стабильности и влияют на формирование

¹ См.: Cohen A. Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Town. L., 1969.

² См.: Киноян О.В. Политизация этнической идентичности как фактор мобилизации этнических групп в условиях конфликта : дис. ... канд. полит. наук. Невинномысск, 2009. С. 10.

³ См.: Борисова О.В. Феномен политизированной этнической идентичности: теоретико-методологический анализ : дис...д-р. полит.наук. М., 2000. 391 с.

политических процессов в принимающих сообществах, изменяя конфигурации действующих политических акторов¹.

Свойства политизированной этнической идентичности также могут быть изучены и в рамках социально-философского анализа, на основании которого Т.И. Широкова выделила следующие аспекты анализируемого феномена: 1) механизм политизации этнической идентичности представляет собой сеть взаимосвязанных элементов самой этнической идентичности и переменных факторов среды, которые, в свою очередь, также полиструктурны; 2) феномен политизированной этнической идентичности динамичен; 3) гипертрофированная политизированная этничность оказывает разрушающее воздействие на общенациональную (гражданскую) идентичность, что представляется автору крайне опасным; 4) исследование политизированной этничности как трансформированного состояния этнической идентичности следует проводить средствами различных областей научного знания и в рамках полипарадигмальности; 5) политизированная этническая идентичность является результатом механизма политизации (совокупность процессов, в которых этническая группа выступает в качестве актора политической борьбы, достигает внутригруппового единства и мобилизационной активности) и понимается в качестве защитной функции этничности².

Политизация этнической идентичности или, иначе говоря, ее актуализация отражается во взаимодействии ее носителей с другими участниками политического взаимодействия. Актуализированная этническая идентичность, обладая потенциалами одновременно этнонациональной дезинтеграции и этнокультурной солидарности³, сопряжена с общегражданской идентичностью и обусловлена потребностями этнокультурного развития (ориентация на поддержку

¹ См.: Булгаков М.А. Этническая миграция как фактор политического процесса в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2012. С. 3.

² См.: Широкова Т.И. Феномен политизированной этнической идентичности: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Сочи, 2011. С. 11-12.

³ Кожанов. И.В. Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: www.science-education.ru/109-9187 (дата обращения: 10.05.2014).

языка, традиционной культуры и религии) и политического участия (обеспечение групповых интересов в органах власти в центре и на местах). По мнению С.В. Рыжовой, важным свойством актуализированной этнической идентичности является то, что она не влияет на социальную дистанцию в отношении людей иной национальности в масштабах гражданского, соседского и производственного общения¹.

Включение этнической идентичности и все происходящие в ней процессы в общее русло общегражданской идентичности зачастую рассматривается многими авторами как путь деполитизации этничности. Это связано с тем, что общегражданская идентичность способна вбирать в себя структурные элементы различных уровней социальной идентичности, включая культурную и этническую, и отвечать на потребности и «вызовы» каждой из них. Однако в результате успешного нациестроительства гражданская идентичность способна заменить этническую идентичность, либо приобрести большее социальное и политическое значение для гражданского общества и его участников². В связи с этим, актуальным в науке становится вопрос о поиске баланса между уровнями идентичности.

Так, например, достижение такого баланса возможно на основании актуализированных «в правильном русле» этнических ресурсов, иными словами, значение приобретают фактор поликультурности среды, взаимосвязь процессов социокультурной адаптации и формирования гражданской и этнической идентичностей. По мнению М.В. Ефремовой, особо актуальным становится исследование взаимоотношений, лежащих в основе поликультурных обществ и оказывающих существенное влияние на формирование этнического и гражданского самосознания: миграционных процессов, межэтнических коммуникаций, социально-экономической стабильности, политической ситуации и т.д. Позитивная гражданская идентичность в представлениях становится

¹ См.: Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности : дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 225 с.

² См.: Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М, 2011. С. 127.

основой достижения этнополитического согласия, конструктивных отношений в обществе, общественной интеграции¹.

Взаимодействие этнического и гражданского уровня идентичности, сформированное на базе негативной этнической идентичности способно создать конфликтную политическую реальность². Основной проблемой здесь является сочетание индивидуальных (этнокультурных) идентичностей с нормами гражданского общества³. Различные вариации этого сочетания представлены Н.Г. Ли на примере корейской диаспоры. Автор анализирует пути их социокультурной интеграции и приходит к выводу о существовании различных стратегий последней: 1) при доминировании этнической идентичности над гражданской, идентифицирующаяся этническая группа идет по пути аккультурации; 2) баланс этнической и гражданской идентичностей будет обеспечивать интеграционное взаимодействие с принимающей средой; 3) доминирование гражданской идентичности над этнической идентичностью определяет ассимилирование этнической группы; 4) наконец, нивелирование этнической и гражданской идентичности способствует маргинализации ее носителей.

Предпочтительным вариантом взаимодействия различных видов идентичности (гражданской и этнической) является интеграционный сценарий, при котором обеспечивается оптимальное состояние межэтнических и политических взаимодействий⁴.

¹ См.: Ефремова М.В. Влияние этнической и гражданской идентичности на адаптацию инокультурных мигрантов в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России/ под редакцией: Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко М., 2009. С. 1-12.

² См.: Медова Ю.П. О соотношении национальной и этнической идентичности // Философия и общество. 2010. № 4(60). С. 119-125.

³ См.: Муфф Ш. Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений [Электронный ресурс] // Московская биеннале современного искусства. [URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/ (дата обращения 20.04.2014).

⁴ См.: Ли Н.Г. Этническая идентичность корейской общности как фактор социокультурной интеграции // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7 [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-7-2013/sociology/li.pdf> (дата обращения 01.05.2014).

Процесс формирования сбалансированной с этнической идентичностью общегражданской российской идентичности сопровождается регионализацией общественного сознания. Так, в результате кризиса общенациональной идентичности происходит актуализация региональной идентичности, которая становится все более важным фактором российского политического процесса¹. Р.Ф. Туровский солидаризируется с мнениями вышеназванных исследователей и приходит к выводу о том, что политизированная этническая идентичность, взаимодействуя с внешней средой, способна создавать конфликтные реальности. Наиболее адекватный механизм деполитизации этнической идентичности связан с включением последней в контекст конструирования общенациональной и гражданской идентичности, формирования гражданского правосознания. Особенно сложным становится исследование политизации этнической идентичности иноэтничных групп, процессы политизации которой связаны с взаимодействием с межэтническим окружением принимающей среды, социально-политических условий этой среды, могут быть неявными и требующими эмпирического исследования.

В этой связи диссертант обращает свое внимание на анализ этнической идентичности и ее межэтнического и политического взаимодействия с принимающим сообществом. Проблема этнической идентичности особенно актуальна в контексте изучения межэтнического взаимодействия в полиэтничных регионах². В концепциях межэтнических коммуникаций отмечается тесная взаимосвязь между проявлениями этнической идентичности и установками межэтнического взаимодействия. Понимание этнической идентичности здесь эволюционировало от рассмотрения ее как «защитного механизма» или «продукта

¹ См.: Р.Ф. Туровский. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999, С. 87-136.

² См.: Толерантность и согласие, 1997; Идентичность и толерантность, 2002; Этническая толерантность в поликультурных регионах России, 2002; Психологические исследования этнической толерантности, 2003; Толерантность в межкультурном диалоге, 2005; Нуриахметова Ф.М. Этнокультурное многообразие и толерантность // Казань на перекрестке эпох и культур: сб. науч. ст. / пор ред.. Л.В. Карцевой. Казань, 2011. С. 73-76.

оппозиционного процесса»¹ внешним историческим обстоятельством, до признания более сложной его природы, изменяющейся вследствие внешних и внутренних причин. В подобных исследованиях отмечается, что ввиду расширяющейся и углубляющейся сети межэтнических и межкультурных коммуникаций, этнические границы несколько «стираются», а этническая идентичность приобретает черты «относительной инаковости» и в общей системе культурных идентичностей индивида может сочетаться с другими видами социальной идентичности.

Значительное внимание в современной этнополитологии уделяется изучению различных способов адаптации индивидов к иноэтническому окружению². Большинство исследователей оптимальной стратегией адаптации иноэтнических граждан в полиэтничном обществе признается «интеграция». По мнению диссертанта, успешной адаптации иноэтнических индивидов и групп способствуют: благоприятное этнокультурное окружение, наличие опыта проживания в иной этнокультурной среде, полиэтнические реалии «страны исхода», а также уровень образования адаптирующегося, с возрастанием которого повышается межэтническая компетентность и расширяется общая система мировоззрения его обладателя. Для межэтнического взаимопонимания в обществе и реализации модели интеграции диаспор в сеть социальных и политических коммуникаций необходима открытость и гибкость всех участников взаимодействия, а также проведение в принимающем обществе сбалансированной этнокультурной политики.

Этническая идентичность – не однажды обретенное свойство личности, а динамический процесс ее обретения, который может принять позитивные и

¹ Spiser E. Persistence Identity Systems // Science. № 4011. P. 795–796; Scott G.M. Resynthesis of the Primordial and Circumstantial Approaches to Ethnic Group Solidarity: Towards the Explanatory Model // Ethnic and Racial Studies. 1990. Vol. 13. № 2. P. 147–171.

² См.: Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: an International Review. 1997; Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М., 2002; Bennet M.J. Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // International J. of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10. P. 179–196; Bock Ph.K.(Ed.). Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology. N.Y., 1970; Додд К. Динамика межкультурных коммуникаций // Социология культуры: современные зарубежные исследования. М., 1987. 152 с.

негативные формы¹. Позитивная этническая идентичность способствует укреплению межэтнического согласия в обществе, а негативная этническая идентичность может стать причиной как этнического изоляционизма этнофора и этнических групп, так и причиной межэтнического напряжения или, в худшем варианте, межэтнических конфликтов. Поэтому актуальным направлением в этнополитологии также является исследование межэтнических границ и взаимосвязанные с ним исследования конфликтогенного потенциала этнической идентичности иноэтничных групп, а также этнополитических конфликтов как реализации этого потенциала².

В исследовании этничности и этнической идентичности важное место занимает проблема этнополитических конфликтов, их осмыслении и типизации. В рамках политологического подхода, например, при изучении факторов этнополитических противоречий и конфликтов выявляется ключевая роль политических элит при мобилизации активности этнических групп-участников конфликта и эскалации конфликта до открытой формы. По мнению А.А. Мацнева, именно через призму политического ракурса с учетом социально-психологических факторов можно адекватно проанализировать изначальную силу стремления этнической группы к изменениям, составить представление о ее конфликтогенном потенциале и готовности к жестким методам насилия ради достижения этой цели³.

В целом для этнополитических исследований феномена этнической идентичности характерны выраженные конструктивистские тенденции, зачастую с переходом в инструментализм. На современном этапе для этнополитологии характерно признание синтетичной, ситуативной и стихийной природы

¹ См.: Вискочил А.А. Этническая идентичность и межэтническое взаимодействие в Северной Башкирии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 242.

² См.: Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект), 2009; Ахиезер А. Культурные основы этнических конфликтов // Общественные науки и современность. 1994; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России, 1997; Харабуа Р.С. Геополитические интересы России в грузино-абхазском конфликте // Политолог: взгляды на современность, 1996; Рыкалина Л.А. О природе этнонационального конфликта // Социально-политический журнал. 1995;

³ См.: Мацнев А.А. Этнополитические конфликты: природа, типология и пути урегулирования // Социально-политический журнал. 1996. №4. С. 45.

этнической идентичности. Этничность рассматривается здесь как средство политической мобилизации, к которому этнические элиты и группы влияния внутри этнических групп обращаются в борьбе за достижение экономических и политических ресурсов и власти. Большой разброс мнений исследователей феномена этнической идентичности, с одной стороны, отражает многоструктурность данного понятия, а с другой – говорит о необходимости усилить применяемую методологию. Более перспективной представляется ранее отмеченная тенденция осмысления проблем этнической идентичности на слиянии не только теорий и концепций, но и различных социальных и гуманитарных наук.

Этническая идентичность определяется как форма социального бытия этнической группы, опирающейся на представления об общности происхождения, исторического прошлого, языка, культуры и особенностей психики, и под влиянием изменяющихся условий окружающей социально-политической и культурной среды способная принимать разнообразные формы, включая двойную или сложную этническую идентичность, дополняемую другими видами социальной идентичности. Этническая идентичность индивида или группы индивидов – есть важнейшее качество этой группы, обуславливающее характер и формы участия последней в этнополитическом взаимодействии. И в этой связи, для успешного протекания процессов коммуникаций между этносами, в число важнейших характеристик этнической идентичности группы входят такие ее черты как гибкость, изменчивость, дополняемость, в то же время лояльность и способность мобилизовать силы этнической группы.

Природа этнической идентичности в этнополитологии понимается как в значительной степени политизированная и изменчивая. Всякие ее изменения отражаются на политическом поведении и действиях этнических групп. Этническая идентичность приобретает черты социальной идентичности, что затрудняет односложное и четкое ее понимание. Для индивидов, действующих в условиях полиэтнической реальности свойственно наличие множества сценариев конструирования этнической идентичности: от этнокультурной сложности до маргинального поведения и «ухода» от этнической самоидентификации в сторону

общенациональной, цивилизационной или, например, профессиональной идентичности.

Политизированная этническая идентичность обладает конфликтогенным потенциалом, поэтому должна быть включена в систему общенациональной и гражданской идентичности, формирования гражданского правосознания. В этой связи необходим поиск теоретических обоснований и практической реализации политического управления этнической идентичностью на всех уровнях этнополитического пространства (особенно с учетом актуализации региональной идентичности), совершенствования правового поля этничности, корректирования официального дискурса, управленческих методов в сфере этнополитики.

При формировании принципов управления этническими процессами крайне важно изучение этих процессов применительно к конкретной этнической группе со всеми ее отличительными признаками, положительным или отрицательным опытом межэтнического взаимодействия, используемыми политико-коммуникативными ресурсами для воспроизводства и трансляции собственной этнической идентичности. В настоящей работе этническая идентичность анализируется на примере выходцев из стран Центральной Азии.

1.2. Формы идентификации иноэтничных групп в этнополитическом пространстве региона

В данном параграфе диссертант решает задачу, связанную с анализом форм идентификации иноэтнической группы в этнополитическом пространстве региона. Основное внимание уделено таким институционализированным формам иноэтнической идентичности (более четко структурированным образованиям социокультурного и политического представительства), как диаспора и национально-культурная автономия, которые, в свою очередь, выступают основой деятельности иноэтнических групп в политическом процессе принимающего сообщества. Диссертант приводит собственное понимание данных элементов общего категориального аппарата, определившего «скелет» научной работы. Диаспоры и национально-культурные автономии анализируются в фокусе, преимущественно, политологических исследований, имеющих целью вычленение каналов их воздействия на внутреннюю и внешнюю политику принимающих стран. Автор определяет степень «субъектности», участия иноэтнических групп (диаспор, национально-культурных автономий) в политическом процессе на региональном уровне.

Более полное изучение характеристик этнической идентичности предполагает анализ форм объединения иноэтнических индивидов, их функции, классификации и роли в политическом процессе принимающего сообщества. В связи с этим диссертант рассматривает основные формы этнополитического представительства центрально-азиатских народов в Республике Татарстан, такие как диаспоры и национально-культурная автономия. По мнению диссертанта, именно диаспорам и национально-культурным автономиям отведена внутригрупповая коммуникационная функция, а потому именно на их базе возможно включение этнической идентичности иноэтнических групп в этнополитические процессы принимающего сообщества.

Важной ролью среди субъектов этнополитического процесса обладают диаспоры – сравнительно небольшие и обособленные этнические группы, проживающие за пределами своей территории, обеспечивающие соблюдение своих прав и интересов. Сам по себе феномен современных диаспор представляет собой «результат наложения друг на друга социальных, этнических и политических пространств»¹. В качестве активного субъекта политической коммуникации с государством пребывания диаспора влияет на общественное мнение (например, через СМИ); пытается контролировать уже принятые законы, сотрудничая с администрацией; воздействует на внешнюю политику в отношении своего исторического региона и т.д.²

На региональном уровне этнополитического пространства значение имеют менталитет диаспоры, существующие стереотипы относительно данной этнической группы и т.д., а также официальный и неофициальный дискурс, который направляет вектор коммуникационного воздействия и определяет его контекст. В связи с этим, процессы, связанные с идентификацией иноэтничных групп и их взаимодействием с принимающей средой, несут угрозу целостности общества, что наглядным образом прослеживается на примере современных, «трудовых» диаспор, наличествующих во всех крупных полиэтничных и экономически привлекательных регионах России.

Со второй половины XX столетия наблюдается тенденция к увеличению числа новых диаспор и численности уже известных, обуславливаемая процессами глобализации современного мирового культурного пространства и резкого повышения мобильности населения. Анализируя эти процессы, С.А. Арутюнов отметил значительные изменения в структуре общемировых диаспоральных процессов: «в мире уже невозможно найти страну, где не существовало бы диаспоры другого народа, равно как и страну, выходцы из которой не образовывали бы хотя бы небольшой диаспоры в какой-либо другой стране или

¹ Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003. С. 28.

² См.: Шарон П. Сравнительная политология. М., 1992; Тощенко Ж.Т., Чаптыпова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12; Полоскова Т.В. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). М., 2002.

нескольких странах»¹. Диаспоры, являясь участниками этнополитического взаимодействия на территории принимающих сообществ, оказывают серьезное влияние на страны пребывания, изменяя демографическую картину, этнический и конфессиональный состав. Вместе с изменениями в социальной, культурной и экономической сферах, происходят качественные трансформации характера воздействия диаспор как новых участников политического процесса на внутреннюю и внешнюю политику принимающих стран. Так, например, наиболее значительные по численности и этнополитической активности, диаспоры, обладающие большими экономическими ресурсами, активно лоббируют интересы стран исхода². Рост численности иммигрантских сообществ и их институционализация происходят настолько стремительно, что это дает основание говорить о диаспоризации мира³.

О диаспоризации как процессе следует говорить, по мнению диссертанта, как о сложном и многогранном явлении, в связи с чем однозначность в оценках ее социальных, культурных и политических эффектов недопустима. Вместе с тем, автор солидарен с В. Дятловым, выделившим фактор опасности диаспоризации мира с точки зрения нарушения структуры устоявшего этнополитического взаимодействия и согласия. Иными словами, этносоциальная структура принимающего сообщества с «приходом» диаспоры не просто усложняется, но может быть сильно дестабилизирована, что, в свою очередь, является основой для возникновения новых форм как межэтнического диалога, так и межэтнического конфликта⁴. Причем «факторы, вызывающие к жизни это явление, носят

¹ Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс [Электронный ресурс] // Независимая газета. М., 2005. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html (дата обращения 21.06.2013).

² См.: Кондрашева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс] // Фонд исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/diaspory_v_sovremennom_mire_evolicija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm (дата обращения: 25.02.12).

³ См.: Попков В.Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. М., 2002. № 1. С. 6–22.

⁴ См.: Дятлов В. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе [Электронный ресурс] // Архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2634>. (дата обращения: 12.04.2009).

долговременный и глубокий характер и, потому его воздействие на общество не только сохранится, но и будет усиливаться»¹.

Изучение этнополитических «эффектов» диаспоризации невозможно без анализа феномена самой диаспоры, ее свойств, сущностных признаков, функций и ресурсов влияния. На все эти вопросы в политологической науке накопилось большое количество ответов, свидетельствующее как о сложности природы анализируемого феномена, так и об отсутствии сложившегося единообразия в его толковании. В западной исследовательской традиции одним из важнейших характерных особенностей диаспоры признается ее способность непосредственно влиять на события и политику стран проживания и «исхода». Характер исполняемой посреднической роли диаспоры также может быть различен и основывается на поддержании и защите интересов диаспоры либо их отсутствия². Другими важнейшими свойствами диаспоры являются стремление к сохранению этнической, религиозной идентичности, внутригрупповая солидарность, а также к осуществлению постоянного контакта между двумя «полюсами» (страны исхода и пребывания) через систему транснациональных сетей. Все это, в понимании Г. Шеффера, обуславливает именование современных диаспор как транснациональных сообществ³.

Другой важнейшей чертой диаспоры является ее сложность, многоаспектность. Диаспора является сложным предметом для исследования, так как она означает одну нацию, но не одну культуру; одну нацию, но не один язык; одну этническую идентичность, совмещенную с множеством других групповых идентичностей; а также постоянную необходимость их интеграции и организации⁴.

¹ См.: Дятлов В. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе [Электронный ресурс] // Архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2634>. (дата обращения: 12.04.2009).

² См.: Esman M. J. *Diasporas a. international relations* // *Modern diasporas in intern. politics.* / Ed. by Sheffer G. N.Y., 1986. P. 333; Esman M. J. *Ethnic pluralism a. international relations* // *Canadian rev. of studies in nationalism.* Toronto. 1990. Vol. XVII, № 1-2. P. 83-93

³ См.: Sheffer G. *Diaspora politics: At home abroad.* - Cambridge, 2003. P. 9.

⁴ См.: Манусян С. Вопросы сохранения идентичности в диаспоре: социально-психологический аспект // Фонд Нораванк. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=4836 (дата обращения: 12.04.2009).

В вопросе о балансе между этнической и общегражданской уровнями идентичности особое положение занимает диаспорная идентичность, которая находится между этнокультурной и гражданской (в значении политической) идентичностью и включает в себя их черты¹. Диаспорная идентичность, считает К.С. Мокин, как один из видов групповой социальной идентичности, является следствием процесса идентификации, и его основой в свою очередь, являются спецификации идентификаторов, определяющих социальные ориентации и самопонимание членов этнокультурной группы². В качестве одного из определяющего признака диаспорной общины выступает выраженная культурная идентификация членов этнической группы. Во многих этнических группах наблюдается тенденция к конструированию общинных диаспорных идентичностей, причем существенное влияние на процесс формирования идентичности и ее конечную конфигурацию осуществляет место проживания и его социально-политические условия. Для ее формирования необходимо особое состояние взаимоотношений между меньшинством, основным населением, принимающим государством и «исторической родиной»³.

Устойчивость взаимодействия диаспоры с принимающим обществом зависит от ряда факторов, среди которых: исторические, политические, социально-структурные, культурные и психологические факторы⁴. Безопасность диаспоры определяется во многом позицией властных структур, а устойчивость ее этничности – состоянием языка⁵. Ю.В. Рабинович выделила свойства диаспоры как таковой.

Во-первых, важной частью жизни диаспоры становится особое устойчивое культурное и духовное состояние, специфическая ментальность, а потому

¹ См.: Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика / К.С. Мокин, Н.А. Барышная / Саратов: Издательский центр Наука, 2009. С. 44.

² См.: Мокин К.С. Диаспорная идентичность как стратегический ресурс интеграции (на примере армянских общин Саратовской области) [Электронный ресурс] // Фонд «Культура». URL: <http://fond-kultura.ru/19.html> (дата обращения: 12.04.2009).

³ См.: Рабинович Ю.В. Диаспора как социальный институт // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение», 2009. № 1 (3). С. 59.

⁴ См.: Рабинович Ю.В. Диаспора как социальный институт... С. 62.

⁵ См.: См.: Рабинович Ю.В. Диаспора как социальный институт ... С. 64-65.

«чужие» по отношению к принимающему обществу становятся этими «чужими» по отличающему образу жизни. Во-вторых, стремление к сохранению диаспорой собственной идентичности связано с постоянной рефлексией и жестким внутриобщинным регулированием. В-третьих, диаспорам необходимо интегрироваться в структуры принимающего общества и ее характер во многом зависит от этнокультурных особенностей и типа принимающего общества. В-четвертых, диаспора возникает там, где этническая замкнутость меньшинства еще не ведет к его отторжению обществом, а потеря идентичности не грозит полной ассимиляцией или растворением¹.

Современный российский диаспоролог В. Дубовицкий отмечает, что идентификация этноса в условиях диаспоры становится важнейшим аспектом существования последней². Он исходит из определения Т. Полосковой, которая определяет диаспору как «часть этноса, проживающего за пределами своего национального государства»³. Ряд исследователей полагает, что диаспоры идентичны понятию субэтноса. При этом подразумевается, что он включает в себя «территориальные части народности или нации, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие или говор, особенности материальной или духовной культуры, религиозные различия и т.п.), имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание»⁴.

Системообразующие признаки диаспоры уже содержат в себе элементы национальной идентификации, такие как: этническая идентичность; общность культурных ценностей; социокультурная антитеза, выражающаяся в стремлении сохранить этническую и культурную самобытность; представление о наличии общего исторического происхождения. Дубовицкий заключает, что диаспора – это этнокультурный и этнополитический феномен, определяемый как

¹ См.: См.: Рабинович Ю.В. Диаспора как социальный институт // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение», 2009. № 1 (3). С. 60.

² См.: Дубовицкий В. Национальная идентичность русской диаспоры как элемент сохранения исторической России [Электронный ресурс] // Сетевой центр русского зарубежья. URL:<http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12196> (дата обращения 07.03.08).

³ Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты. М., 2002, С. 17.

⁴ Этнические процессы в современном мире. М., 1987, С. 11.

совокупность этнических групп, проживающих за пределами «титульного» государства, для которых характерны следующие признаки: множественная этническая самоидентификация, предполагающая наличие этнокультурной связи и со страной проживания, и с этнической родиной; существование институтов, призванных обеспечить сохранение и развитие, наличие стратегии взаимодействия с государственными институтами, как страны проживания, так и своей этнической родины¹.

На основании анализа структурных элементов диаспоры и иерархии присущих ей сущностных характеристик, возможно выделение основания для их типологизации и классификации. Попытки «рассортировки» различных видов диаспор предпринимаются как зарубежными, так и отечественными исследователями. Так, например, С.А. Арутюнов и С.Я. Козлов различают диаспоры по времени их образования: «старые» (классические) и «новые»². Профессор Висконсинского университета (США) Дж. Армстронг при классификации диаспор исходит из характера их взаимодействия с мультиэтничным государством, в котором они обосновались. Так, он выделяет два типа диаспор: «мобилизованные» и «пролетарские». «Мобилизованные» диаспоры имеют длительную и сложную историю, они складывались веками. «Пролетарские» же диаспоры – это молодые, возникшие недавно этнические сообщества³. Г. Шеффер выделяет следующие типы диаспор: диаспоры с глубокими историческими корнями; «дремлющие» диаспоры; «молодые»; «зарождающиеся»; «бездомные»; «этнонациональные» (их характерная особенность в том, что они чувствуют за спиной незримое присутствие «своего» государства); диаспоры «рассеянные» и диаспоры, живущие компактно⁴. Р. Брубейкер ввел в научный оборот новое понятие –

¹ См.: Дубовицкий В. Национальная идентичность русской диаспоры как элемент сохранения исторической России [Электронный ресурс] // Сетевой центр русского зарубежья. URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12196> (дата обращения 07.03.08).

² См.: Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс [Электронный ресурс] // Независимая газета. М., 2005. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html (дата обращения 21.06.2013).

³ Armstrong J. A. Mobilized and proletarian diasporas // American political science review. Wash., 1976. Vol. 70, №2. P. 393.

⁴ См.: Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. М., 2003. №1. С. 165.

«диаспоры катаклизма». Главной идеей, положенной Р. Брубейкером в основу выделения «диаспор катаклизма», служит не перемещение людей через границы, а движение самих границ¹. Британский социолог, профессор университета Уорвик Р.Коэн выделяет четыре типа диаспор: диаспоры-жертвы, трудовые, торговые и имперские диаспоры².

Представляет интерес детально разработанная типология, предложенная В.Д. Попковым, который классифицирует диаспоры на основе восьми критериев. Среди них:

I. Общность исторической судьбы. По этому критерию выделяются два типа: 1) диаспорные образования, члены которых проживают на территории своего бывшего государства, но за пределами отделившейся страны исхода; 2) диаспорные образования, члены которых ранее не были связаны с территорией нового проживания единым правовым, языковым полем и никогда не являлись частью единого государства.

II. Юридический статус. Этот критерий также позволяет разделить все диаспоры на два типа: 1) общины, члены которых обладают официальным юридическим статусом, необходимым для легального пребывания на территории принимающего региона; 2) общины, члены которых находятся на территории принимающей страны преимущественно нелегально и не имеют официальных документов, регламентирующих их пребывание.

III. Обстоятельства появления диаспор. Здесь возможны два случая. Первый связан с миграцией. Группы людей пересекают государственные границы и перемещаются из одного региона в другой, в результате возникают новые диаспорные общины либо пополняются уже существующие. Второй случай предполагает перемещение самих границ: та или иная группа остается на месте и, оказавшись «вдруг» в положении этнического меньшинства, вынужденно формирует диаспорную общину.

¹ См.: Brubaker R. Accidental Diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past a. present. Wien. 2000. 19 p.

² См.: Cohen R. Global diasporas: An introduction // Global diasporas /Ed. by R. Cohen.-Second edition. N.Y., 2008. 219 p.

IV. Характер мотивации к переселению. В соответствии с этим диаспорные образования делятся на: 1) возникшие в результате добровольного перемещения людей, движимых, например, экономическими мотивами; 2) сформировавшиеся в результате «выдавливания» членов данной этнической группы с исходной территории вследствие различного рода социальных, политических изменений или природных катаклизмов.

V. Характер пребывания на территории региона поселения. По этому критерию диаспоры делятся на три типа: 1) общины, члены которых ориентированы на постоянное нахождение на новой территории, то есть на оседлость и получение гражданства страны поселения; 2) общины, члены которых склонны рассматривать регион нового поселения как транзитную область, откуда должно следовать продолжение миграции или возвращение в страну исхода; 3) общины, члены которых настроены на непрерывную миграцию между страной исхода и регионом нового поселения.

VI. Наличие «базы» в регионе нового поселения. Здесь выделяются два типа: 1) диаспорные образования, члены которых длительное время проживают (или проживали) на территории региона поселения, исторически связаны с местом нового проживания и уже имеют опыт взаимодействия с его культурой и обществом. Такие диаспоры отличаются наличием сложившихся сетей коммуникаций, обладают высоким уровнем организации и экономическим капиталом (типичными примерами являются еврейские или армянские диаспоры на территории России); 2) диаспорные общины, возникшие в относительно недавнее время и не имеющие опыта взаимодействия с культурой и обществом принимающего региона.

VII. «Культурная схожесть» с принимающим населением. Данный критерий предполагает деление на три типа: 1) общины с близкой культурной дистанцией; 2) общины со средней культурной дистанцией; 3) общины с дальней культурной дистанцией по отношению к населению принимающего региона.

VIII. Наличие государственных образований на территории страны исхода. Данный критерий предполагает деление диаспорных общин на три типа: 1)

диаспорные общины, члены которых имеют свое государство, историческую родину, куда они могут вернуться добровольно либо быть высланы властями региона нового поселения; 2) «безгосударственные» диаспоры, члены которых не имеют официально признанного государства, на поддержку которого могли бы рассчитывать¹.

Расширенная классификация диаспор, представленная Ю.П. Калинин, включает критерии следующего порядка: возможность вести политическую деятельность, создавать политические организации в принимающей стране; законность методов политического влияния, используемых диаспорой; характер участия диаспоры в политическом процессе принимающей страны; отношение к политическим институтам стран пребывания; характер отношений со страной исхода².

С точки зрения политологического анализа, определяющего место диаспор в системе политических институтов, важно не только характерное для диаспор осознание себя частью народа, проживающего в ином государстве, но и наличие собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и с исторической родиной (или ее символом), формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение этнической идентичности. Иными словами, диаспора в отличие от этнической группы, всегда институцирована и несет в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание³. Главным понятием, лежащим в основе формирования диаспор, является этническая идентичность, вытесняющая такие системообразующие факторы, как общий язык и религия. Именно этническое самоопределение – есть основной признак принадлежности к диаспоре, в основе которого лежит этническое самосознание.

¹ См.: Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор [Электронный ресурс] // Библиотека сайта социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: // <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0kongress> (дата обращения: 11.04.2012).

² См.: Калинин Ю. Особенности политической деятельности русскоязычной диаспоры в США : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. С. 11-17.

³ См.: Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутривыполитические и международные аспекты. М., 2002. С. 18.

Анализ положения этнических групп в политическом процессе позволил О.В. Борисовой сформулировать положения о том, что:

1) взаимоотношения между различными этническими группами (титульные, коренные, меньшинства и т.д.) являются одним из факторов политической модернизации и развития демократии;

2) иноэтничные группы, общины и диаспоры сыграли важную роль в развитии парадипломатии, что в свою очередь обусловило появление международных неправительственных организаций;

3) идентифицируемые этнические группы, действующие в качестве этнополитических субъектов, актуализировали проблему их правовой защиты, обеспечения этнического равноправия, разработки его содержания, отвечающего характеру современного политического процесса на различных уровнях (локальном, национальном, мировом);

4) расширение субъектного поля политического процесса, сопровождающееся установлением разнонаправленных взаимосвязей, усилило роль негосударственных акторов;

5) политизация этничности в российском обществе приобрела различные формы и проявляется в регионах неодинаково интенсивно¹.

Вслед за Г. Шеффером, современные исследователи феномена диаспоры выделяют транснациональность как ее новую сущностную характеристику. Такого мнения, например, придерживаются А.С. Ким², В.А. Тишков³, М.А. Мыльников⁴ и другие. Становление транснационального характера образуемых диаспор основывается на пространственных перемещениях, вызванным резким повышением мобильности народов и масс, расширения сети

¹ См.: Борисов Р.В. Языковая компетентность как средство выражения этнической идентичности и формирования межэтнической толерантности учащейся молодежи : автореф. дис. ... канд. псих. наук. Махачкала, 2007. С. 140-141.

² См.: Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): дис. ... д-р полит. наук. СПб., 2009. С. 13.

³ См.: Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 462.

⁴ Мыльников М.А. Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2009. С. 11.

коммуникативных, профессиональных и прочих перемещений. Это свидетельствует об утрачивании диаспорой «привязки» к той или иной локальности, об обретении ею на уровне самосознания (на уровне идентичности) связи с глобальными всемирно-историческими культурными системами и политическими силами¹.

О транснациональности как свойстве современных диаспор высказывается М.А. Мыльников, анализирующий этническую диаспору как объект политических коммуникаций, чьи политические роли разнообразны и могут включать самодостаточную субъектность нового миропорядка. По его утверждению, «современные диаспоры, являясь участниками разноуровневых и разнонаправленных коммуникационных потоков, претендует на приобретение статуса полноправного субъекта политических отношений, а потому несут ответственность за сохранение региональной и глобальной безопасности и стабильности»². Высказанные О.В. Борисовой и М.А. Мыльниковым замечания коррелируются в точке установления субъектности диаспоры в этнополитическом процессе, в том числе и на уровне региональности.

Следует отметить высокую степень активности современных этнических диаспор в политическом процессе принимающего сообщества, которые обладают «возможностью включать в сферу влияния своих коммуникационных сетей политические институты государства исхода, государства пребывания и международных государственных и транснациональных акторов»³.

Процесс формирования идентичности у диаспоры, вызванный необходимостью определения собственной этнополитической субъектности, защиты своих этнических прав в изменяющихся условиях новой среды, в то же время – важности поддержания внутреннего единства с исторической родиной и присущими ей культурными идеалами и нормами, порождает эффект двойственности лояльности самой диаспоры. Безусловно, это дает основания для

¹ См.: Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 466.

² Мыльников М.А. Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2009. С. 11.

³ Мыльников М.А. Этническая диаспора ... С. 17.

солидаризации с обеими (и более) средами исхода-пребывания, однако, это также навязывает диаспоре двойную чуждость. По заверению В.Д. Попкова, такая двойная лояльность-чуждость диаспоры не может не вызвать исследовательский интерес в научных кругах, и беспокойство в принимающем сообществе¹. Н.Ф. Бугай предлагает в этой связи фокусировать внимание на диаспоры как потенциальный источник угрозы национального единства государств².

Диаспоры, чьи материнские этносы участвуют в межэтническом противостоянии, часто вовлекаются в конфликт и формируют коллективные позиции в отношении конфликтующих сторон. При этом деятельность диаспор приобретает межрегиональный и межгосударственный масштаб. Наиболее ярко это проявляется в полиэтничных регионах. В этой связи необходимо рассмотрение диаспор как «национальных меньшинств в ситуациях риска» в целях предотвращения этнонационалистических проявлений в деятельности этнокультурных объединений и движений.

Конфликтологическая направленность этнополитического исследования современных диаспор присутствует в работах Т.В. Полосковой³, А.С. Кима⁴. Исследователи исходят из признания того, что конфликтогенный потенциал диаспоры как таковой не вызывает сомнений. Диаспора как «чуждый» структурный элемент может способствовать развитию идентификационного кризиса в этнополитическом процессе принимающего сообщества.

Для российской науки интерес к конфликтологическим исследованиям диаспоральности и этничности усилился в связи с распадом Советского союза, в результате которого образовались многочисленные диаспоры и на их базе стали складываться национально-культурные общества и организации. Так, например, в

¹ Попков В. Д. Диаспорные общины в межкультурном взаимодействии: пути формирования и тенденции развития: автореф. дис. ... д-р. соц. наук. М., 2003. С. 54.

² См.: Бугай Н. Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-«географический синтез» (начало XXI века). М., 2007. С. 23.

³ См.: Полоскова Т. В. Диаспоры в системе международных связей: автореф. дис. ... д-р. полит. наук. М., 2000. С. 15; Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные аспекты. М., 2002.

⁴ См.: Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): дис. ... д-р полит. наук. СПб. С. 15-16.

трудах А.С. Кима диаспора как таковая рассматривается, прежде всего, как этнополитический феномен и как субъект этнополитических отношений¹. Диаспора характеризуется наличием политических требований на этнополитическое самоопределение, право на поддержание связи с исторической родиной и родственными этническими группами, на создание общественных, политических объединений и политическое участие. А.С. Ким предлагает рассматривать диаспору не столько в контексте оценки рисков ее конфликтогенных проявлений, сколько – анализа позитивного опыта ее бесконфликтности, основывающемся на интеграции и участии в консенсусной политике. Формирование идентичности диаспоры следует трактовать как следствие осознанной и добровольной самоорганизации.

Опыт бесконфликтности диаспоры, в оценках А.С. Кима, должен основываться на позитивной идентичности самой диаспоры, которая складывается в результате синтеза этнического самосознания, поддержки этничности институтами публичной сферы и гражданского, национального самосознания, стимулировании развития толерантности и стремления к интеграции конструктивного ресурса определенных социально-экономических мероприятий и института национально–культурной автономии.

В конструктивистских представлениях К.С. Мокина и Н.А. Барышной диаспора обладает ситуативной природой, зачастую определяющей политическую компоненту современного государства, а наиболее актуальным направлением этнополитических исследований является изучение мигрантских групп, которые, согласно мнению ученых, по сути являются диаспорными общинами современного типа, дисперсно проживающих на принимающей территории². О преобладании политической составляющей в феномене диаспоры также высказывались В.А. Тишков³ и Е. Шаин.

¹ См.: Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): дис. ... д-р полит. наук. СПб. С. 15-16.

² См.: Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов, 2009. С. 26-28.

³ См.: Тишков В.А. Увлечение диаспорой. О политических смыслах диаспорального дискурса. // Диаспора. №2. 2003. С.50.

По наблюдению диссертанта, при анализе феномена современной диаспоры, учитывая ее ситуативную природу, чрезвычайно важно опираться на постоянно обновляемые эмпирические данные, сообщающие об уровне адаптации, идентификации участников диаспоры, их включенности в этнополитическое пространство принимающего сообщества. По мнению Е.Шаина, потенциальная возможность обвинения диаспор в двойной лояльности является рычагом, который либо страна исхода, либо страна проживания могут использовать для мотивации и принуждения политической активности в диаспоре¹.

Понимание диссертантом понятия этнополитического пространства солидаризуется с определением, данным Н.Б. Череминым и И.Ю. Рябковым: «этнополитическое пространство – это многомерный, сложно структурированный пространственно-временной континуум политической коммуникации, в которой принимают участие разностатусные политические субъекты и политически оформленные системы, ассоциированные с этническими группами при помощи специальных идеологий»². Этнополитическое пространство включает в себя этническую идентичность, межнациональные отношения и этнополитические процессы и формируется на определенной территории. Внутри каждого этнополитического пространства (даже пространства отдельного субъекта Федерации) существуют отдельные субпространства, обладающие всеми свойствами этнополитических пространств. Указанные выше авторы предлагают рассматривать этнополитическое пространство с точки зрения коммуникации, поскольку именно коммуникационные потоки способствуют его созданию³. Взаимовлияние составляющих этнополитического пространства происходит по каналам коммуникации политической, межкультурной, массовой (через средства массовой информации).

¹ См.: Shain Y. Democrats and Secessionists: US Diasporas as regime Destabilizes. In: International Migration and Security. (ed.) by Miron Weiner. Boulder, San Francisco, Oxford. 1993. P. 287-322.

² Рябков И.Ю., Черемин Н.Б. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2012. № 2(26). С. 177-183.

³ См.: Рябков И.Ю., Черемин Н.Б. Этнополитические аспекты ... С. 178-179.

Включенность диаспоры в этнополитическое пространство принимающего общества актуализирует вопрос об управлении диаспоральными и идентификационными процессами. О.В. Борисова вычленяет политический механизм управления этнической идентичностью, элементами которого являются: 1) выполнение языковых требований (поощрение билингвизма и полилингвизма); 2) мобилизация социальных ресурсов; 3) работа этнополитических и этнокультурных институтов; 4) реализация личностного и профессионального потенциала носителей идентичности, а результатом становится формирование гражданского правосознания и общегражданской идентичности¹.

Инструментом достижения этнополитического согласия выступает этническое право, например, в рамках Закона РФ «О национально-культурной автономии» (июнь 1996 года), где субъектами права выступают именно «граждане». По мнению исследовательницы, идеализированная модель политического взаимодействия (ино)этнических групп и принимающей среды предполагает развитие диалога, качественного коммуницирования, обмена и в этой связи особо актуальным становится такой институт этнополитического представительства, как национально-культурная автономия. Так, проблема обеспечения бесконфликтных межэтнических взаимодействий, успешной социокультурной адаптации и этнической идентификации диаспоры находит свое решение в рамках национально-культурной автономии (НКА) и национально-культурного общества (НКО). Их создание является одной из наиболее актуальных проблем российской национальной политики.

Трансформация форм организации этнических диаспор в национально-культурные автономии свидетельствует о развитии политическом взаимодействии. Как пишет Г.В. Калугина, институт национально-культурной автономии как структуры, официально признанной государством, очень востребован в современном российском обществе. Меняется его роль и место в общественно-политических и социально-экономических процессах. На этот

¹ См.: Борисова О.В. Феномен политизированной этнической идентичности: теоретико-методологический анализ : дис...д-р. полит. наук. М., 2000. С. 142-143.

институт сегодня возлагаются самые разнообразные миссии: от элементарной помощи в трудную минуту, отслеживания и регулирования внутриобщинных процессов до консолидации диаспоры¹.

Подходы к определению национально-культурной автономии многообразны и в данной работе приведены по форме высказываний различных представителей.

1) НКА как самоуправляющийся национальный союз. По определению Ж.Т. Тощенко, НКА – «это образование самоуправляющегося национального союза (общества) по желанию составляющих его представителей того или иного народа, в большинстве случаев, национального меньшинства. Она позволяет объединиться на личностной или коллективной основе людям, принадлежащим к одной и той же этнической группе независимо от места жительства и от того, являются ли они региональным большинством или же распылены по территории государства»².

2) НКА как форма этнического самосознания. Т. Я. Хабриева называет НКА «особой формой этнического самосознания в особых условиях расселения этноса». По ее мнению, НКА – это экстерриториальная (или внутерриториальная) форма этнической самоорганизации; поскольку при создании такой организации речь идет об объединении людей не на основе каких-то политических лозунгов, а на базе общности языка и элементов этнической культуры, то НКА не может быть наделена правом на самоопределение политического характера. Ее форма создает возможности тесной взаимосвязи индивидуальных прав человека и коллективных прав этноса, по каким-либо причинам не имеющего условий для создания территориальных форм национальной автономии³. Т.Я. Хабриева опирается на понимание НКА, заложенное в законодательстве Российской Федерации, где национально-культурная автономия – «это форма национально-культурного

¹ См.: Калугина Г.В. Национально-культурное общество в Иркутске: от клуба друзей Польши до Ассоциации защиты прав китайских граждан (трансформация феномена) // Известия Иркутского гос. Ун-та. Серия «Политология. Религиоведение», 2008. № 1. С. 48.

² Тощенко Ж. Т. Этнонациональная политика: плюсы и минусы // Вестник Российского университета дружбы народов. 2002. № 1. С. 7.

³ См.: Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003. С. 7-8.

самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры».¹

3) НКА как субъект политической деятельности. Г.В. Калугина справедливо отмечает противоположную особенность института НКА: не декларируя политических целей, данные организации могут становиться субъектами политической деятельности ввиду своей способности к общественно-политической мобилизации и социализации².

Национально-культурная автономия основывается на принципах свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности; самоорганизации и самоуправления; многообразия форм внутренней организации национально-культурной автономии; сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой; уважения языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей; законности.

Национально-культурная автономия имеет право: «получать поддержку со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, необходимую для сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры; обращаться в органы законодательной (представительной) и исполнительной власти, органы местного самоуправления, представляя свои национально-культурные интересы; создавать средства массовой информации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать и распространять

¹ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» : ФЗ РФ от 17.06.1996 №74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №24; Закон Республики Татарстан «О национально-культурных автономиях в Республике Татарстан» : ЗРТ от 12.05.2003 №15-ЗРТ [Электронный ресурс] Информационно-правовая база Гарант. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/87698/> (дата обращения 19.10.2014).

² См.: Калугина Г.В. Национально-культурное общество в Иркутске: от клуба друзей Польши до Ассоциации защиты прав китайских граждан (трансформация феномена) // Известия Иркутского гос. Ун-та. Серия «Политология. Религиоведение», 2008. № 1. С. 48.

информацию на национальном (родном) языке; сохранять и обогащать историческое и культурное наследие, иметь свободный доступ к национальным культурным ценностям; следовать национальным традициям и обычаям, возрождать и развивать художественные народные промыслы и ремесла; создавать образовательные и научные учреждения, учреждения культуры и обеспечивать их функционирование в соответствии с законодательством Российской Федерации; участвовать через своих полномочных представителей в деятельности международных неправительственных организаций; устанавливать на основании законодательства Российской Федерации и поддерживать без какой-либо дискриминации гуманитарные контакты с гражданами, общественными организациями иностранных государств. Осуществление права на национально-культурную автономию не должно наносить ущерб интересам других этнических общностей»¹.

Сегодня НКА реально являются реальными посредниками между властью и представителями той или иной национальности. Отчетливо дифференцируются и осознаются запросы участников и активистов этих организаций. Определился и спектр этих запросов: от удовлетворения этнокультурных потребностей до решения адаптационных задач мигрантов. Институт национально-культурных автономий не только стал реальностью современной российской жизни, но и наполнился новым содержанием.

По мнению К.М. Ахмедова, этнонациональная политика, степень участия национально-культурных объединений в развитии межэтнических отношений и весь сложный комплекс сопряженных с ними вопросов играют заметную роль среди проблем развития современного полиэтнического Российского государства. В условиях роста национального самосознания, возрождения этнических культур, обострения межнациональных отношений изучение опыта деятельности национально-культурных объединений как механизма решения этнокультурных задач и территориальной формы удовлетворения основных национальных

¹ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» » : ФЗ РФ от 17.06.1996 №74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №24. Статья 1.

запросов этнических групп отвечает современным потребностям российского общества. Ахмедов считает, что деятельность НКА и НКО являются необходимым компонентом в обеспечении процесса принятия решений и эффективного управления национальной политикой в целом и этнополитической ситуацией в регионах, в частности.

Подобная деятельность общественных объединений в полиэтнических российских регионах способна фиксировать динамику этнополитической ситуации и через своевременную информацию и рекомендации содействовать снижению напряженности и раннему предупреждению конфликтов. Опыт взаимодействия НКО и органов местного самоуправления обладает позитивным практическим потенциалом в реализации национальной политики. НКА способны снимать противоречия и ограничения, связанные с политизацией этничности, предупреждать межэтническую напряженность и уменьшать конфликтный потенциал территориального подхода к этноидентификации в многонациональном государстве¹.

Национальные объединения могут изначально создаваться для реализации политических целей и участия в политической борьбе. В этом случае их правильнее называть этнополитическими. Для их классификации могут использоваться типологии, разработанные для анализа партий и движений. Например, по отношению к социальной действительности можно выделить реставраторские (цель – восстановление отживших структур), консервативные (сохранение существующих институтов и ценностей), реформаторские (модернизация элементов и связей политической системы) и революционные (изменение типа политической системы) организации.

Канадский исследователь Г. Радеcki предложил типологизировать этнические организации на основании выполняемых ими функций на: административные (центральные исполнительные органы ассоциаций или сети вспомогательного персонала, «концентрации власти»); социокультурные

¹ См.: Ахмедов К.М. Национально-культурные объединения в политических процессах региона: на примере Саратовской области : дис. ... д-р. полит. наук. Саратов, 2007. С. 182-203.

(землячества, этнические школы, молодежные организации); религиозные (церковные приходы и религиозные организации); «специальных интересов» (ветеранские и политические организации, специальные комитеты); рекреационные (спортивные и театральные общества, ансамбли песни и танца, другие объединения по увлечениям); информационные (информационные центры, издание прессы на родном языке); экономические (кредитные союзы, фонды)¹. В настоящее время в России зарегистрировано 17 федеральных национально-культурных автономий, которые различаются по своему статусу и имеют свои особенности. На региональном и местном уровнях насчитывается 574 НКА, в том числе около 66 в Татарстане.

Многонациональный состав населения Татарстана – это результат сложных исторических, демографических, социально-экономических и социально-культурных процессов. По мнению Т.А. Титовой, изучение факторов, определяющих стратегии поддержания группами меньшинств бесконфликтной этничности и комфортности этнического фона, является для республики значимым направлением научных исследований².

На сегодняшний день в республике возрастает понимание необходимости дальнейшего усиления политики многокультурности, как важнейшего условия социально-политического и культурного объединения и развития представителей проживающих в республике народов. В целом успешная деятельность этнокультурных организаций в значительной степени определяется установленными ими конструктивными взаимоотношениями с исполнительными органами государственной власти и местного самоуправления, как в самом Татарстане, так и за его пределами. Одним из наиболее ярких примеров подобного взаимодействия является работа созданного в 1992 г. по инициативе Съезда народов Татарстана постоянно действующего органа многонационального этнокультурного движения Ассамблея Национально–Культурных Организаций

¹ См.: Radecki H. Ethnic Organizational Dynamics: The Polish Group in Canada. Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier University Press, 1979. 275 p. P.14

² См.: Титова Т.А. Этнические меньшинства в городах Республики Татарстан: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 422 с.

Республики Татарстан, ныне преобразованного в Ассамблею народов Татарстана, имеющего тесные связи с Ассамблеей народов России, субъектами РФ и странами СНГ. Основное направление деятельности Ассамблеи – сохранение и развитие национальной культуры народов республики, этнокультуры Татарстана. При активном взаимодействии Ассамблеи с органами государственной власти и местного самоуправления удалось решить многие проблемы возрождения и развития языка, культуры, традиций и обычаев народов, населяющих республику.

Ассамблее предоставлен Дом Дружбы народов Татарстана – материальная база этнокультурного движения республики. Дом Дружбы народов был открыт 26 мая 1999 г. с целью оказания государственной поддержки общественным национально-культурным организациям, входящим в состав Ассамблеи, по возрождению, сохранению и развитию культур народов Республики Татарстан. Основные функции Дома Дружбы народов – оказание юридической и правовой, а также организационной помощи членам национально-культурных автономий, содействие в трансляции традиций и ценностей молодому поколению¹. В Ассамблее народов РТ представлены и центрально-азиатские (казахская, киргизская, узбекская, таджикская и туркменская) НКА.

Проблемы в области этнополитического взаимодействия, в том числе связанные с деятельностью НКА, рекомендуется решать путем проведения конструктивной этнокультурной политики в Татарстане. По мнению Г.И. Макаровой, «этнокультурная политика – это декларируемая, официально закреплённая в законах, концепциях, программах форма влияния правящих элит (центральных и региональных) и связанных с ними социальных институтов на процессы этнокультурного развития и межкультурное (межэтническое) взаимодействие <...> и выступает основой системных отношений этнических, национально-гражданских общностей и государства <...> консолидации

¹ См.: Дом Дружбы народов Татарстана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anco-rt.ru/index.php?i=5> (дата обращения: 07.05.2009).

населения на основе государственно-гражданской (региональной) идентичности, в установлении принципов этнокультурного взаимодействия»¹.

Комплекс мер по этому направлению предполагает, прежде всего, разработку нормативной базы, ее финансовое обеспечение, налаживание взаимодействия органов государственной власти с национально–культурными организациями и автономиями. Очень важно также создать более позитивную атмосферу в общественном мнении о межкультурных коммуникациях, укреплять доверие обеих сторон – участниц коммуникации: принимающей и адаптирующейся, довести до сознания участников коммуникации понимание того, что достижение этнополитического согласия повышает уровень их собственной культуры и обогащают ее новыми элементами. Необходимо предпринять усилия в самых разнообразных формах, прежде всего: по распространению этнокультурных знаний, повышению уровня взаимной межкультурной компетентности.

Таким образом, о диаспоре следует говорить как об институционализированном и интегративном объединении этнической группы, идентичности которых присуща множественная и конструируемая природа, изменяемая в соответствии с политическими и социальными изменениями, как в принимающем обществе, так и в стране исхода. Важнейшим признаком идентичности является язык, а этническая идентичность может быть оценена как важнейший признак диаспоры. Диаспора понимается как этнополитический феномен и в число ее основных характеристик входят транснациональность, участие в политических коммуникациях, межрегиональных и межгосударственных отношениях, способность существенно влиять на межетническую ситуацию в принимающем обществе, обусловленная конфликтогенным потенциалом диаспоры как таковой. В качестве инструментов достижения позитивной этнической идентичности диаспоры выступают социальные и политические меры, среди которых: предоставление диаспорам

¹ Макарова Г.И. Этническая и российская идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики : дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. С. 17.

права сохранять и развивать свою культуру и язык; создавать собственные общественные и политические объединения; полноправно участвовать в межэтнических коммуникациях, происходящих в принимающем обществе и т.д. Деятельность национально-культурной автономии, обладающей совокупностью правовых, административных, информационных и, в некотором роде, политических ресурсов, выступает в качестве средства профилактики негативных, в том числе конфликтных проявлений этнической идентичности своих членов. Национальные объединения могут изначально создаваться для реализации политических целей и участия в политической борьбе.

В целом методология настоящего исследования выстраивается:

а) с позиций конструктивизма (с признанием ситуативности важным признаком этнической идентичности современных диаспор), а также не выделяемого автором в отдельное течение инструментализма (с обозначением политической контекстности процессов формирования идентичности иноэтнических образований в региональном этнополитическом пространстве);

б) в рамках политологического подхода к пониманию этнической идентичности с признанием этничности как политического ресурса, особой роли социокультурного фактора в идентификации диаспоры на региональном уровне.

Целесообразным представляется изучение процессов этнической идентификации диаспоры и проявлений этих процессов в социокультурном, информационном и политическом пространстве принимающего общества на конкретном примере.

ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ДИАСПОР В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Вторая глава диссертационного исследования посвящена обсуждению результатов авторского исследования этнической идентичности центрально-азиатских диаспор, условий и факторов формирования их этнической идентичности и дальнейшего консолидирования с другими видами групповой идентичности. Диссертант анализирует процессы политизации этнической идентичности диаспоры в региональном этнополитическом пространстве, состояние этнической идентичности центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан на основании данных эмпирических исследований.

2.1. Риски политизации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан

В представленной части научной работы автор затрагивает вопросы формирования различных свойств этнической идентичности центрально-азиатских диаспор. Диссертант размышляет на тему взаимозависимости этнической идентичности с языковой, конфессиональной, личностной идентичностями, социальным и культурным капиталами. Центрально-азиатские диаспоры рассматриваются в контексте их участия в политическом взаимодействии и «субъект-объектных» отношениях в этнополитическом пространстве татарстанской республики.

Этнополитическое пространство Республики Татарстан, с одной стороны, характеризуется выраженными тенденциями экономического роста, социального и культурного развития, отсутствием статичности как в политической, так и в общественной сферах. Масштабные проекты правительства республики (1000-летие г. Казани в 2005 году, Универсиада в 2013 году, увеличение и обновление

жилого фонда республики, строительство казанского метрополитена и т.д.) создали настоящую и длительную потребность в рабочей силе, в том числе, иностранной. Все это на протяжении последних пятнадцати лет привлекает в Татарстан массовые потоки трудовых мигрантов из стран Центральной Азии.

Экономические стратегии успешной адаптации мигрантов в республике укреплены общими историческими, языковыми (тюркскими, за исключением таджикской диаспоры) корнями с местным населением, татарами, схожестью культур и традиций, наличием общего исторического прошлого и единством религиозных (исламских) ценностей. Все это позволяет межэтническому взаимодействию на территории республики протекать в цивилизованных формах взаимного уважения, что является основанием для справедливого замечания об уникальном этнокультурном опыте Татарстана. В настоящее время региональные власти испытывают ряд проблем по социокультурной адаптации мигрантов, политико-правовому регулированию их пребывания в республике, налаживанию эффективного политического взаимодействия с диаспорами.

Утверждение в татарстанском обществе межэтнического диалога является наиболее актуальной этнополитической задачей на современном этапе, что подтверждается соответствующими ориентирами российского государства и региональных властей Татарстана в области национальной и миграционной политики. Это нашло отражение в Стратегии государственной национальной политики РФ¹ и в Концепции национальной политики РТ² как противодействие анклавизации мигрантских сообществ, усиление посреднической роли национально-культурных организаций, развитие профилактической и образовательной работы среди иноэтничного населения по изучению культуры и истории России, русского и татарского языков.

¹ Федеральный закон «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» : ФЗ РФ от 19.12.2012 г. №1666-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. №52.

² Указ Президента Республики Татарстан «О Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан» : Указ Президента Республики Татарстан от 26.07.2013 № УП-695 [Электронный ресурс] Российская газета. 2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/08/13/tatrastan-ukaz695-reg-dok.html> (дата обращения 25.07.2014).

Сегодня в Республике Татарстан проживают свыше 173 этносов¹, все они обладают различной этнической идентичностью. В РТ присутствуют представители пяти центрально-азиатских диаспор: казахи, узбеки, таджики, туркмены и кыргызы. Данные этнические группы наиболее многочисленны, имеют тенденцию к активному пополнению и официально зарегистрированы на позициях национально-культурных автономий в РТ.

Этнополитическая ситуация в страны исхода центрально-азиатских диаспор может быть охарактеризована как затруднительная, что создает угрозу развитию этнополитической безопасности в стране пребывания. Так, на современном этапе в странах Центральной Азии, ставших независимыми после распада СССР, остро встали проблемы, имеющие этнический, политический, территориальный и социальный характер.

Часть государств региона преодолевают экономический, в частности, трудовой кризис, другие – социальный кризис, третьи – политический. История межэтнических конфликтов, произошедших на территории современной Центральной Азии, как в советские годы, так и ранее, создает в регионе напряженную атмосферу. Во взаимоотношениях практически между всеми народами, населяющими регион, имеются серьезные противоречия, которые способны при определенных условиях поставить их в положение противостояния (об этом свидетельствуют события в г. Ош в июне 2010 года). Ухудшение социально-экономической обстановки в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане способствует росту недовольства среди населения, что, в свою очередь, приводит к увеличению миграционных потоков из этих стран в Россию, и в частности, в Татарстан.

Например, численность только постоянно проживающих в республике кыргызов увеличилась практически в три, узбеков и таджиков – более чем

¹ См.: Национальный состав Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/Forms/AllItems.aspx> (дата обращения 09.07.2013).

в полтора раза (по данным Переписи 2002 и 2010 гг.¹). Образовавшиеся после распада СССР государственные границы разделили бывших сограждан не только территориально, но и политически. Новые независимые государства начали свой путь к обретению собственной этнонациональной идентичности, зачастую намеренно обращаясь к древним, этническим пластам своей истории. Данные обстоятельства и причины обуславливают заданную политизированность этничности населения центрально-азиатского региона, что в свое время отмечал и В.А. Тишков².

В последующие годы в странах Центрально-азиатского региона интерес к собственным этническим корням только усиливался и сопровождался изменениями в языковой и культурной политике, усилением степени религиозности населения. В результате произошло не только формирование новых гражданских и этнических идентичностей, но и появление нового поколения молодежи с иными языковыми, этнокультурными (определяющими цивилизационные ориентации на азиатский мир), религиозными установками и ценностями (не во всем совпадающими с традициями ислама у татарского народа).

Именно эти новые культурные границы способны вызывать открытые конфликты с местным населением (в Татарстане это события в Нурлатском районе республики³), что актуализирует проблему изучения адаптационных процессов среди диаспорных групп в регионах РФ. Во избежание проекций описанных этнополитических проблем Центрально-Азиатского региона на социальное, политическое и этнокультурное развитие Татарстана, эффективным представляется изучение этнических процессов в республике с позиций современной политической науки.

¹ См.: Национальный состав Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстана URL: <http://www.an-tat.ru/natsionalnyi-sostav-naseleniia-rt/> (дата обращения 09.07.2013).

² См.: Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011. 376 с.

³ См.: Беляева В. Или мы, или нас: в Нурлатском районе татары выгнали таджиков из села [Электронный ресурс] // Электронная газета Республики Татарстан/ URL: <http://www.intertat.ru/ru/obshchestvo/item/16885-ili-myi-ili-nas-v-nurlatskom-rayone-tataryi-vyignali-tadzhikov-iz-sela>. 06 мая 2013 (дата обращения 31.07.2013).

В целях достижения этнополитического согласия, гармоничного развития центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан (далее и в приложениях – ЦАД РТ) в мае-июне 2011 года при помощи метода стандартизированного интервью диссертантом было проведено эмпирическое исследование, посвященное изучению этнической идентичности данных этнических групп. Всего было интервьюировано 165 человек обоих полов. Программа исследования представлена в Приложении 1 настоящей работы.

На основании проведенного эмпирического исследования можно утверждать, что этническая идентичность выходцев из Центральной Азии претерпевает существенные изменения в условиях этнополитического пространства РТ. Так, например, трансформациям подвергаются социальные, культурные, языковые уровни в общей структуре идентичности данных этнических групп. Все эти преобразования значительным образом сказываются на процессах политизации этнической идентичности изучаемых диаспор. Диссертант более подробно рассматривает основные результаты проведенного исследования центрально-азиатских диаспор республики.

Диссертант считает, что этническая идентичность диаспоры должна «работать» и содействовать адаптации ее носителей в политическом пространстве принимающего сообщества. Механизмом приспособления диаспоры к изменяющимся условиям социально-политической среды является сбалансированная интеграция различных уровней ее идентичности (социальной, культурной, языковой, профессиональной, этнической, политической) с общероссийской и/или региональной идентичностью. Результатами подобной консолидации идентичностей диаспоры должны выступать:

- 1) качество политического взаимодействия с участием диаспоры;
- 2) ее успешная адаптация в общероссийское/региональное этнополитическое сообщество;
- 3) взаимодействие социальных и культурных капиталов диаспоры и принимающего сообщества;

4) сбалансированная форма актуализированной (политизированной) этнической идентичности, позволяющая диаспоре, с одной стороны, быть участником политической коммуникации, а с другой стороны, контролировать потенциал собственной конфликтогенности, стремления к анклавизации.

Именно поэтому диссертант приводит результаты исследования различных видов идентичности центрально-азиатских диаспор, оказывающих влияние на процесс формирования их этнической идентичности, этнополитической субъектности, установок общегражданской и/или региональной идентичности.

Процесс образования и пополнения центрально-азиатских диаспор в Татарстане усилился в последние десятилетия. Согласно результатам интервью 26,4% респондентов проживают здесь до 3х лет; 24% – до 4х лет и 30,6% от 4-9 лет. Проводимая в республике национальная политика позволяет диаспорам действовать в условиях законодательно оформленного этнического равноправия, сохранять собственную культуру, традиции и язык; и вместе с тем, благоприятствует повышению уровня образования и качества жизни. Это, в свою очередь, дает возможность молодым членам центрально-азиатских диаспор получить высшее образование в вузах республики. Среди интервьюированных все больше сторонников такого решения: 37% участников исследования в возрасте от 20 до 24 лет на данный момент являются студентами различных вузов Казани. Все это свидетельствует о стремлении диаспор к приобретению более значимого социального статуса, которое усиливается желанием профессиональной самореализации (см. Приложение 3, Таблица 52). Среди интервьюированных самоопределение по профессиональному признаку или по виду выполняемой деятельности весьма частое явление: 46% узбеков, 27% казахов, 25% туркмен и 17,5% таджиков отметили важность данной характеристики идентичности.

Интересно, что профессиональный успех для центрально-азиатских диаспор на сегодня важнее, чем просто материальное обогащение. Уровень удовлетворенности собственным материальным положением оценивается членами диаспор как довольно высокий: 60% таджиков, 60% кыргызов, 56% узбеков, 55% туркмен, 51,3% казахов довольны своим уровнем доходов.

Выявленная тенденция стремления к повышению качества жизни и уровня образования сопровождается сложностями в самовосприятии у исследуемых групп, в оценках значимости собственной этнонациональной принадлежности и отношения к родной культуре, языку и «землякам».

Для интервьюированных характерна неодинаковая степень значимости собственной этнонациональной принадлежности. Например, для кыргызской (96%) и таджикской (92,5%) диаспор собственная этническая идентичность оказывается более значимой для них, чем для узбекской (78%), туркменской (75%) и казахской диаспор (43,2%) (см. Приложение 3, Таблица 22).

Для анализа отношения исследуемых к своей этнической принадлежности интервьюированным было предложено ответить на вопрос: «Если бы Вы имели возможность выбора, какую национальность Вы бы выбрали?» (см. Приложение 3, Таблица 11). Наиболее устойчивыми в собственной этнической идентичности оказались представители таджикской диаспоры: 92,5% из них выбрали свою национальность. Наименее – туркмены: 45% выбрали ответ «своя национальность». Некоторые ответили, что при возможности выбора предпочли бы стать представителями другой национальности. Наиболее «популярными» национальностями среди членов центрально-азиатских диаспор оказались татары и русские. Наиболее «сомневающимися» оказались туркмены и казахи, наименее – таджики и кыргызы.

ЦАД РТ не склонны идентифицировать себя исключительно по этнонациональным признакам. Согласно результатам теста, проведенного автором по методике М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?»¹ (см. Приложение 3, Таблица 53) была выявлена иерархия идентичностей представителей данных диаспор. Согласно ответам интервьюированных, все они, в особенности, туркмены и таджики ассоциируют себя, прежде всего, с ролью в семье и семейным статусом (например, муж/жена, отец/мать, сын/дочь, брат/сестра и т.д.), что очень характерно для традиционных культур с их клановостью и

¹ См.: М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой / Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб., 2006. С. 82-103.

семейственностью. Второй по важности характеристикой самоописания оказались личностные качества и особенности характера («добрый», «гордый», «красивый», «умный» и т.д.). Наиболее значимыми уровнями идентичности данных диаспор оказались социальная, личностная, национальная, религиозная, профессиональная и гражданская. Этнонациональная и конфессиональная идентичность центрально-азиатских диаспор в условиях современного Татарстана уступает их личностной, профессиональной и социальной идентичностям, что говорит о значительном смещении вектора идентификации диаспор вследствие проживания вне зоны своей традиционной культуры. В виду выявленной высокой значимости этнонациональной принадлежности для ЦАД РТ, по мнению диссертанта, следует говорить не о кризисе этнической идентичности, а о множественной идентичности диаспор казахов, кыргызов, узбеков, таджиков и туркмен, проживающих в республике.

Множественная идентичность положительно проявляется в процессе этнополитического взаимодействия. Согласно исследованию, ЦА диаспоры характеризуются высокой частотой межэтнического общения. Во многом это результат полиэтнических реалий самого Татарстана. Партнеров по коммуникации интервьюированные предпочитают выбирать согласно личным качествам и особенностям характера потенциального сокоммуниканта (см. Приложение 3, Таблица 1). Среди прочих критериев выбора окружения наиболее важным для членов центрально-азиатских диаспор Татарстана – уровень образования, уровень культуры, и, наконец, национальность их партнера по коммуникации.

В процессе этнополитического взаимодействия, по мнению интервьюированных, личные качества участников этого взаимодействия важнее, чем их этнонациональная принадлежность. Диаспоры учитывают это и проявляют хорошие навыки межкультурного общения. В числе лучших друзей члены ЦАД РТ называют не только своих земляков: 83,7% казахов, 66% узбеков, 60% кыргызов, 50% таджиков и 45% туркмен среди лучших друзей называют татар. Большое количество друзей среди русских есть у представителей казахской (81%),

кыргызской (54%), туркменской (35%) и узбекской (34%) диаспор. 100% таджикской, узбекской и туркменской диаспоры отметили свою приверженность к общению с представителями своей этнокультуры.

Итак, центрально-азиатские диаспоры современного Татарстана обладают многоуровневой идентичностью, в которой все отчетливее проявляется тенденция усиления значимости социальной, личной и профессиональной идентичностей. Множественная и флексибельная идентичность ЦА диаспор, по мнению диссертанта, благоприятно сказывается как на их этнической идентичности, помогает данным этнокультурам адаптироваться в динамично развивающемся Татарстане и быть успешными участниками этнополитического взаимодействия.

Однако для реализации данной модели необходимо развитие у центрально-азиатских диаспор черт межкультурной и языковой компетентности как особых коммуникативных качеств, способствующих социокультурной адаптации данных диаспор и установлению межэтнического диалога в целом. Проблема языковой идентификации центрально-азиатских диаспор в Татарстане, как обществе со сложным этнокультурным и языковым составом, оказывается напрямую связанной с процессами инкультурации и интеграции диаспор в местную среду. Компетентность в родном языке и языке страны пребывания, а также реальное речевое поведение – прямо отражают процессы, происходящие в структуре этнической идентичности адаптирующегося. Все это представляет собой сложное комплексное образование, ставшее объектом исследования многих ученых.

В российской этнополитологической традиции проблемой языка как фактора идентичности занимается М.Н. Губогло. Он считает язык важнейшим признаком этноса. Языковая идентичность, по его мнению, – это «совокупность языковых характеристик индивида или группы, состоящая из языка или языков (языковая компетентность), употребления языков (речевое поведение), отношения к языкам (языковые установки)»¹. Современный исследователь Ж.Т. Уталиева выделяет ключевую роль языкового фактора в становлении этнической идентичности диаспоры. Ученый отмечает такие модели языковой идентичности

¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 39.

этнофоров в полиэтническом обществе, как: моноэтническая, биэтническая и маргинальная идентичности. Моноэтническая идентичность, по мнению Уталиевой, формируется в случае, если высокая компетентность в этническом языке сочетается с низкой компетентностью в языке чужой этнической. Биэтническая идентичность образуется, когда этнофор обладает знаниями высокого уровня как в этническом, так и в «чужом» языках, что позволяет человеку общаться с представителями обеих этнических групп. И, наконец, маргинальная идентичность вырабатывается в том случае, когда существует высокая компетентность в языке «чужой» этнической группы при недостаточном знании языка своей этнической группы¹.

Другой исследователь, Р.В. Борисов, особо отмечает роль языковой компетентности как важного фактора развития позитивных межэтнических отношений в поликультурных обществах. Он пишет, что высокая компетентность в этническом и «чужом» языке (языке межнационального общения) способствует формированию бикультурной компетентности и позитивной этнической идентичности. Высокая компетентность в языке межнационального общения способствует формированию позитивных установок межэтнической толерантности². Так, Борисов, признает важную роль языковой компетентности в обоих (и более) языках для успешного межэтнического взаимодействия, и, как следствие, дальнейшей социокультурной адаптации в иной среде.

Средством для этого, по мнению Е.Н. Кремер, может стать «чужой» язык³. Ученый считает, что при повышении уровня компетентности в чужом языке и частоты его использования, этническая идентичность индивида не утратится и не изменится в пользу «чужой». Напротив, такая ситуация для этнофора будет способствовать развитию в нем черт билингвальной идентичности. Кремер

¹ См.: Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 1996. 36 с.

² См.: Борисов Р.В. Языковая компетентность как средство выражения этнической идентичности и формирования межэтнической толерантности учащейся молодёжи : автореф. дис. ... канд. псих. наук. Махачкала, 2007. С. 18.

³ См.: Кремер Е.Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2010. 21 с.

выделяет несколько типов такой билингвальной личности: бесконфликтная билингвальная личность и билингвальная личность с проблемной идентификацией. Первый тип формируется, когда языковая и этническая идентичности не совпадают, но не порождают языковых конфликтов: личность не поставлена перед выбором «родного» языка между автохтонным и «приобретённым». Второй образуется в случае, если личность испытывает трудности с языковой идентификацией или неверно оценивает свою языковую идентичность. Д. Замятин заключает, что языковая идентичность сегодня – во многом есть образ социализации собственного бытия¹.

Авторы указывают на важную роль языка в общей структуре идентичности. Все они отмечают, что в условиях поликультурных обществ, идентичность индивида может трансформироваться следующим образом: языковая идентичность изменяется в сторону билингвизма, что формирует черты биэтнической идентичности. При этом этническая идентичность не маргинализируется и не утрачивается. Социокультурная адаптация у идентифицирующихся происходит по пути интеграции и инкультурации, что оказывается возможным благодаря приобретенным билингвальным качествам адаптирующегося.

Согласно данным интервью, представители центрально-азиатских диаспор очень часто используют родной язык, что вполне логично и объяснимо. Интервьюируемые признаются, что на родном языке наиболее часто, помимо семьи, они общаются со своими земляками. Соответственно о частоте употребления родного языка можно судить по частоте общения внутри диаспоры. Согласно результатам интервью, центрально-азиатские диаспоры характеризуются высокой частотой внутридиаспорального общения (см. Приложение 3, Таблица 30). Наиболее часто родной язык используют представители туркменской диаспоры, так как частота внутридиаспорального общения у них находится на самом высоком уровне среди центрально-азиатских

¹ См.: Замятин, Д.Н. Географический образ России и постсоветские языковые идентичности / Д.Н. Замятин // Космополис. 2008. №7. С. 97.

диаспор. За ними следуют таджикская, узбекская и кыргызская диаспоры, для которых также свойственна высокая частота использования родного языка. Высокая частота употребления родного языка способствует укреплению их этнической идентичности. Значимость языковой принадлежности для центрально-азиатских диаспор РТ в общей структуре их идентичности высока. 54% членов кыргызской диаспоры, по 50% – узбекской и таджикской, 35% - туркменской и 18,9% - казахской диаспор оценили важность в их жизни родного языка как «очень высокую».

Центрально-азиатские диаспоры проявили устойчивость черт языковой идентичности и приверженность к родному языку. На вопрос о том, что для исследуемых значит быть человеком определенной национальности, 54% кыргызской диаспоры, 50% - узбекской, 30% - таджикской, 25% - туркменской и 18,8% - казахской диаспор ответили: «говорить на языке этой национальности». При этом уровень владения родным языком, равно как и другими языками общения данных диаспор, неодинаков. В частности, уровень владения русским языком в казахской диаспоре выше, чем родным, казахским, языком (см. Приложение 3, Таблица 12), что говорит об определенной тенденции к этноязыковой маргинальности казахской диаспоры. Помимо русского и казахского языков, члены казахской диаспоры в различной степени владеют татарским языком и различными европейскими языками, преимущественно английским.

Для кыргызской диаспоры характерна несколько иная ситуация. Здесь уровень владения родным, кыргызским, языком, выше, чем русским (см. Приложение 3, Таблица 13). К языкам, которыми в той или иной степени владеют члены кыргызской диаспоры Татарстана, интервьюированные отнесли английский, татарский и другие языки тюркского происхождения. Члены узбекской диаспоры проявили высокий уровень владения родным языком (см. Приложение 3, Таблица 14). Именно узбеки отметили наибольший уровень владения татарским языком. Помимо различных европейских языков, члены узбекской диаспоры Татарстана владеют кыргызским и таджикским языками.

Представители таджикской диаспоры РТ считают, что их уровень владения родным (таджикским) и русским языками примерно равны (см. Приложение 3, Таблица 15). Ввиду языковых особенностей и территориального расположения таджики среди прочих диаспор выразили наибольшую компетентность в различных языках, проявив, таким образом, полилингвальные черты своей идентичности. Помимо европейских языков, члены таджикской диаспоры также владеют персидским, турецким, афганским, арабским языками.

Уровни владения различными языками в туркменской диаспоре таковы: (см. Приложение 3, Таблица 16) первым в этом ряду туркмены назвали родной, туркменский, язык. За ним – русский язык. Среди центрально-азиатских диаспор, участвовавших в интервью, туркмены отметили свою наименьшую компетентность в татарском языке, наибольшую – в английском языке. Туркмены также отметили, что знают турецкий, узбекский языки.

Наибольшую компетентность центрально-азиатские диаспоры проявили в родных языках. Исключением стала казахская диаспора. Согласно ответам респондентов, все они обладают высоким уровнем владения русским языком. Языковые установки центрально-азиатских диаспор в отношении родных языков устойчивы, в казахской диаспоре – относительно устойчивы. Языковая компетентность в иных языках наиболее высока в русском языке, что свидетельствует о билингвизме диаспор, что в меньшей степени выражено относительно татарского и английского языков. Для центрально-азиатских диаспор не характерна выраженная моноэтническая или маргинальная языковая идентичность.

Для анализа языковой идентичности помимо языковых установок и языковой компетентности крайне важно изучение реального речевого поведения центрально-азиатских диаспор. Данная характеристика связана с повседневным общением и является значимым элементом повседневной культуры. Сферы использования родного языка для исследуемых диаспор представлены двумя основными кругами общения: с родными и близкими, а также земляками (см. Приложение 3, Таблица 23). Среди всех ЦА диаспор, наименьшую

приверженность к родному языку на фоне прочих вновь проявили казахи, наибольшую – туркмены. Тем не менее, процент использования родного языка в центрально-азиатских диаспорах очень высок. Родной язык и общение на нем остается мощнейшим фактором сохранения этнокультурной самобытности. В данном вопросе диаспоры проявили явную устойчивость черт языковой идентичности как составной части этнической идентичности.

Члены центрально-азиатских диаспор в своем повседневном общении сталкиваются с носителями различных этничностей и культур. К примеру, основным по частоте использования с друзьями, коллегами и незнакомыми людьми, для диаспор остается русский язык (см. Приложение 3, Таблица 24). Наибольшую частоту использования русского языка отметили казахи. Члены прочих ЦА диаспор также активно общаются на русском языке. Языковой компетентностью в значительной мере обуславливается успешность их дальнейшей социокультурной адаптации, что подтверждает тезис о билингвальности идентичности центрально-азиатских диаспор, особенно казахской. Частота использования русского языка не оказывает влияния на этническую идентичность исследуемых. Скорее такой билингвизм привычен для центрально-азиатских диаспор как для членов бывшего союзного государства. Несмотря, на активизацию национальных процессов в странах Центральной Азии, русский язык по-прежнему играет там важную роль.

Исследуемые довольно активно используют татарский язык в повседневной жизни. Интересно, что на татарском языке члены исследуемых диаспор общаются с друзьями и коллегами, а также с незнакомыми им людьми (см. Приложение 3, Таблица 25). По данным интервью, для развития межкультурных коммуникаций в республике и формирования межкультурной компетентности диаспор есть все основания. Так, 54% представителей казахской диаспоры, 40% – таджикской, 38% – узбекской, 36% – кыргызской и 20% туркменской диаспор считают, что межэтнические отношения в республике характеризуются как «добрососедские» (см. Приложение 3, Таблица 33).

Примечательно, что согласно ответам интервьюированных, удовлетворенность центрально-азиатских диаспор национальной политикой, проводимой в Татарстане (40,8%), существенно выше, чем национальной политикой, проводимой в России (28,2%) (см. Приложение 3, Таблица 47). Особенно комфортно в Татарстане себя ощущают представители узбекской и киргизской диаспор республики. На вопрос «Ощущаете ли Вы себя чужими?» 82,5% таджиков, 78,3% казахов, 72% киргизов, 60% узбеков ответили «нет». Наиболее комфортно чувствуют себя казахи и таджики; 25% туркмен, напротив, ответили, что ощущают свою чуждость всегда, еще 10% - иногда. В целом благодаря общности исторических и языковых корней, схожести культур и единой религии, большинство исследуемых не ощущают себя «чужими» в республике (см. Приложение 3, Таблица 34).

Диссертант заключает, что центрально-азиатские диаспоры Татарстана проявляют хорошие навыки этнополитического взаимодействия: они компетентны в основных языках республики (русском и татарском), владеют европейскими, тюркскими и некоторыми другими языками, общаются часто как внутри диаспоры, так и с представителями других этносов и культур. Их языковая идентичность может быть определена как в значительной степени билингвальная бесконфликтная идентичность (данное положение особенно справедливо по отношению к казахской диаспоре, в структуре идентичности которых присутствуют не только билингвальные, но и биэтнические черты), что в равной степени способствует как социокультурной адаптации центрально-азиатских диаспор в Татарстане, так и конструированию их этнической идентичности в более позитивной форме.

Центрально-азиатские диаспоры характеризуются устойчивой этнической идентичностью и стремлением к ее сохранению. Однако в условиях современного Татарстана казахи, киргизы, узбеки, таджики и туркмены стремятся к выполнению более значимых социальных ролей и повышению своего социального статуса благодаря получению образования, улучшению материального положения и качества жизни.

Социальная активизация деятельности данных этнических групп сопровождается становлением многоуровневой структуры их этнической идентичности, в которой все заметнее тенденция усиления значимости социальной, личной и профессиональной принадлежностей. Процессы глобализации и взаимовлияния культур, отмечаемые в информационно-политическом и культурном пространстве Татарстана, формируют у населяющих его иноэтничных групп качества гибкости и динамичности идентичности и позволяют им конструировать свою идентичность как множественную, не теряя при этом собственную этнокультурную уникальность.

Анализ результатов эмпирического исследования показал справедливость конструктивистских положений о конструируемой природе этнической идентичности. Складывающаяся множественная идентичность центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан, основанная на ощущении значимости этнической принадлежности, социальной активности, языковой компетентности, положительно сказывается на качестве этнополитического взаимодействия в регионе с участием исследуемых диаспор. Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор республики органично дополняется «татарстанской», региональной идентичностью. По мнению Г.Ф. Габдрахмановой и Р.Н. Мусиной, региональная идентичность «мы - татарстанцы» – реальная идентичность жителей Татарстана выполняет важную интегративную роль¹. Это становится особенно важно для созидания этнополитического согласия в республике.

Диссертант приходит к выводу о важности включения этнической идентичности, включая все происходящие в ней процессы, в общую структуру общегражданской идентичности, которая способна вбирать в себя элементы различных уровней социальной идентичности, включая культурную и этническую, и тем самым отвечать на «вызовы» каждой из них. Применительно к этнической

¹ См.: Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н. Идентификационные процессы у русских и татар Татарстана в 1990-2000-х гг.: коллективные представления и конструктивистская роль элит. Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Р.К. Уразмановой. Вып. VI. Казань, 2012. С. 166-193.

идентичности диаспоры данный вывод скорректирован. Во-первых, диссертант признает, что миграционные потоки усиливают стремления различных этнических групп к борьбе за перераспределение социальных, экономически и прочих статусных позиций, что наглядным образом демонстрирует пример центрально-азиатских диаспор в Татарстане, ставящих своей целью укрепление собственного социального статуса в республике. Во-вторых, основой этой деятельности выступают сами диаспоры, выстраивающие коммуникационные сети внутри своей этнической группы, со страной исхода, с принимающей стороной, и использующие в этом ресурсы языковой компетентности, межэтнического взаимодействия.

В целом иноэтнические и диаспоральные активности затрагивают вопросы регулирования этнополитической стабильности в Татарстане и формируют специфику политических процессов на его территории. Центрально-азиатские диаспоры в данном отношении выступают как опосредованные участники, то есть объективно влияют на характер межэтнических отношений в республике, усложняют этнокультурный состав населения, демонстрируют активность в достижении статусных социальных, профессиональных, образовательных позиций, в расширении своей коммуникационной сети. Все это в совокупности ориентирует республиканских властей на укрепление законодательных оснований регулирования влияния иноэтничных групп, на разработку методов управления потенциалом этнокультурной солидарности, присущим политизированной этнической идентичности.

Политизация этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан как процесс купирован, так как сам механизм политизации, понимаемый как совокупность процессов, где этническая идентичность выступает в качестве актора политической борьбы и защитной функции этничности, не имеет почвы для катализации. Вместо активных субъектных ролей в этнополитических процессах республики, центрально-азиатским диаспорам предлагаются иные пути самореализации – социальные, трудовые, образовательные, культурные. Именно это обуславливает понимание

центрально-азиатских диаспор скорее как значимого объекта, нежели активного субъекта политического процесса в Татарстане. Вместе с тем используемый республикой сценарий «удержания» политизации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор способствует регионализации сознания исследуемых этногрупп. Этническая и региональная идентичность интенсивны и значимы для центрально-азиатских диаспор, что, во-первых, может стать хорошей базой для формирования в этой среде установок общегражданской консолидации, важности национального, регионального единства, а во-вторых, взаимодействуя, способны создавать конфликтную политическую реальность.

В связи с этим диссертант считает целесообразным исследование состояния этнополитического пространства в Республике Татарстан (с точки зрения самих диаспор и официально позиционируемое органами власти, зоны их соприкосновения и расхождения между ними), анализ степени потенциальной/реальной конфликтности центрально-азиатских диаспор, пребывающих на территории республики.

2.2. Конфликтогенный потенциал этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в контексте достижения этнополитического согласия в Республике Татарстан

В данном параграфе диссертант исследует обнаруженный в ходе эмпирического анализа конфликтогенный потенциал этнической идентичности центрально-азиатских диаспор, проживающих на территории РТ: условия его реализации и средства политического управления этими процессами. Автор анализирует меру зависимости конфликтогенности и политических реалий принимающего сообщества, характер возникающих противоречий. С учетом оценки конфликтности идентичности центрально-азиатских диаспор, диссертант формулирует специфические факторы, влияющие на процесс политизации этнической идентичности диаспоры в региональном этнополитическом пространстве.

На основании результатов проведенного исследования диссертант выявил свойство этнической идентичности диаспоры к политизации. Актуализированная этническая идентичность диаспоры способна создавать конфликтные реальности, требующие включения в процесс управления ими специфических политических механизмов законодательного, этнополитического и общегражданского регулирования. Детальная проработка данного механизма невозможна без анализа нормативно-правовой обеспеченности реализации этнического равноправия, состояния межэтнического взаимодействия и политических условий его оптимизации. Феномен этнической диаспоры сам по себе предполагает потенциал конфликтогенности, реализующийся на базе негативной этнической идентичности диаспоры, отсутствия этнополитической и социальной стабильности, а также скрытого или явного ограничения культурных прав.

В связи с этим автор выделил ряд факторов становления негативной идентичности иноэтнической группы в условиях этнополитического

взаимодействия, в число которых вошли этнические границы, социальная дистанция и культурные различия с окружающим обществом, способствующие при определенных условиях способствовать реализации конфликтогенного потенциала диаспоры.

Этническая идентичность, как и любая групповая идентичность, содержит набор представлений о культурных и социальных различиях между «своей» и «чужими» группами. Для обозначения этнодифференцирующих культурных и социальных факторов с 1990-х гг. в науке утвердился заимствованный у Ф. Барта термин «этнические границы», которые, по его мнению, являются главным способом социальной организации. Этнические границы, этнические маркеры (групповые признаки, служащие основанием для отнесения индивида к той или иной этнической группе или, наоборот, исключения из этой группы) и сама этническая группа, по мнению норвежского ученого, имеют ситуативный характер, и в зависимости от политических, экономических, социальных и иных условий могут быть слабо или сильно выраженными.

В современной науке под этнической границей понимается символическая социальная граница между этническими общностями, определяемая при помощи набора этнических маркеров¹. Этническая граница также рассматривается как субъективно осознаваемая и переживаемая дистанция, рассматриваемая в контексте межэтнических отношений². В. И. Ильин, соглашаясь с С.В. Рыжовой, определяет этническую границу как линию социально предписанных, разделяемых группой культурных различий, которые, выполняя роль маркеров, отделяют одну группу от другой в социальном взаимодействии³. В целом отечественный подход к категории этнических границ согласуется с концепцией Ф. Барта. На ситуативность этнических границ также указывает В.А. Тишков⁴.

¹ См.: Богатова А. А. Этнические границы в Мордовии: парадокс многоуровневой идентичности // Социологические исследования. № 6, 2004. С. 69–75.

² См.: Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 73.

³ См.: Ильин В. И. Социальное неравенство. М., 2000. С. 290-292.

⁴ См.: Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под ред. Олкотт, М. Б., Тишкова, В. А. М., 1997. С. 28.

Этническая граница является актом сознания, а важнейший способ её изучения заключается в исследовании этнической идентичности. Подход к исследованию взаимодействий между народами России на основе концепта «этническая граница» определил выделение непосредственно линии этнической границы как воображаемого социально-психологического водораздела между народами, приграничья – зоны наибольшей интенсивности межэтнических контактов и действия пограничных охранных реакций с каждой стороны¹. Развитая языковая и межкультурная компетентность неразрывно связывается ими с преодолением социальных дистанций в этнополитическом взаимодействии.

Исследование этнических границ, представлений об этих границах позволило выделить грани взаимовлияния сущностных характеристик этнической идентичности диаспоры и характера политического взаимодействия с участием ее носителей. Факторы этнической идентичности диаспоры, основывающиеся на выраженности этнических границ, социальной дистанцированности и этнополитических противоречий, оказываются связанными с характеристиками окружающей политической среды (стабильность/нестабильность, наличие/отсутствие межэтнического диалога и, разработанности принципов этнокультурной, миграционной, национальной политики, официального дискурса в отношении вопросов этнического равноправия, общегражданской консолидации, разнородного политического взаимодействия).

В ходе интервью диаспоры отметили народы, проживающие в Татарстане, с которыми, по их мнению, этнические и культурные границы выражены четко. Так, среди наиболее непохожих на ЦА народов, диаспоры отметили русских (64,6%). По мнению интервьюированных, этнические границы с русскими наиболее значительны (см. Приложение 3, Таблица 48). Особенно остро этнические границы с русскими ощущают таджики (77,5%). Вторыми по выраженности этнических границ были названы кыргызы (54%). На третьем месте по величине этнических границ оказались казахи (37,8%). Этнические границы с основным местным населением республики – татарами ощутили

¹ См.: Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998. 385 с.

представители таджикской (27,5%), казахской (21,6%), кыргызской (12%) и узбекской (12%) диаспор. В число наиболее непохожих на них народов ЦА диаспоры также отметили кавказские народы в целом, и азербайджанцев, в частности.

Так, ЦА диаспоры наиболее остро ощущают этнические границы с русскими, часть диаспор – с татарами, данный факт не может не вызывать беспокойства, так как фактически обнаруживается: а) ощущение центрально-азиатскими диаспорами своей «чуждости», непохожести с основным, принимающим населением республики, а, следовательно; б) возможность мобилизации в условиях этнополитического конфликта на основании манифестации этнических границ, влияющих на реализацию/ограничение этнических, культурных прав, доступ/ограничение политического участия на территории принимающего сообщества; в) недостижение на настоящий момент времени этнополитического согласия в исследуемом регионе. Однако с учетом конструктивистского и культурно-обусловленного понимания концепции этнических границ, диссертант не считает фактор этнической отличительности, понимаемый, прежде всего, как ощущение этой отличительности (границ), единственно определяющим характер политического взаимодействия в регионе.

Немалое количество интервьюированных признают, что сама группа ЦА диаспор крайне неоднородна и диссертант видит в этом следствие этнополитических проблем самого Центрально-азиатского региона. Исследуемые не только ощущают этнические границы с русскими и кавказцами, но и в повседневной жизни предпочли бы от них дистанцироваться. Так, при изучении ответов на вопрос о том, с какими народами члены диаспор предпочли бы общаться реже, было выявлено, что величина этнических границ влияет на формы социального взаимодействия между народами. Анализ результатов по так называемой «шкале социальной дистанции»¹ позволил сделать вывод о том, что представители всех пяти центрально-азиатских диаспор, участвовавших

¹ См.: Шкала социальной дистанции (шкала Богардуса, вариант Л.Г. Почебут) / Сонин В.А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб., 2004. С. 216-218.

в исследовании, ответили, что предпочли бы реже общаться с представителями народов Кавказа (азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы и т.д.). Кроме этого, в зону социальной дистанции центрально-азиатских таджики, кыргызы, русские и представители народов Африки, проживающие на территории РТ (см. Приложение 3, Таблица 31).

Некоторое указание на негативную этническую идентичность было выявлено у таджикской диаспоры, чьи представители отметили, что склонны дистанцироваться от своих «земляков» (5%). Наибольшая социальная дистанция была выявлена внутри группы центрально-азиатских диаспор, в частности – у кыргызской диаспоры по отношению к таджикам (18%). Помимо таджиков, кыргызы предпочли бы дистанцироваться от кавказских народов в целом (12%), а также от представителей народов Африки (12%). Представители узбекской диаспоры выразили желание дистанцироваться от кыргызов (10%), в то время как сами кыргызы не выразили взаимного желания дистанцироваться от узбеков. Вызывает интерес факт, что таджики, выразив наименьшее желание дистанцироваться от каких-либо народов, сами стали второй, после кавказских народов, этнической общностью, с которой прочие ЦА диаспоры предпочли бы общаться реже.

В силу ощущаемой выраженности взаимных культурных и этнических границ ЦА диаспоры отметили, что склонны дистанцироваться от русских, народов Кавказа и Африки. Внутри ЦА народов были выявлены социальные противоречия, прежде всего, с таджиками и кыргызами. Несмотря на выявленные дистанции и границы, большинство интервьюированных отметили, что народов, от которых им бы хотелось дистанцироваться, нет. Например, об этом сообщили 42,5% таджиков, 42% кыргызов, 40% туркмен, 32% узбеков и 21,6 % казахов. Поэтому говорить о ярко выраженной социальной дистанцированности ЦА диаспор не приходится. Более того ЦА диаспоры Татарстана отметили, что многие народы республики имеют с ними много общих культурных черт. Интервьюированные отмечают, что этнические и культурные границы наиболее размыты с татарами (37,2%), узбеками (32,4%), туркменами (25,2%), с монголами

и калмыками (1,2%), а также некоторыми народами Кавказа (2,4%), в частности, с дагестанцами, ингушами, азербайджанцами и кавказцами в целом (см. Приложение 3, Таблица 48).

На вопрос о выраженности этнических границ и ее проецирования на региональный политический процесс центрально-азиатские диаспоры Татарстана ответили неоднозначно. С одной стороны, диаспоры называют величину этнических границ с народами принимающего сообщества культурно-исторически обусловленной и незначительной. С другой стороны, их ответы свидетельствуют об имеющихся противоречиях как внутри группы центрально-азиатских диаспор, так и с частью принимающего населения. По мнению диссертанта, этнические и социальные границы достигают определенной величины скорее в представлениях и ощущениях граничащих этногрупп, чем в объективной реальности, и могут быть скорректированы акторами политического процесса, например, путем нацеленной этнокультурной политики.

Наибольшая этнокультурная схожесть была выявлена между таджиками и кавказцами, а внутри группы ЦА народов – между кыргызами и казахами, узбеками и таджиками, туркменам и узбеками. В указанных парах этнических групп, частота возникновения конфликтных ситуаций и выраженность дистанцированности находятся на наиболее низком уровне. Это, с одной стороны, говорит о прямой взаимосвязи между выраженностью этнических границ, социальной дистанции и частотой возникновения конфликтов, с другой стороны, свидетельствует о том, что представления диаспор о вышеупомянутых границах и дистанциях прямо влияют на их реальное поведение в политическом взаимодействии. В условиях сильных социальных и/или политических потрясений это может стать основой политизации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор, в структуре которой присутствует стремление к актуализации, что подтверждается историей политических противостояний и конфликтов, например, в Кыргызстане, Таджикистане, проходящих под лозунгами защиты этнического равноправия и национальной безопасности.

Совокупность выраженных этнических границ и социальной дистанцированности при повышении интенсивности этнической идентичности, по мнению диссертанта, способна стать ресурсом катализации этнополитического протеста. Неравномерность этнокоммуникационного поля, этносоциальная разобщенность создают условия политизации установок массового поведения и политического действия. Управление и мониторинг состояния этносоциальной дистанцированности как фактора этнической идентичности позволит формировать прогнозы развития политического процесса в обществе. Политизированная этническая идентичность понимается как средство политического участия, так как несет в себе потенциалы этнической мобилизации и общественной интеграции на основании целей этнической группы.

Результаты данной части исследования позволили выявить, что восприятие центрально-азиатскими диаспорами этнических границ имеет разнонаправленные последствия. С одной стороны, ввиду возрастающей и углубляющейся сети политико-коммуникационного взаимодействия, укрепляющегося межэтнического диалога между народами республики, наличие общих религиозных (исламских), традиционных (культурных) и языковых корней этнические границы «стираются», а этническая идентичность приобретает черты «относительной инаковости» и гибкости. С другой стороны, при наличии социальных и политических противоречий, выраженные этнические границы способны привести к этнополитическим конфликтным ситуациям и взаимной дистанцированности. Этническая идентичность способна видоизменяться в зависимости от этнической среды, в которой развивается индивид и его представления об этнических границах между его и «чужими» этногруппами. Данные факты говорят в пользу конструктивистского характера концепции этнических границ: этнические границы и представления о них, соответствующие формы этнополитического взаимодействия, а также формирующаяся в результате этническая идентичность, тесно связаны и представляют собой сложную неоднозначную и динамическую систему. Последняя, находясь под влиянием не только этнических, но и социальных, политических и культурных противоречий между

взаимодействующими этническими группами, способна принимать негативные формы.

Исследование этнической идентичности центрально-азиатских диаспор показало, что на степень закрытости или открытости данных этнических групп указывает частота их внутридиаспорального и внедиаспорального общения. Соответственно, характер и качество социальных, межэтнических взаимосвязей оказывает прямое влияние на политизацию этнической идентичности диаспоры. Так, согласно данным интервью, частота внутридиаспорального общения в ЦА диаспорах неодинакова (см. Приложение 3, Таблица 30). Среди прочих казахская диаспора проявила наименьшую выраженность данного показателя. Частота внутридиаспорального общения наиболее высока у туркменской диаспоры. За ними следуют таджикская, узбекская и кыргызская диаспоры.

В целом исследуемые этнические группы характеризуются высокой частотой внутридиаспорального общения, что, безусловно, способствует укреплению их этнической идентичности и сохранению родной культуры. Однако это не свидетельствует о закрытом характере данных диаспор. ЦАД РТ характеризуются высокой частотой и межэтнического (внедиаспорального) общения. Для членов ЦАД характерна широкая сеть межэтнических взаимодействий (см. Приложение 3, Таблица 49).

Степень готовности ЦА диаспор к различным межэтническим взаимодействиям, помимо межнациональной дружбы, неодинакова и зависит от конкретного вида взаимодействия. Было выявлено, что центрально-азиатские диаспоры наиболее положительно относятся к межнациональной дружбе, отношениям приязни, партнерства и совместной работы (см. Таблица 4). Наиболее предпочтительным вариантом межэтнического взаимодействия в профессиональной сфере, по мнениям представителей ЦАД, будет тот, при котором человек другой национальности будет скорее их начальником, чем подчиненным. Интервьюированные отметили, что к межнациональному браку со своим участием относятся с большей готовностью и пониманием, чем к такому

браку с участием их детей в независимости от пола ребенка и национальности их потенциальных избранников.

В совокупности это свидетельствует о готовности большинства исследуемых диаспор к межэтническим взаимодействиям в различных формах, что, в свою очередь, говорит об открытом характере данных этнических групп. Анализ результатов по «шкале социальной дистанции» Э. Богардуса позволил сделать вывод о том, что члены центрально-азиатских диаспор не склонны к изоляционизму. Так, 42,5% таджиков, 42% кыргызов, 40% туркмен, 32% узбеков и 21,6 % казахов, проживающих в Татарстане, ответили, что народов, от которых им хотелось бы дистанцироваться, нет.

Несмотря на это, представители всех пяти центрально-азиатских диаспор, участвовавших в исследовании, ответили, что предпочли бы реже общаться с кавказскими народами. Кроме этого, в зону социальной дистанции центрально-азиатских диаспор по различным причинам также вошли таджики, кыргызы, русские, а также представители некоторых народов Африки, проживающие на территории РТ (см. Приложение 3, Таблица 31). Некоторое указание на негативную этническую идентичность было выявлено у таджикской диаспоры, чьи представители отметили, что склонны дистанцироваться от своих «земляков».

Установки этнополитической консолидации и общественной интеграции оказываются тесно связанными с вопросами межэтнического взаимодействия. Характер коммуникационной сети диаспоры определяет восприятие ее другими этническими группами. Формы взаимодействия различны: от отношений «межнациональной дружбы» до полного непонимания иной этнокультуры. Межэтнический конфликт – наиболее серьезная форма взаимного межэтнического непонимания, так как именно конфликт подразумевает некие деструктивные действия.

Центрально-азиатские диаспоры характеризуются различной степенью интенсивности этнической идентичности и, как следствие, неодинаковой степенью конфликтностогенности. Показано, что наиболее устойчивые в своей этнической идентичности диаспоры проявили наибольшую конфликтность. По

мнению диссертанта, актуальность и интенсивность этнической идентичности диаспоры может быть объективно связана с процессом ее политизации. Идентификация со своей этнической группой в кризисных ситуациях проявляется наиболее явно.

Большая часть туркменской (60%) и таджикской диаспор (52,5%), услышав обвинения или негативные высказывания в адрес их национальности, почувствуют обиду за свой народ (см. Приложение 3, Таблица 35). Значительная часть кыргызской (30%) и туркменской диаспор (30%) непременно примут данные негативные высказывания или обвинения на личный счет. Помимо тесной связи со своей этнической группой, подобное поведение членов туркменской, таджикской и кыргызской диаспор может свидетельствовать о наличии в их этнической идентичности некоторых негативных черт, уязвимости, эмоционального и даже болезненного восприятия собственной идентичности. Учитывая прочие результаты исследования таджикской диаспоры РТ, диссертант считает, что данная особенность скорее частный случай, чем тенденция.

Члены центрально-азиатских диаспор проявили некоторую степень конфликтности, или готовности к конфликту. Так, 35% таджиков и 24% кыргызов в ответ на обвинения или негативные высказывания ответят обидчикам тем же, испытывая при этом чувства гнева. Примечательно, что в подобной ситуации члены центрально-азиатских диаспор предпочитают выбрать более агрессивную линию поведения гнева и взаимных негативных высказываний, чем стратегию поддержания нейтралитета. Так, 2,5% членов таджикской диаспоры признали свою готовность устроить с обидчиками драку. Исключением стали представители казахской и туркменской диаспор (хотя разница незначительна).

Положение о тесной связи членов центрально-азиатских диаспор со своими этническими группами подтвердилось ответами интервьюированных об их потенциальной линии поведения в случае массового столкновения людей на межнациональной почве (см. Приложение 3, Таблица 36). В независимости от сложности ситуации и ее исхода, абсолютное большинство опрошенных признали, что готовы к любым действиям исключительно ради разрешения возникшей

проблемы. Особенно ярко это проявилось у кыргызов: 78% сделали бы все зависящее от них, чтобы прекратить межнациональный спор, еще 12% в такой ситуации без колебаний присоединились бы к «своим». Иных стратегий поведения кыргызская диаспора не предложила, что говорит о наиболее выраженной среди ЦАД готовности к конфликту, выявленной в данном вопросе. Готовность к любым действиям в целях отстаивания собственных этнических прав свидетельствует об актуализации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в условиях этнополитического конфликта. Вновь обнаруживается свойство идентичности исследуемого объекта к политизации и готовность к самозащите средствами массового политического действия.

Готовность без колебаний встать на сторону «своих» в межнациональном споре была подтверждена меньшим количеством человек, чем просто готовность «сделать все от меня зависящее, чтобы прекратить это». ЦАД готовы поддержать свою сторону в межнациональном споре, но не конфликтными методами (либо они не готовы заявить открыто о своей готовности к конфликту, что тоже возможно). Число тех, кто предпочел бы не вмешиваться в массовое столкновение на межнациональной почве, но симпатизировал бы «своим» больше, чем тем, кто не стал бы вмешиваться в подобную ситуацию. Многие интервьюированные, особенно казахи (18,9%) и туркмены (15%) не могут представить себе, что в Татарстане возможно массовое столкновение людей на межнациональной почве. Казахи (2,7%) и узбеки (2%) отметили, что смогли бы уладить данную ситуацию достижением консенсуса.

Так, в случае массового столкновения людей на межнациональной почве члены центрально-азиатских диаспор приобретают как бы черты анонимности: не признавая открыто своей конфликтности, но выражая при этом готовность к любым активным действиям для разрешения конфликта. При этом готовность открыто вступить в спор выше, чем готовность уладить все «мирным путем». Так, положение о тесной привязанности центрально-азиатских диаспор к «своим» и готовности поддержать «своих» в конфликтной ситуации нашло свое подтверждение. В результате наибольшую конфликтность в данном вопросе

проявили кыргызы, наименьшую – казахи. Следует также отметить, что у многих интервьюированных, особенно туркмен и казахов, данный вопрос вызвал затруднения с ответом.

В ситуации личного спора на тему межнациональных отношений, где невозможно сохранить анонимность, члены центрально-азиатских диаспор выбрали иные стратегии поведения (см. Приложение 3, Таблица 37). Например, кыргызы, готовые в массовом межнациональном столкновении поддержать своих, ответили, однако, что лично вообще не приемлют любых межнациональных споров (42%). В ответах на данный вопрос просматривается большой разброс мнений. Наибольшие затруднения данный вопрос вызвал у туркменской диаспоры (35%). В ситуации личного спора на тему межнациональных отношений для центрально-азиатских диаспор свойственно принципиальное неприятие межнациональных споров. Так считают 42% кыргызской, 40,5% казахской, 35% туркменской диаспор. Считая, что конфликтные ситуации могут быть различными в своих проявлениях, более и менее сложными, члены диаспор признают, что они могли бы вступить в спор, но на этот раз не стали бы вмешиваться в него. Иными словами, диаспоры потенциально готовы вступить в спор, но по тем или иным причинам не сделали бы этого. Особенно явно данная двойственность проявилась у представителей казахской (29,7%) и таджикской (27,5%) диаспор.

Подобная «ситуационная конфликтность» в узбекской и таджикской диаспорах проявилась ярче, чем принципиальное неприятие межнациональных споров, в том числе на уровне личностного общения. Примечательно, что члены таджикской, узбекской и кыргызской диаспоры проявили наибольшую готовность открыто защищать интересы «своих» в личном споре на межнациональную тему. Одновременно с этим таджики, узбеки и туркмены выразили наибольшую готовность «понять другую сторону». Так, для центрально-азиатских диаспор в ситуации личного спора на тему межнациональных отношений характерен большой разброс в выборе потенциальных стратегий поведения.

Тревожный факт был выявлен в ходе исследования: представители всех центрально-азиатских диаспор участвовали на территории Татарстана в межнациональных противоречиях, спорах и конфликтах (см. Приложение 3, Таблица 38). Так, кыргызской диаспоре среди прочих наиболее часто приходилось участвовать в межнациональных противоречиях (42%) и межнациональных спорах (48%). Наименее конфликтными в этом отношении оказались туркмены. В ситуациях межнационального конфликта, напротив, наиболее частыми участниками на этот раз оказались не кыргызы, а таджики и туркмены. Кыргызы чаще находятся с другими этническими группами в противоречиях, спорах, но не конфликтах. Казахи с увеличением тяжести ситуации (противоречие-спор-конфликт) уменьшают степень своего возможного участия в таких ситуациях. Туркмены и таджики, напротив, действуют обратно: чем тяжелее характер ситуации, тем больше они готовы поддерживать «своих». Для узбекской диаспоры, в отличие от прочих, характерна своеобразная «кривая участия» в подобных ситуациях: поддерживать «своих» в межнациональных спорах узбеки готовы чаще, чем в межнациональных конфликтах, но реже, чем в межнациональных противоречиях.

Некоторое беспокойство вызывает и то, что среди национальностей, с которыми центрально-азиатским диаспорам приходилось быть в ситуациях межнациональных противоречий, споров и конфликтов, наиболее частыми участниками оказались русские и татары, а также сами центрально-азиатские диаспоры (см. Приложение 3, Таблица 39). В межнациональных противоречиях с русскими наиболее часто оказывались кыргызы и таджики. За исключением туркмен, всем центрально-азиатским диаспорам приходилось быть в таких ситуациях и с татарами. Наиболее часто в ситуации межнациональных противоречий с татарами оказывались таджики. Таджики также отметили их непохожесть на татар.

Наиболее часто внутри группы центрально-азиатских диаспор межнациональные противоречия возникали с кыргызами, так ответили 18% узбеков; 6% кыргызстанских узбеков из числа кыргызской диаспоры; 5,4%

казахской и 5% таджикской диаспоры. С точки зрения самих центрально-азиатских диаспор, наиболее часто межнациональные противоречия у них возникали с кыргызами, в виду их сильной взаимной непохожести. У самой кыргызской диаспоры межнациональные противоречия наиболее часто возникали с казахами, узбеками и таджиками (по 12%). Именно таджикская диаспора оказалась второй, после кыргызской, наиболее частой участницей межнациональных противоречий. В противоречиях с таджиками участвовали 12% кыргызов, 4% узбеков и 2,7% казахов, которые отметили значительные этнокультурные границы и непохожесть с таджиками на 60%, 10% и 59,4% интервьюированных соответственно.

Члены центрально-азиатских диаспор (казахи, узбеки, таджики) также отметили, что участвовали в межнациональных противоречиях с африканцами, азербайджанцами и кумыками. Они же отметили большие этнокультурные границы с данными народами. Все это дает возможность заключить, что на частоту возникновения межнациональных противоречий влияет величина этнокультурных границ между потенциальными участниками противоречия. Данное положение, однако, не говорит об этнокультурных границах как единственной причине возникновения противоречий. Казахи и туркмены, например, отметили свою сильную взаимную «непохожесть», однако, ситуаций межнациональных противоречий между ними не возникало.

В отношении межнациональных споров как более напряженной формой межэтнического взаимного непонимания, ситуация оказалась, несколько сложнее. Частота возникновения межнациональных споров с русскими и татарами выше, чем межнациональных противоречий. Однако кыргызы и таджики остались по-прежнему наиболее частыми участниками межнациональных споров с другими центрально-азиатскими диаспорами. Так, взаимное неприятие высказали узбеки и кыргызы, споры между ними возникали у 24% представителей обеих диаспор. При этом 56% узбеков считают себя непохожими на кыргызов, в то время, когда только 12% кыргызов отмечают свою непохожесть на узбеков. У 24% кыргызов также возникали межнациональные споры с таджиками, в то время как подобных

ситуаций с кыргызами таджики не отметили совсем. Это также объясняется тем, что 60% кыргызов считают себя непохожими на таджиков и 40% таджиков отмечают серьезные этнокультурные границы между собой и кыргызами.

Таким образом, в совокупности все это вновь свидетельствует о сложностях во взаимоотношениях центрально-азиатских диаспор с местным населением: русскими и татарами, внутри группы центрально-азиатских диаспор. Казахи, узбеки и туркмены отметили намеренную дистанцированность от кыргызов и таджиков, так как именно кыргызская, в меньшей степени таджикская диаспора, были негативно оценены прочими диаспорами как наиболее конфликтные и непохожие на них.

Частота возникновения межэтнических конфликтов с русскими и татарами снизилась по сравнению с противоречиями и спорами. Кыргызская диаспора была оценена прочими диаспорами как наиболее конфликтная. А туркменская и казахская диаспоры – как наименее конфликтные. Несмотря на это, межэтнические конфликты с русскими наиболее часто возникали именно у туркменской диаспоры, в то время как наименьшее количество конфликтов с русскими возникало у наиболее конфликтной, по мнению многих интервьюированных, кыргызской диаспоры. Частота возникновения конфликтных ситуаций с татарами оказалась ниже, чем спорных ситуаций.

В ходе исследования было выявлено, что наиболее часто помимо русских и татар, межэтнические конфликты возникали между узбеками и кыргызами, узбеками и таджиками, а также между кыргызами и казахами. И если, частота взаимных обвинений в межэтнической конфликтности у кыргызов и казахов, узбеков и таджиков примерно совпадает, то у кыргызов и узбеков она существенно разнится. Так, 16% узбеков ответили, что участвовали в межэтническом конфликте на территории РТ с кыргызами, 6% кыргызов подтвердили их слова. Это, в свою очередь, также объясняется во многом тем, что 56 % узбеков считают себя не похожими на кыргызов, только 12% кыргызов признают факт их этнокультурных различий. Иначе говоря, выявленная степень конфликтности кыргызской диаспоры связана с оценкой, данной прочими

центрально-азиатскими диаспорами, которая, в свою очередь, оказывается субъективной, не выдерживающей перекрестной проверки ответами самой кыргызской диаспоры.

Общая этносоциальная дистанцированность центрально-азиатских диаспор находится на уровне, достаточном для поддержания этнокультурной самобытности и приемлемым для культур традиционалистского типа в целом. У каждой из диаспор уровень данного показателя различен. Согласно результатам исследования, наиболее открытой к межэтническому взаимодействию оказалась казахская диаспора Татарстана, наименее – туркменская диаспора. Здесь следует отметить, что колебания в ответах различных диаспор не столь выражены, поэтому данное разделение центрально-азиатских диаспор на открытых и закрытых – относительно. Можно заключить, что ярко выраженная этносоциальная дистанцированность центрально-азиатским диаспорам не присуща: ввиду своей открытости, готовности к межнациональному взаимодействию, реальному участию в межкультурных коммуникациях, удовлетворенности условиями проживания в Татарстане, исследуемые диаспоры не проявляют стремления дистанцироваться от других этнокультурных групп, проживающих в республике.

По мнению диссертанта, это позитивно сказывается на их этнической идентичности. Становления негативной этнической идентичности или «кризиса идентичности» в целом не происходит. Чем более выражено у диаспоры ощущение дистанцированности и собственной отчужденности, тем более закрытой она является. Этническая идентичность таких групп и индивидов способна приобрести черты изоляционизма или конфликтности. И наоборот, чем более открыта диаспора, тем активнее она проявляет себя в межкультурных коммуникациях, а этническая идентичность этой группы формируется по позитивному пути, так как чувства «чуждости» и предубеждений как о своей, так и об иной культурах не возникает. Чем меньше этносоциальная дистанция между взаимодействующими этническими группами (в данном случае, между

принимающим сообществом и диаспорами), тем успешнее будут проходить процессы их этнической идентификации.

Сложность взаимоотношений центрально-азиатских диаспор с местным населением следует рассмотреть, по мнению диссертанта, несколько более подробно, так как именно это свидетельствует о наличии «неровностей» и проблем в этнополитическом пространстве республики Татарстан. Официальный дискурс в отношении иноэтничных групп смещен на вопросы трудовой миграции, на соответствующие темы выступают представители региональной власти (подробнее данный вопрос рассмотрен в 3 Главе настоящего исследования): о противодействии нелегальной миграции, о криминогенной ситуации, связанной с мигрантами, и, наконец, о конфликтах с участием иностранных граждан.

Диссертант проанализировал дополнительные источники, задавшись целью выявить статистику и характер преступлений, конфликтных ситуаций с участием центрально-азиатских диаспор на территории Республики Татарстан (опубликованные данные и отчетность с официальных сайтов МВД РТ, УФМС по РТ). Следует отметить, что предлагаемая общественности статистика носит обобщенный характер и касается совокупности иностранных граждан (без распределения по этническим или национальным признакам). Например, согласно отчету УФМС РТ о результатах деятельности за начало 2014 г.¹, количество совершенных иностранными гражданами преступлений, уменьшилось по сравнению с предыдущими годами, разница, например, с ситуацией за 2013 г. составила 24,6%. Основную долю (281 эпизодов) совершили граждане государств-участников СНГ.

Из отчета МВД РТ: «По итогам двух месяцев 2014 года эта цифра составила 30 фактов. Не менее актуальны и вопросы безопасности самих иностранных граждан: в минувшем году зарегистрировано 236 преступлений, совершенных в

¹ См.: Основные показатели деятельности УФМС России по Республике Татарстан. Статистические данные. Управление миграционной службы по Республике Татарстан [Электронный ресурс] // Официальный портал Управления миграционной службы по Республике Татарстан. URL: <http://ufms.tatarstan.ru/rus/statistika.htm> (дата обращения 20.04.2014).

отношении них»¹. По словам Главы МВД по РТ Артема Хохорина, число преступлений, совершенных иностранными гражданами, не превышает 0,9% от общего числа: «Говорить, что Татарстан имеет большие проблемы, а миграционный поток оказывает решающее влияние на криминальную обстановку неправильно. Ситуация достаточно контролируемая»². Классификация совершенных преступлений включает имущественные преступления – кражи, мошенничества, грабежи, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, преступления против жизни и здоровья – убийства, угрозы убийством, нанесение побоев, причинение разной степени вреда здоровью, а также подделка документов. В Татарстан вместе с мигрантами привносятся чуждые радикальные идеи и взгляды, проникают представители экстремистских организаций³. В республике заведено более полусотни дел по обвинению в экстремизме и терроризме⁴.

Президент Республики Рустам Минниханов подчеркивает, что «преступных мигрантов в Татарстане быть не должно» и официальная позиция нацелена на поддержку образовательных, трудовых (профессиональных) и адаптационных инициатив законопослушных иностранных граждан⁵, что коррелируется с результатами диссертационного исследования, показавшими стремление к повышению образования и социального статуса у центрально-азиатских диаспор. Вместе с тем, по мнению заместителя начальника управления Генеральной прокуратуры РФ в ПФО

¹ См.: Профилактика правонарушений в миграционной сфере и борьба с нелегальной миграцией. Министерство внутренних дел по Республике Татарстан интеграции [Электронный ресурс] // Официальный портал Министерства внутренних дел по Республики Татарстан URL: <http://mvd.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/283437.htm> (дата обращения 20.04.2014).

² Артем Хохорин. Мы не можем не шагать в ногу со временем [Электронный ресурс] // Известия Татарстана. URL: <http://www.tatarnews.ru/articles/7329> (дата обращения 20.04.2014).

³ Треть жителей Татарстана негативно настроена к мигрантам [Электронный ресурс] // Информационный портал РБК-Татарстан. URL: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/25/02/2014/907056.shtml (дата обращения 20.04.2014).

⁴ См.: Решение непростой проблемы мигрантам [Электронный ресурс] // Телерадиокомпания «Россия»- Татарстан. URL: <http://trt-tv.ru/events-week/reshenie-neprostoj-problemy/> (дата обращения 20.04.2014).

⁵ Рустам Минниханов: Преступных мигрантов в Татарстане быть не должно мигрантам [Электронный ресурс] // Портал правительства Республики Татарстан. URL: <https://prav.tatar.ru/rus/index.htm/news/252178.htm> (дата обращения 20.04.2014).

Александра Корсунова «работа по пресечению нарушений миграционного законодательства отличается низкой результативностью и формирует у мигрантов чувство безнаказанности и способствует росту преступлений»¹.

По словам заместителя руководителя департамента президента РТ по вопросам внутренней политики Александра Терентьева низкий, по сравнению с общим криминальным фоном, уровень преступности, таковым россиянам не кажется из-за политизации подобных конфликтов: «В многонациональном государстве по-другому быть не может. Другое дело, включаются эти индикаторы или не включаются. Когда происходят резонансные происшествия, в которых задействованы люди другой внешности, не местные, часто эти индикаторы включаются. Когда татарин русского, русский татарина «прищемил», то здесь о национальности никто не вспомнит. Если это чеченец, дагестанец, тут же включаются эти маркеры, и уходят в публичную сферу. Поэтому такая информация на слуху, и нам кажется, что иностранцы совершают много преступлений. Да, с точки зрения поведения – часто оно вызывающее. Да, они импульсивные, другие по менталитету, ведут себя по-другому. Но, если говорить о преступности, то это не те цифры, которые бытуют у населения <...> Сейчас на лицо политизация этого момента – какие оценки даются в социальных сетях по России, даже не в республике Татарстан. Нельзя обществу скатываться в крайние оценки, политизироваться в национальных вопросах», - считает Терентьев².

Научная общественность республики также фокусирует свое внимание на проблемах центрально-азиатских диаспор в Татарстане, взаимодействия его с местным населением, региональными институтами власти. Так, например, Л.В. Сагитова выделила проблемы взаимодействия диаспор, образуемых мигрантами, и региональными властными структурами МВД, ФМС. Политизация и обострение этнических индикаторов в этнополитическом пространстве республики происходит в зонах столкновения «разнонаправленных дискурсов:

¹ Миграция под контролем Телерадиокомпания «Россия»- Татарстан. URL: <http://trt-tv.ru/news/migraciya-pod-kontrolem/> (дата обращения 20.04.2014).

² Наши импульсивные мигранты. Татцентр. URL: <http://info.tatcenter.ru/article/132756/> (дата обращения 20.04.2014).

дискурса дружбы народов, утверждающий бережное отношение ко всем этническим культурам и их носителям на территории республики, и новой российской миграционной политикой с дискурсом жесткого контроля»¹. На различных уровнях институционального взаимодействия мигрантов с принимающим обществом, исследованных Л.В. Сагитовой, складываются отдельные тенденции регионального политического процесса:

1) выстраивание межкультурных коммуникаций, всяческое развитие и популяризация межэтнического диалога обуславливается сложившейся практикой управления, характерной для политической элиты республики;

2) налаживание практик этнополитического коммуницирования нередко происходит через деятельность культурных институтов (Ассамблея народов Татарстана, национально-культурные автономии, специализированные общественные организации и т.д.) и лидеров этнических общин;

3) на изменение этносоциального пространства республики, происходящее в результате миграционных процессов, воздействует внутригрупповая дифференциация мигрантов;

4) все это влияет на складывающуюся картину отношений мигрантов с властными (в данном случае, с правоохранительными) органами, в рамках которой выделяются верхний, средний и нижний уровни взаимодействия:

а) верхний уровень связан с деятельностью Координационного совета: механизмы взаимодействия отлажены, национально-культурные автономии активно представляют и защищают интересы своих этногрупп и отмечают позитивную динамику во взаимоотношениях с государственными институтами;

б) средний уровень отслеживается в практиках взаимодействия лидеров этнических общин и чиновников «среднего звена»: каналы взаимодействия налажены частично, представлены формами письменных и устных обращений,

¹ См.: Сагитова Л.В. Дом дружбы народов, трудовые мигранты и адаптационная политика Татарстана // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. науч. ст. к юбилею Л.М. Дробижевой/ под ред. Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой и др. Казань, 2013. С. 124.

переговоров, однако, характеризуются Л.В. Сагитовой как частично эффективные или даже формальные;

в) нижний уровень представлен практиками взаимодействия рядового состава МВД и самих мигрантов: сложились типы нейтрального, взаимовыгодного и пренебрежительного отношения к мигрантским группам. Исследователь отмечает, что рядовые служащие правоохранительных органов на нижнем уровне используют практики контроля и санкций, «мигрантам имплицитно приписывается склонность к преступлениям <...> На низовом уровне пока не сложились механизмы гражданского взаимодействия <...> по отношению к мигрантам воспроизводится отношение как к гражданам второго сорта <...> Нарративы интервью свидетельствуют об отсутствии интенции к позитивному взаимодействию, стремления понять и найти общий язык»¹.

Л.В. Сагитова заключает, что миграционные процессы значительным образом изменили социокультурный и политический ландшафт Татарстана, и на данный момент не на всех уровнях региональной власти сложились эффективные практики коммуницирования с трудовыми мигрантами и образуемыми ими диаспорами. Особенно четко это прослеживается на нижнем уровне «мигрант-принимающее сообщество», то есть фактически на уровне повседневности и связывается диссертантом с распространенностью этнических стереотипов и частично решается путем развития черт межкультурной компетентности и формирования позитивного образа диаспор в информационно-политическом пространстве принимающего сообщества.

Формирование позитивной этнической идентичности центрально-азиатских диаспор имеет огромное значение в преодолении негативных ее свойств и тенденций к актуализации, политизации и конфликтогенности, а также в достижении этнополитического согласия в Республике Татарстан в целом. Решением проблемы обеспечения бесконфликтного взаимодействия с участием

¹ См.: Сагитова Л.В. Дом дружбы народов, трудовые мигранты и адаптационная политика Татарстана // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. науч. ст. к юбилею Л.М. Дробижевой/ под ред. Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой и др. Казань, 2013. С. 124.-136.

центрально-азиатских диаспор диссертант называет развитие черт межкультурной компетентности как у самих диаспор, так и у других участников этого взаимодействия.

Современный исследователь теории межкультурной коммуникации А.П. Садохин понимает межкультурную компетентность как «совокупность знаний, умений и навыков, с помощью которых субъект коммуникации получает способность эффективно взаимодействовать с представителями чужих культур»¹. По мнению ученого, межкультурная компетентность как часть коммуникативной компетентности формируется в результате процесса межкультурной коммуникации, вызванного интенсивным взаимодействием культур и порожденным процессом глобализации. Содержание межкультурной компетентности, считает А.П. Садохин, помимо языковых знаний, включает также общие и конкретные знания о ситуации общения, знание социальных и культурных норм, знание о партнерах по коммуникации и т.д.². Межкультурная компетентность предполагает обязательное наличие широкого круга социокультурных знаний, обеспечивающих положительное отношение к языку и культуре других народов, осознание ценностей своей и иной культуры, сходств и различий между ними; а также способность участников эффективно включаться в диалог культур³. Наиболее успешной стратегией достижения этнополитической консолидации является интеграция – сохранение собственной культурной идентичности наряду с овладением культурой других народов.

По мнению другого исследователя, Д. Мацумото, межкультурная компетентность это – общая способность жить, работать и отдыхать в условиях межкультурных и кросскультурных различий, существующих в повседневной жизни⁴.

¹ Садохин А.П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования / А.П. Садохин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 1. С. 125.

² См.: Садохин А.П. Межкультурная компетентность ... С. 132.

³ См.: Садохин А.П. Межкультурная компетентность ... С. 135.

⁴ См.: Мацумото Д. Психология и культура. Современные исследования. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 310.

Ряд исследователей выделяют другие важные понятия теории межкультурной коммуникации, например «этнокультурная компетентность», «поликультурная компетентность». Этнокультурная компетентность понимается как знания о родной культуре. Уровни этнокультурной компетентности личности можно дифференцировать как низкий, средний и высокий уровни ¹. Поликультурная компетентность – как интегративное качество индивида, включающее систему поликультурных знаний, умений, навыков, интересов, потребностей, мотивов, ценностей, поликультурных качеств, опыта, социальных норм и правил поведения, необходимых для повседневной жизни и деятельности в поликультурном обществе, реализующееся в способности решать задачи профессиональной деятельности в ходе позитивного взаимодействия с представителями разных культур ², что фактически является синонимом межкультурной компетентности. Развитая межкультурная компетентность, по мнению диссертанта, неразрывно связана с успешностью социокультурной адаптацией иноэтничных групп.

Межкультурная компетентность ЦАД РТ рассматривается как в равной степени компетентность в «своей» и «чужой» культурах, достаточной для эффективного взаимодействия, предполагающего диалог и взаимное обогащение культур. Данный вид компетентности исследуется в настоящей работе через анализ выявленных форм межкультурных взаимодействий с участием интервьюированных, критериев выбора их партнеров по коммуникации и языков общения с ними, а также общего уровня собственной этнокультурной идентичности. Компетентность в «своей» культуре анализируется через выявленные уровни знаний представителей ЦАД РТ о собственных традициях, истории и культуре.

¹ См.: Этнотолерантность подростка. Воспитание в семье и школе. Словарь. СПб., 2007. С. 300-301.

² См.: Новикова О.С. Межкультурная компетентность в глобализирующемся мире Татарстана [Электронный ресурс] // Международное философско-космологическое общество. URL: <http://www.bazaluk.com/conference/193/comments.html> (дата обращения: 14.07.2011).

Согласно результатам исследования, большинство опрошенных представителей центрально-азиатских диаспор Татарстана обладают этнокультурной компетентностью с уровнем выше среднего (см. Приложение 3, Таблица 26). Было выявлено, что уровни этнокультурной компетентности диаспор при этом неодинаковы. Так, в истории родного народа наиболее осведомлены туркменская и таджикская диаспоры. За ними следуют кыргызская, узбекская и казахская диаспоры.

О собственных традициях и культуре представители различных центрально-азиатских диаспор также информированы в различной степени. Однако уровень этнокультурной компетентности ЦАД РТ в данном вопросе по-прежнему остался на уровне выше среднего. Наиболее компетентными в знании родной культуры и национальных традиций оказались представители узбекской и таджикской диаспоры. Далее оказались кыргызская, туркменская и казахская диаспоры (см. Приложение 3, Таблица 27). В целом компетентность в национальной культуре и традициях выше, чем осведомленность об истории родного народа. Этнокультурная компетентность ЦАД РТ дополняется языковой компетентностью. Частота употребления национального, русского и татарского языков как основных языков общения данных диаспор очень высока и в среднем составляет 94%, 92% и 37,5% соответственно (см. Приложение 3, Таблица 58).

Готовность ЦАД РТ к межэтническим взаимодействиям, помимо межнациональной дружбы, неодинакова в каждой из диаспор и зависит от конкретного вида взаимодействия: от отношений приязни до межнационального брака (см. Таблица 7). Так, в ходе исследования, было выявлено, что центрально-азиатские диаспоры наиболее положительно относятся к межнациональной дружбе, отношениям партнерства и совместной работе. При этом наиболее предпочтительным вариантом межэтнического взаимодействия в профессиональной сфере для членов ЦАД будет тот, при котором человек другой национальности будет их начальником, чем подчиненным (однако, стоит заметить, разница не столь существенна). Следует заметить, что готовность членов центрально-азиатских диаспор к межнациональной дружбе

подтверждается их реальным поведением: большинство из них имеют друзей других национальностей, прежде всего, среди татар и русских (см. Приложение 3, Таблица 40). Интервьюированные также отметили, что к межнациональному браку со своим участием относятся с большей готовностью и пониманием, чем к такому браку с участием их детей.

Представители казахской диаспоры проявили наибольшую готовность к межнациональным взаимодействиям различного рода (см. Приложение 3, Таблица 41). Готовность кыргызской диаспоры к межнациональным взаимодействиям ниже, чем у казахской диаспоры (см. Приложение 3, Таблица 42). У представителей узбекской диаспоры этот показатель ниже, чем в казахской и кыргызской диаспорах (см. Приложение 3, Таблица 43). Готовность таджикской диаспоры к данным видам взаимодействий выше, чем в узбекской диаспоре, но ниже, чем в казахской и кыргызской диаспорах (см. Приложение 3, Таблица 44). Представители туркменской диаспоры проявили наиболее высокую, после казахской диаспоры, готовность к различным видам межнациональных контактов (см. Приложение 3, Таблица 45).

ЦАД Татарстана обладают достаточно высоким уровнем межкультурной и поликультурной компетентности. Действуя в условиях иной этнокультурной среды, данные диаспоры проявляют высокий уровень этнокультурной компетентности (как уровня знаний о собственных традициях, истории и культуре), языковой компетентности (как частоты и многообразия сфер использования различных языков, в частности родного, русского и татарского), а также характеризуются своей расположенностью к межкультурным взаимодействиям (в том числе таких глубинных форм, как межэтнический брак). Качественный уровень межкультурной компетентности позволяет, по мнению диссертанта, одинаково успешно участвовать как в процессах межкультурной коммуникации, так и собственной социокультурной адаптации по оптимальной модели интеграции, предполагающей сохранение их этнической идентичности.

Таким образом, центрально-азиатские диаспоры Татарстана обладают этнической идентичностью с такими характеристиками как: устойчивость,

позитивность самовосприятия образа этнической самоидентичности, значимость собственной этнонациональной принадлежности, традиционализм, участие в межэтнических коммуникациях, отсутствие дистанцированности от других этносоциальных групп и значительных этнических границ, их разделяющих.

Однако в ответах на прямые вопросы о возможных действиях в конфликтных ситуациях были выявлены негативные черты этнической идентичности центрально-азиатских диаспор. В ситуациях массовых споров или конфликтов на тему межнациональных отношений, члены центрально-азиатских диаспор проявили большую готовность участия, чем в спорах или конфликтах, возникших с конкретным человеком. Проявился некий анонимный характер конфликтности данных диаспор. У исследуемых этнических групп была выявлена потенциальная конфликтность, способная ситуативно проявляться в форме готовности или неготовности диаспоры вступить в межнациональный конфликт в зависимости от конкретных обстоятельств.

Была обнаружена тесная взаимосвязь этнической идентичности (и ее составляющих) и представлений об этнических границах с потенциальной конфликтностью диаспор. Выявлена тесная взаимосвязь между национальными и культурно-языковыми границами, а с другой стороны, выявляется субъективный компонент в оценивании как «чужой», так и своей конфликтности. Для разрешения проблем межнациональных конфликтов и снятия остроты конфликтности диаспор необходимо развитие навыков межкультурного общения у центрально-азиатских диаспор, расширение сети межэтнических коммуникаций с их участием.

Диссертант обобщает, что основными факторами формирования негативной, в том числе конфликтной, этнической идентичности центрально-азиатских диаспор являются этнические границы, социальная дистанция и культурные различия, а также образные представления диаспор об этнических границах, способные перерасти в реальные барьеры в межэтническом общении. Этнические границы и представления о них, соответствующие им формы межэтнического

взаимодействия и формирующаяся в результате этническая идентичность, тесно связаны и представляют собой сложную и динамическую систему.

Главным инструментом преодоления негативной этнической идентичности, формируемой под действием этнокультурных границ и этносоциальных дистанций, является развитие у диаспор качеств языковой компетентности в русском и татарском языках. Эффективным методом профилактики конфликтов в межэтническом взаимодействии является формирование у всех участников коммуникации навыков межкультурной компетентности, предполагающих не только знания о «своей» и «чужой» культурах, но и включающей в себя осведомленность о диапазоне возможных стратегий поведения в конфликте и умения адекватно реализовывать эти стратегии в конкретной жизненной ситуации.

Результаты исследования показали важность этнического фактора в политических процессах. Современные диаспоры, действуя в условиях этнополитического пространства принимающего сообщества и являясь активным участником межэтнического взаимодействия (в различных формах), способны менять конфигурации этнополитического пространства, используя при этом ресурсы собственной этнической идентичности. Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор имеет свойство к актуализации и политизации в условиях этнополитического несогласия (в различных формах), следовательно, одновременно несет в себе, с одной стороны, угрозу национальной дезинтеграции и, с другой стороны, потенциал этнокультурной солидарности с принимающим сообществом через формирование гражданской идентичности.

Таким образом, политизация этнической идентичности как процесс обусловлен потребностями этнокультурного развития и политического участия ее носителей, например, в формах этнической солидарности и обеспечения групповых интересов в органах власти на местах. При этом политизация этнической идентичности не влияет на социальную дистанцию в отношении людей иной национальности в масштабах гражданского общения. Это социальная дистанция, наряду с этническими границами и взаимными стереотипами, влияют на реализацию конфликтогенного потенциала диаспоры, что в свою очередь

способно стать питательной почвой для актуализации притязаний конфликтующих этнических групп на право регулирования этих процессов.

Социально-политические процессы в республике, по мнению центрально-азиатских диаспор, характеризуются направленностью на достижение этнополитического согласия, степень эффективности применяемой в республике национальной политики оценивается выше, чем в среднем по России.

Взаимодействие центрально-азиатских диаспор с принимающим сообществом гармонизируется выявленным достаточным уровнем межкультурной компетентности. Коммуникация же с властными структурами происходит в основном по каналам миграционного и правоохранительного контроля над исследуемыми этногруппами, а также через формы этнополитического представительства – национально-культурной автономии.

Специфическими факторами, влияющими на политизацию этнической идентичности центрально-азиатских диаспор, и присущими этнополитическому пространству Татарстана, являются, во-первых, представления об этнических границах, во-вторых, ощущаемые социальные дистанции, в-третьих, существующий в массовом сознании принимающего сообщества стереотип о реальной политизированности мотивов действий, осуществляемых центрально-азиатскими диаспорами. Все факторы сконструированы либо в сознании самих центрально-азиатских диаспор, либо местного населения, а потому поддаются управлению, фактически – переконструированию. В этом диссертант видит и большие возможности для дальнейшей общегражданской консолидации через преодоление этих факторов, либо конструировании общественной мысли об их реальной незначительности, а также большую опасность, связанную с возможной неудачей опыта подобного переконструирования.

ГЛАВА 3. ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО- АЗИАТСКИХ ДИАСПОР В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Заключительная глава диссертационного исследования посвящена поиску адекватной модели политического управления этнической идентичностью на региональном уровне. Рассматриваются различные структурные элементы механизма формирования позитивной этнической идентичности политическими, нормативно-правовыми, информационно-коммуникативными, этнокультурными, социально-психологическими средствами. Позитивная этническая идентичность диаспоры рассматривается в контексте формирования на ее базе гражданского самосознания и общенациональной консолидации.

3.1. Роль регионального информационно-политического пространства в конструировании этнической идентичности центрально-азиатских диаспор

В данной части диссертационного исследования автор анализирует влияние и меру воздействия информационно-политического пространства и официального дискурса на становление этнической идентичности диаспоры. Центрально-азиатские диаспоры рассматриваются с точки зрения используемых ими ресурсов политической и информационной коммуникации.

На нынешнем этапе развития общества все более важную роль в гармонизации межнациональных отношений в современной России становится информационно-политическое пространство. Информационно-политическое пространство – это область интересов и взаимодействия политических субъектов в отношении власти и ее осуществления. Формообразующим фактором, влияющим на его внутреннюю среду и постоянно находящимся во

взаимодействии с ней, определяющим ее форму и условия функционирования, становятся средства массовой коммуникации¹. Информационное обеспечение оптимизации этнополитического взаимодействия, осуществляемое через средства массовой информации², и пропагандируемая ими позитивная этничность, способны стать практической платформой для дальнейшего общественного развития страны, углубить поддержку гражданами ценностей и норм, что позволит им взаимодействовать на равной и взаимовыгодной основе³. В связи с этим, этническая идентичность нуждается в постоянной информационно-коммуникативной поддержке⁴.

Для Татарстана особо значимы проблемы мигрантов из стран Центральной Азии, вопросы их социальной и культурной адаптации, интеграции в полиэтническое население республики. Эти темы затрагиваются в газетах, издающихся в Татарстане, среди которых, например, «Республика Татарстан», «Татарская деловая газета», «Известия Татарстана», «Вечерняя Казань», а также в новостной ленте информационного Интернет-сайта Tatcenter.ru. Указанные общественно-политические периодические издания стали объектом дополнительного исследования диссертанта. Выбор в пользу данных источников обусловлен многообразием поднимаемых ими социальных и общественно-политических вопросов о жизни республики; наличием печатной и виртуальной форм издания; широтой читательской аудитории, но, прежде всего, наличием интереса к центрально-азиатским диаспорам и их жизнедеятельности на территории республики. Материалы, отобранные для контент-анализа, были напечатаны на русском языке.

¹ См.: Раскладкина М.К. Интернет как средство организации информационно-политического пространства России: дис.... канд. полит. наук. СПб., 2006. С.11

² См.: Поликанова Т.В. Информационное обеспечение оптимизации межнациональных отношений в Российской Федерации: дис. ... канд.полит. наук. М., 2007. С. 15-16.

³ См.: Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н. Идентификационные процессы у русских и татар Татарстана в 1990-2000-х гг.: коллективные представления и конструктивистская роль элит. Этнологические исследования в Татарстане /под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Р.К. Уразмановой. Выпуск VI. Казань, 2012. С. 183-184.

⁴ См.: Ижаев А.Н. Информационно-политическая и этническая идентичность в пространстве массовой коммуникации: автореф. дис.... канд. полит. наук. М., 2007. С. 14.

Посредством контент-анализа был изучен характер передаваемой республиканскими СМИ этнической информации на тему центрально-азиатских диаспор в Татарстане. Диссертантом были проанализированы выпуски данных газет за период с 2001 г. по настоящее время (2013 г.). Контент-анализ был условно разделен на две части: первая – посвящена исследованию общественного мнения (печатные источники), вторая – направлена на изучение позиций представителей власти (портал).

Проведенный контент-анализ печатных СМИ современного Татарстана позволил выявить общее количество статей и сообщений на тему центрально-азиатских диаспор за последние десять лет. Так, общий процент статей в основных газетах РТ составил весомые 19% (см. Приложение 6, таблица 1), что свидетельствует о значимости исследуемой проблематики в этно-информационном поле республики. Наибольшее внимание к центрально-азиатским диаспорам зафиксировано в газетах «Вечерняя Казань» и «Известия Татарстана» (18%). Эти же издания отличились тем, что этническая информация, передаваемая в них, окрашена неодинаково: статьи о центрально-азиатских диаспорах написаны в разной степени толерантности/интолерантности. Например, в ходе исследования «Вечерней Казани» не было выявлено статей с толерантным языком передачи этнической информации (см. Приложение 6, Таблица 2), при этом количество нейтральных и интолерантных статей в ней оказалось равным. Наибольшее количество толерантных статей найдено на страницах «Известий Татарстана».

Разные центрально-азиатские диаспоры (казахская, узбекская и т.д.) с неодинаковой частотой упоминаются в печатных изданиях РТ (см. Приложение 6, таблица 3). Наиболее часто упоминаемой диаспорой оказалась туркменская, однако в 92% случаев подобных упоминаний зафиксированы в одной газете – «Известиях Татарстана». Наряду с этим, в данном издании также часто встречаются нейтрально окрашенные выражения «тюрки», «выходцы из Средней/Центральной Азии». Издания аналитического характера отличились выбором максимально нейтральных выражений. Общий объем толерантных

статей о центрально-азиатских диаспорах достиг 50%, интолерантных – 33%, нейтральных – 17%.

Более широкий разброс упоминаний в различных газетах выявлен относительно таджикской и узбекской диаспор. Относительно данных диаспор в информационном пространстве РТ сложилась следующая ситуация. Данные этнические группы имеют устойчивую репутацию «мигрантских», ее используют издания, нацеленные как на массовую аудиторию («Вечерняя Казань»), так и аналитические издания («Известия Татарстана»). В этих газетах наиболее часто встречались слова «узбеки», «таджики», «мигранты», «иностранцы», а также зафиксированы выражения «беженцы» и «инородцы». При обнаруженных случаях интолерантного изложения этнической информации в газетах «Вечерняя Казань» и «Известия Татарстана», данное обстоятельство представляется тревожным.

В исследованной совокупности этнической информации на тему центрально-азиатских диаспор Татарстана основное внимание массовых печатных изданий посвящено проблемам «мигрантов», вопросам иноэтничности, взаимодействия иноэтничности и власти. В целом тематика сообщений о жизни центрально-азиатских диаспор в Татарстане широка и не ограничивается вопросами миграции и иностранной рабочей силы.

Проблемы внешней миграции из стран Центрально-Азиатского региона и жизни мигрантов в Татарстане представляются очень важными в информационно-политическом пространстве республики, что нашло подтверждение в исследовании: статьи о мигрантах из стран Центральной Азии отмечены в 24% проанализированных статей (см. Приложение 6, Схема 1). Указанный процент этнической информации включает как позитивно, так и негативно окрашенные сообщения. Выявлено, что статьи затрагивают такие этнические темы, как межэтническая напряженность в странах исхода центрально-азиатских диаспор (в странах Центрально-Азиатского региона), неприязнь к «инородцам» и критика существующей «дружбы народов» в Татарстане (выявлено по одному упоминанию).

Вопросы иноэтничности также были подняты в татарстанских СМИ: рассматривались проблемы языкового барьера между иноэтничными мигрантами и принимающим обществом; плюсы и минусы межэтнических браков; проблемы трудовых мигрантов и депортации «нелегалов». Следует отметить, что данные статьи не несут негативной окраски. Отрицательные высказывания в татарстанских СМИ были обнаружены только в 3-х статьях из 64-х.

В то же время отмечены обсуждения вопросов формирования гражданского общества с равными правами для всех этносов, гармонизации межэтнической обстановки; положительных результатов съездов народов республики; Концепции национальной политики Татарстана, что в свою очередь, по мнению диссертанта, являются позитивными проявлениями взаимодействия этничности и власти на страницах республиканских газет.

Основная масса этнической информации носит положительный характер и «посыл» СМИ к своим читателям можно заключить в формулу «Казань – город толерантности» или девиз «Казань – столица Универсиады-2013». Общий фон в целом может быть охарактеризован как положительный, 50% от общего числа статей на тему центрально-азиатских диаспор в Татарстане посвящено различным этнокультурным праздникам, фестивалям и концертам (см. Приложение 6, Схема 1).

Параллельно поднимаемая в этих статьях тематика деятельности различных этнонациональных объединений (здесь: центрально-азиатских национально-культурных автономий) занимает еще 16%. Сотрудничество Татарстана со странами Центральной Азии, так или иначе, затронуто в 41% статей. Согласно данным контент-анализа, титульные народы и иноэтнические группы республики активно взаимодействуют друг с другом, причем это взаимодействие носит позитивный характер.

В последние два года представление центрально-азиатских диаспор в информационном пространстве Татарстана несколько расширилось за счет телевидения и интернета. На местном телеканале ТНВ были сняты сюжеты о культуре и жизни центрально-азиатских диаспор в Татарстане. В музыкальной

телепередаче таджикская¹ и кыргызская² диаспоры продемонстрировали творческие номера на национальную тематику. Силами казахской НКА Ассамблеи народов Татарстана был снят фильм о жизни казахстанцев в Казани³. Благодаря активной работе Молодежного отделения Ассамблеи⁴ и Совета иностранных студентов Казанского государственного энергетического университета была организована серия видеосюжетов «Пир на весь мир», повествующая о национальной кухне народов, проживающих в республике, где повара и ведущие – это студенты КГЭУ и других казанских вузов. Одними из первых в данном проекте приняли участие туркменская, таджикская и кыргызская диаспоры⁵. Видеопроект получил большую популярность среди молодежи центрально-азиатских диаспор Татарстана. Об этом свидетельствует одобрение и активное его обсуждение на страницах социальных сетей, например, молодежью туркменской⁶ и узбекской⁷ диаспор.

Важнейшим информационным проектом Ассамблеи является публикация журнала «Наш дом Татарстан» – периодическое разнонаправленное издание о жизни, культуре и проблемах народов, проживающих в Татарстане и деятельности национально-культурных автономий республики. На его страницах рассматриваются исторические, политические, социальные и культурные аспекты, затрагиваются проблемы мигрантов, проблемы образования, сохранения

¹ Таджикская народная песня [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстана. URL: <http://www.an-tat.ru/movies/2811/> (дата обращения 11.03.2013).

² См.: Гульзат Колобаева, «Маш ботой» [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстана. URL: <http://www.an-tat.ru/movies/2809> (дата обращения 11.03.2013).

³ См.: Фильм «Казахстан. Далекий и близкий» [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстана. URL: <http://www.an-tat.ru/movies/2752/> (дата обращения 11.03.2013).

⁴ См.: Молодежное крыло Ассамблеи народов Татарстана [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстана. URL: <http://www.an-tat.ru/molodezhnoe-krylo> (дата обращения 11.03.2013).

⁵ См.: Пир на весь мир [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/id11851441?w=wall11851441_827 (дата обращения 11.03.2013); Пир на весь мир [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/id11851441?w=wall11851441_798 (дата обращения 11.03.2013); Пир на весь мир [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/id11851441?w=wall11851441_760

⁶ См.: Туркмены в Казани [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: <http://vk.com/club44130778> (дата обращения 11.03.2013).

⁷ См.: Узбеки в Казани [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/uzbeki_v_kazani (дата обращения 11.03.2013).

национальных языков и традиций, развиваются идеи межнационального согласия, дружбы народов, укрепления культурных и парадипломатических связей между Татарстаном и странами исхода пребывающих в республике иноэтничных групп. Частично в журнале «Наш дом Татарстан» затронуты и проблемы центрально-азиатских диаспор республики: сохранение национальной культуры и языков, помощь в адаптации и советы по взаимодействию с государственными органами для мигрантов, информационные справки о взаимодействии Татарстана со странами Центрально-Азиатского региона.

Кроме журнала «Наш дом Татарстан», активную деятельность по содействию мигрантам проводит редакция газеты «Трудовой мигрант», издающаяся в Казани Фондом содействия трудовым мигрантам в Республике Татарстан¹. Как и журнал «Наш дом Татарстан», газета «Трудовой мигрант» отчасти касается проблем центрально-азиатских диаспор. Оба издания оказывают неоценимую помощь центрально-азиатским диаспорам в информировании, содействии в адаптации и сохранению этнокультурной самобытности. Позитивно настроенная этническая информация, содержащаяся на их страницах, способствует повышению информационной культуры центрально-азиатских диаспор. Посредством реализации своего гармонизационного потенциала этнические СМИ Татарстана формируют позитивные образы этнической и информационной идентичности исследуемых этногрупп.

Также воздействие информационно-политического пространства Республики Татарстан в области формирования позитивной этнической идентичности представителей центрально-азиатских диаспор Татарстана было изучено на примере официального дискурса. Одним из наиболее наглядных примеров в данном отношении являются информационные деловые порталы РТ Tatcenter.ru, Gazeta.su, Intertat.ru, публикации на которых стали объектом второй части контент-анализа, проведенного диссертантом. Были проанализированы официальные выступления представителей власти республиканского уровня,

¹ См.: Фонд содействия трудовым мигрантам в Республике Татарстан [Электронный ресурс] URL: <http://888999.ru/> (дата обращения: 26.05.2013).

соответствующие тематике диссертационного исследования. Основные смысловые блоки были сгруппированы и проиллюстрированы выдержками из этих выступлений.

В ходе анализа диссертант выявил, что идейные позиции органов государственной и муниципальной власти, общественных деятелей и экспертов, отражаемые в информационном пространстве республики носят официальный, обобщенный характер и сконцентрированы, прежде всего, на проблеме легальной и нелегальной трудовой миграции. Вопросы, связанные непосредственно с центрально-азиатскими диаспорами, их этнической и культурной идентификацией в условиях Татарстана, отдельно не обсуждаются. На первый план выходят миграционный фактор и его влияние на развитие экономики республики. Об этом свидетельствуют многочисленные выступления представителей власти на виртуальных страницах делового портала Республики Татарстан Tatcenter.ru:

– *«Татарстан становится экономически привлекательным регионом, в связи с этим поток иностранцев в республику увеличивается <...> В Татарстан в основном с целью трудоустройства едут граждане Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Казахстана и Кыргызстана»* – Начальник отдела миграционного учета иностранных граждан УФМС по РТ Анас Шарипов;

– *«По состоянию на 1 января 2013 года, в Татарстане количество иностранных граждан, постоянно и временно проживающих, составило 19 тысяч человек <...> в основном их главной целью становится устройство на работу»* – Заместитель министра внутренних дел по РТ – начальник полиции Рафаиль Гильманов;

– *«То, что сейчас привлекается трудовая сила – все страны через это проходили. И чем раньше выстраиваются отношения с армией трудящихся, тем проще избежать проблем в правовом плане и для предприятий, которые их принимают. На примере транспорта мы видим, что мигранты адаптируются, приезжают их семьи, дети ходят в детские сады. Работодатели, которые*

просят квоту на рабочую силу, должны нести полную ответственность за них»

- Начальник УВД Казани Валерий Красильников;

– *«думать, что это (трудовая миграция – TatCenter.ru) временно – не получится. Нужно выстроить с ними отношения и требовать соблюдения закона»* – мэр г. Казани Ильсур Метшин.

– *«... в настоящее время следует уделить большое внимание вопросам миграционной политики. Необходимо следить за тем, где живут мигранты, за тем, каких религиозных взглядов они придерживаются»* – Заместитель руководителя аппарата президента РТ, глава департамента президента РТ по вопросам внутренней политики, секретарь Совета Александр Терентьев.

– *«...ключевым вопросом остается профилактика экстремизма и терроризма, усиленного внимания требуют миграционные процессы»* – Президент Татарстана Рустам Минниханов.

Часть выступлений носит более жесткий характер и обращает внимание на сложность проблемы мигрантов:

– *«... ужесточить контроль за постановкой иностранных граждан на миграционный учет <...> сегодня к этому вопросу необходимо подключить местные власти, участковых уполномоченных, а также привлечь общественность»* – Президент Татарстана Рустам Минниханов;

– *«Надо замещать вакансии, закрывать потребности в рабочей силе в Татарстане за счет граждан, проживающих в республике и Российской Федерации. Иностранцев у нас не будет <...> И в этих условиях, когда у нас есть молодые ребята без работы, вы хотите трудовых мигрантов разводить?»* – первый вице-премьер РТ Равиль Муратов.

Отдельной темой выступает вопрос о нарушении миграционного законодательства. В данном информационном блоке представителям центрально-азиатских народов посвящено отдельное внимание, в частности:

– *«С начала 2013 года судебными приставами выдворено из Татарстана около 400 мигрантов, которые нарушили условия пребывания на территории РФ.*

Большинство прибывших в Татарстан – уроженцы Таджикистана, Узбекистана, Киргизии» – пресс-служба Управления ФССП России по Татарстану;

– *«Большинство нарушителей – граждане Узбекистана – почти 900 тыс., Украины – более 500 тыс., Таджикистана – 400 тысяч»* – глава ФМС Константин Ромодановский (о ситуации в России в целом - диссертант).

– *«... существенное снижение притока нелегалов было достигнуто благодаря хорошо скоординированной работе миграционных ведомств, правоохранительных органов и спецслужб государств-членов ОДКБ во время проведения спецоперации «Нелегал-2011»* – пресс-секретарь ОДКБ Владимир Зайнетдинов.

В рамках преодоления подобных нарушений и проблем мигрантов в целом, представители власти Республики Татарстан в своих речах предлагают варианты различного уровня: усиление взаимодействия со странами исхода мигрантов, укрепление сотрудничества органов власти с общественными и этническими организациями, проведение превентивных мер в рамках соблюдения миграционной политики, интеграция мигрантов в социально-культурную среду республики.

Проблеме позитивизации этнической идентичности «мигрантских» диаспор особое внимание уделяет Председатель Госсовета Республики Татарстан Фарид Мухаметшин:

– *«для решения межнационального вопроса нужно вести широкую пропагандистскую работу в различных институтах общества, в том числе в школе, в семье, в диаспорах, в объектах культа. Межнациональный мир, межконфессиональное согласие – это основа основ целостности и развития любого государства. Это тот вопрос, о котором много говорить не надо, им надо заниматься каждый день и очень много. Это особенно важно для такой многонациональной страны как Россия, как республика Татарстан»;*

– *«Руководители диаспор должны способствовать укреплению дружбы между народами России»;*

– «Центр должен поддерживать регионы в работе по сохранению родного языка в диаспорах»;

Позицию Ф. Мухаметшина разделяет и помощник полномочного представителя Президента РФ в ПФО Александр Пыков: *«Ассоциация национально-культурных объединений республики, опыт которой интересен в масштабах страны. Организация помогает адаптировать иностранных граждан и социально, и юридически <...> Чем больше муниципальных и гражданских объединений будет заниматься этой проблемой, тем успешнее она будет решаться».*

Информационный портал Tatcenter упомянул значимое событие: с 29 ноября по 1 декабря 2009 г. в г. Казани проходил Форум по взаимодействию национально-культурных автономий и органов государственной власти Российской Федерации. На Форуме выступили: Заместитель Министра регионального развития Российской Федерации М.А. Травников, представители Правительства Республики Татарстан, Директор Департамента межнациональных отношений Минрегиона России А.В. Журавский, Председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам национальностей В.А. Купцов, Представитель от национально-культурных автономий М.А.Членов, многие другие представители различных ветвей власти РФ и РТ, руководители и активисты национально-культурных автономий различного уровня и других национальных организаций – всего более 100 человек. В течение трех дней участники форума обсуждали пути решения проблем в национально-культурной и религиозной сферах общественной жизни: вопросы миграции, вопросы сохранения и развития национальных культур, вопросы профилактики и противодействия проявлениям экстремизма на национальной и конфессиональной почве.

Обсуждаемой теме уделили должное внимание не только татарстанские информационные агентства и издания, но различные общественные и этнокультурные информационные проекты: Официальный портал Республики Татарстан, Официальный сайт Госсовета РТ, Общественно-политическая газета

«Республика Татарстан», Электронная газета Республики Татарстан Intertat, Сайт г. Казани, Информационное агентство «Новости Федерации», Интерфакс Россия, Информационное агентство «Татар Информ», газета «Комсомольская правда» г. Казань, Сайт телерадиокомпании «Новый век», а также: Вестник Евроазиатского еврейского конгресса, Агентство еврейских новостей, Ассирийское национально-культурное обозрение «Бара» («Свет»), сайт ивановских татар¹. Данный интерес информационных агентов различного уровня говорит о том, что опыт Татарстана в области мирного сосуществования многонационального населения республики интересен и востребован в мире и активно используется другими регионами. Об этом свидетельствует тот факт, что представители республики ежегодно получают приглашения для участия в работе Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (англ. World Public Forum «Dialogue of Civilizations»)².

Официальный дискурс в отношении вопросов миграции в информационно-политическом пространстве республики затрагивает и аспекты международного сотрудничества Республики Татарстан со странами Центральной Азии по решению проблем, возникающих в данной сфере: создание условий для содействия легальной трудовой миграции, социальной и профессиональной адаптации мигрантов на местах и т.д.:

– *«Константин Ромодановский и начальник миграционной службы при правительстве Таджикистана Сафиало Девонаев сегодня подписали соглашение, облегчающее миграционный режим для прибывающих в РФ граждан Таджикистана»* – Tatcenter;

– *«Сегодня президент Татарстана Рустам Минниханов встретился с Генеральным консулом Республики Таджикистан в Уфе Садыком Имомовым. Участники встречи обсудили вопросы дальнейшего тесного сотрудничества, в*

¹ См.: СМИ о Форуме по взаимодействию национально-культурных автономий и органов государственной власти Российской Федерации (г. Казань) [Электронный ресурс] // Федеральная еврейская национально-культурная автономия. URL: fenkar.ru/assets/files/SMIoForumevKazani.doc (дата обращения 26.08.2013).

² См.: Официальный сайт Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wpfdc.org/> (дата обращения 26.08.2013).

том числе и в сфере трудовой миграции, сообщает пресс-служба президента РТ» – Tatcenter;

– «Созданные многофункциональные центры будут оказывать комплекс услуг и работодателям, и трудовым мигрантам. Также эти центры будут содействовать организованному подбору, подготовке и привлечению на работу в РФ граждан Таджикистана, в первую очередь в те регионы России, где есть проблемы с трудовыми ресурсами» – Рашид Нургалиев, заместитель секретаря Совета безопасности России;

– «Кыргызстан придает сотрудничеству с Татарстаном огромное значение. Сегодня мы договорились о подписании нового соглашения о сотрудничестве на 2009-2014 гг., об увеличении квоты трудовых иммигрантов из Кыргызстана в Татарстан, о проведении Дней культуры Кыргызстана в Татарстане и Татарстана в Кыргызстане» – Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики в РФ Раимкул Аттакуров.

Современный российский исследователь из Татарстана, специалист Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ, Г.И. Макарова, изучила особенности идентификации «по-татарстански», взяв за основу экспертные мнения представителей национально-культурных обществ республики. Макарова приводит цитаты из проведенных ею интервью (в контексте нашего исследования они представляют интерес): «В республике реализуются определенные меры по созданию возможностей культурного выражения различных этнических групп (как коренных, так и мигрантских)». А также: «Тут более продуманная политика, чем в России в целом, – комментирует ситуацию в республике один из региональных экспертов – представитель НКО, – и связана она с тем, что здесь ситуация сложнее. Сам по себе статус республики очень сложный <...> эти проблемы – они вызывают дополнительные стимулы, которые заставят обращать внимание именно на этнокультурные моменты». В то же время другой эксперт считает необходимым обратить внимание на формальный характер функционирующих в РТ НКО, которые мало что решают и не выражают в полной мере интересы этнокультурных сообществ.

Среди интервьюированных – руководителей НКО РТ были и те, кто высказал некоторые критические замечания в адрес проводившейся в регионе политики по отношению к так называемым этническим меньшинствам. В частности, отмечалось, что хотя в «Татарстане и был открыт Дом дружбы народов, материально поддерживающий деятельность национально-культурных мероприятий, этой поддержки не хватает на проведение серьезных мероприятий. Кроме того, на государственных теле- и радио- канальных ресурсах РТ почти не представлены национальные культуры не титульных народов республики»¹.

Анализируя различающиеся мнения экспертов, Г.И. Макарова подчеркивает, что с 2000 года в республике проводится осязаемая работа по поддержке и развитию этнокультурного многообразия. Однако, как считает ученый, о разрешении всех этнокультурных проблем, о превентивности региональной этнокультурной политики говорить еще рано. По мнению Г.И. Макаровой, на уровне властных элит республики, а также средств массовой информации чаще всего артикулировалось отсутствие в регионе серьезных проблем в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Причем сама политика многокультурности трактовалась как важнейшее условие социально-политического объединения народов и как гарант межэтнической стабильности в Татарстане. В то же время региональные эксперты в области культуры и этнокультурной политики – в первую очередь, руководители НКО и журналисты – отмечали в ходе проводившихся с ними интервью имеющие место случаи проявления интолерантности и ксенофобии, говорили о важности преодоления этнокультурных стереотипов местного населения по отношению к этническим мигрантам.

Некоторые шаги были сделаны по формированию и распространению идей этнополитического согласия в республике: например, в 2003 г. на телеканале ГТРК «Татарстан» появилась телепередача «Наедине со всеми». Создатели последней, информируя аудиторию о традициях народов, населяющих регион,

¹ Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации. Казань, 2010. С. 142.

в качестве основы своей идеологической стратегии выбрали распространение идей толерантности и веротерпимости. При Миграционной службе РТ, совместно с АНКО, был создан Общественно-консультативный совет, призванный, в том числе, способствовать решению проблем более успешной адаптации иноэтничных мигрантов. Целенаправленный план действий по укреплению межнациональной и межконфессиональной стабильности в регионе принят лишь в 2008 г., с утверждением Республиканской целевой программы по профилактике терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2009-2011 гг. (Постановление Кабинета министров РТ от 31 декабря 2008 г., №956)¹. Все это свидетельствует о том, что наряду с достигнутыми успехами в области проведения сбалансированной этнонациональной политики, возникают все новые проблемы, требующие своего разрешения.

Таким образом, по мнению центрально-азиатских диаспор, межэтнические отношения в республике характеризуются гармоничным развитием. В их поддержку выступают СМИ, свидетельствующие о конструктивном взаимодействии различных этнических групп с властями Татарстана посредством различных национально-культурных обществ и организаций. Позитивная этническая информация в СМИ – не показатель высокого уровня межэтнических отношений в регионе, а скорее результат работы соответствующих органов власти. По замечанию Т.В. Поликановой, информационное обеспечение оптимизации межнациональных отношений осуществляется главным образом через СМИ². Именно СМИ обладают реальным стабилизационным ресурсом воздействия на формирующуюся этническую идентичность и ее носителей.

Официальный дискурс в информационном пространстве республики носит обобщенный характер, и фокус внимания представителей власти РТ сосредоточен на проблеме трудовой миграции. Среди властных лиц Татарстана есть и сторонники жесткой позиции, как в отношении нелегальной миграции, так и

¹ См.: Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации. Казань, 2010. С. 228-229.

² См.: Поликанова Т.В. Информационное обеспечение оптимизации межнациональных отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 15-16.

самой идеи найма иностранной рабочей силы. В целом вся совокупность подобных выступлений может быть определена как поддержка политики многокультурности, закреплённой в Концепции национальной политики Республики Татарстан. Среди вариантов решения проблем мигрантов, столь остро обсуждавшихся на страницах официальных интернет-порталов республики, значатся такие, как: усиление взаимодействия со странами исхода мигрантов, укрепление сотрудничества органов власти с общественными и этническими организациями, проведение превентивных мер в рамках соблюдения миграционной политики, интеграция мигрантов в социально-культурную среду республики, создание условий для содействия легальной трудовой миграции, социальной и профессиональной адаптации мигрантов на местах и т.д.

Официальная позиция местных органов власти в отношении центрально-азиатских диаспор такова: конфликтность и криминогенность данных этнических групп находится на сегодняшний день на низком уровне, однако, в общественном сознании, а не в реальности, существует стремление к политизации всех фиксируемых случаев проявления конфликтности со стороны именно мигрантских, иноэтничных групп. Налицо диссонанс в восприятии степени политизации этнической идентичности диаспоры в Татарстане со стороны центрально-азиатских диаспор и принимающего населения. В реальное воплощение данная нестыковка не перерастает, так как этнические и социальные дистанции в целом не критичны и нивелируются как реализуемой комплексной национальной политикой в РТ, так и складывающейся множественной этнической идентичностью центрально-азиатских диаспор, создающей большее количество точек соприкосновения диаспоры и местного населения.

Эксперты поддерживают данную официальную позицию правительства Татарстана, однако, добавляют, что реализация ее замысла в настоящее время исполняется «не самым идеальным образом» (недостаточная информационная освещённость проблем диаспор; недостаточная материальная поддержка проводимых мероприятий; непредставленность нетитульных народов на телевидении и радио и т.д.).

В рамках поддержки этого направления эксперты предлагают создать отдельную программу по преодолению постоянно возникающих сложностей, требующую государственной поддержки. Основная цель данной программы, по их мнению, сводится к преодолению этнокультурных стереотипов местного населения по отношению к иноэтничным индивидам и группам, проживающим на территории республики, в том числе этническим мигрантам. В настоящее время подобная программа еще не создана, однако, печатные СМИ РТ частично уже ведут работу по преодолению этнических стереотипов, о чем было сказано диссертантом ранее.

Диссертант заключает, что результаты этнической идентификации центрально-азиатских диаспор закрепились в информационном пространстве республики. В СМИ Татарстана отображаются процессы изменения форм этнической идентичности ЦАД. Благоприятная информационно-политическая обстановка, развитие форм массовой коммуникации, этноидентификационная активность центрально-азиатских диаспор Татарстана способствовала созданию и реализации их собственных информационных проектов (печатного, видео и интернет-форматов). Это обеспечивает информационную поддержку развития позитивной этнической идентичности исследуемых диаспор, содействуют медиавоспитанию как важнейшему средству повышения информационной культуры. Формирование в СМИ установок межэтнической толерантности, этнокультурной и межкультурной компетентностей – действенный информационно-коммуникативный инструмент достижения межэтнического согласия в обществе.

Таким образом, ключевым для республики вопросом остается достижение этнополитического согласия, в том числе создаваемое на базе позитивной этнической идентичности населяющих ее этногрупп. Успешность работы созданной системы политического управления этническими процессам в Татарстане определяется на сегодняшний день в большей степени формальными показателями. В экспертных оценках эффективность действующей системы представляется одной из наиболее успешных среди российских регионов, но, тем

не менее, не совершенной. Усиленного внимания со стороны региональной власти требуют не только миграционные процессы, но следующие за ними опасности политизации этнической идентичности новых участников этнополитического пространства. Используемые диаспорами политико-коммуникативные ресурсы идентификации (результаты этнополитического взаимодействия с принимающей средой в различных формах, деятельность этнических лидеров, участие во внутригрупповых и межэтнических коммуникациях, вырабатываемые качества языковой, межкультурной компетентности, множественность идентичности, используемые информационные каналы трансляции этнокультурного опыта и т.д.) и пропагандируемые в общественном сознании установки на преодоление взаимных этнических стереотипов, по мнению диссертанта, обеспечивают на сегодняшний день бесконфликтное этнополитическое взаимодействие. Тем не менее, использование предлагаемого диссертантом механизма политического управления этнической идентичностью на примере центрально-азиатских диаспор, способно повысить качество этого взаимодействия, так как учитывает конструируемый характер основных факторов, влияющих на процессы формирования этнической идентичности диаспоры.

Принципиально важным в этой связи становится не только ранняя профилактика этнополитических конфликтов, но и всяческая популяризация опыта бесконфликтного проживания центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан.

3.2. Политический механизм формирования позитивной этнической идентичности центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан

Завершающая часть диссертационной работы содержит ответ на вопрос о действующей политической системе управления этническими, идентификационными, диаспоральными, миграционными процессами в регионе. Проводится всесторонний анализ представлений центрально-азиатских диаспор об этом механизме и его экспертная оценка. Диссертант исследует политическое оформление прав этнических сообществ в Республике Татарстан, обзоре достижения местных властей в регионально-правовой деятельности и роль этнополитических организаций различного уровня в позитивизации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор.

В рамках изучения средств профилактики негативной этнической идентичности центрально-азиатских диаспор Татарстана диссертант проанализировал деятельность соответствующих национально-культурных автономий, действующих на территории республики. Наряду со стандартизированным интервью с членами центрально-азиатских диаспор диссертантом был проведен экспертный опрос с руководителями одноименных национально-культурных автономий. Среди экспертов, принявших участие в интервью, 41,5% являются председателями центрально-азиатских национально-культурных автономий, 17% – их помощниками, еще 41,5% – лидерами молодежного крыла данных НКА (Приложение 5, Таблица 1). Эксперты проживают в Татарстане на протяжении длительного срока: это в среднем около 20-ти лет (Приложение 5, Таблица 3).

Деятельность НКА, по оценкам экспертов, многогранна и охватывает широкий спектр задач, стоящих перед ней: от решений личных проблем членов диаспоры до налаживания межгосударственных связей между Родиной и

Татарстаном (Приложение 5, Таблица 2). Среди основных направлений деятельности центрально-азиатских НКА можно выделить следующие:

- сохранение национального языка, традиций, культуры, национальной самобытности в целом;
- решение проблем земляков-мигрантов, связанных с оформлением документов;
- решение личных проблем членов диаспоры (в том числе, материальных);
- попечительство семей членов диаспоры;
- объединение молодежи диаспоры, воспитание в них межконфессиональной и межэтнической терпимости;
- укрепление межнационального взаимопонимания и дружбы между народами Татарстана;
- всестороннее развитие отношений между страной исхода и Татарстаном.

Проблемы, стоящие перед НКА в основном проблемы связаны с мигрантами, языковым барьером между ними и населением Татарстана, оформлением необходимых для их легального пребывания в республике документов, содействию в поиске работы и т.д., их дальнейшей социокультурной адаптации в РТ (Приложение 5, Таблица 5).

Данные задачи центрально-азиатские НКА решают при помощи проведения совокупности мероприятий административного, социального, культурного и организационного характера. Личные проблемы членов диаспоры руководство НКА обсуждают с ними на всевозможных встречах, собраниях, при индивидуальных беседах, а также на страницах периодических изданий, прежде всего, изданий Ассамблеи народов Татарстана, например, в журнале «Наш дом Татарстан» (Приложение 5, Таблица 4). Среди наиболее эффективных методов решения проблем мигрантов главными, по мнению экспертов, являются: информирование и консультирование земляков по организационным и документационным вопросам, а также сотрудничество НКА с органами власти Татарстана: с МВД, УФМС и другими соответствующими ведомствами и службами (Приложение 5, Таблица 6).

Руководство НКА проводят частые общие собрания с членами диаспоры: 66,7% руководителей проводят их каждый день, 25% - несколько раз в неделю (Приложение 5, Таблица 29). Индивидуальные встречи проводятся реже, но также достаточно часто: от еженедельных (33,3%) до ежемесячных (49,8%) встреч (Приложение 5, Таблица 30). Среди основных причин обращений к руководителям НКА со стороны членов диаспоры: личные затруднения (41,7%), проблемы мигрантов (33,3%), сложности, связанные с оформлением различных документов (25%) или обучением в школах и университетах (8,3%) (Приложение 5, Таблица 31).

Помимо указанных проблем, важнейшей задачей НКА, по мнению экспертов, является сохранение этнической идентичности членов центрально-азиатских диаспор, и прежде всего, сохранение и передача национального языка. Данную задачу НКА решают в рамках Воскресной многокультурной языковой школы, созданной при Ассамблее народов Татарстана (Приложение 5, Таблица 15). Эксперты отмечают, однако, что важнейшим источником и передатчиком знаний о родной культуре и языке является, конечно, семья. Именно общение внутри семьи способствует как передаче родного языка, так и сохранению родной культуры и традиций (Приложение 5, Таблица 16). По мнению экспертов, важнейшими принципами строительства семейной жизни являются: национальные традиции (66,4%), правила шариата (49,8%), а также общие нормы российского общества как страны проживания (49,8%), ценности которой следует учитывать (Приложение 5, Таблица 19).

Эксперты отмечают важность успешной социокультурной адаптации членов диаспоры в Татарстане. Особо ими ставятся вопросы о языковой и этнокультурной компетентности своих земляков, в том числе вопрос языкового барьера, остро стоящий перед многими мигрантами. Эксперты различных НКА неодинаково оценили ситуацию языкового барьера между членами центрально-азиатских диаспор и основным населением Татарстана. По оценкам экспертов, для казахской диаспоры Татарстана проблемы языкового барьера не существует. Руководители кыргызской и туркменской НКА считают данную проблему как

незначительную и решающуюся со временем. Другие НКА помогают землякам-мигрантам освоить русский язык в Воскресной языковой школе, а также на специальных курсах русского языка, которые проводятся как при Ассамблее народов Татарстана, так и на Родине. Кроме того, при НКА организована служба переводчиков (Приложение 5, Таблица 17).

Также экспертами было отмечено, что члены центрально-азиатских НКА обладают высокой языковой компетентностью не только в родном языке (здесь компетентность почти 100%-ная), но и в русском и татарском языках (Приложение 5, Таблицы 8-13). Такой уровень языковой компетентности членов центрально-азиатских диаспор, по мнению экспертов, содействует развитию межкультурных коммуникаций в республике (Приложение 5, Таблица 14). Уровень этнокультурной компетентности членов центрально-азиатских диаспор, по оценкам экспертов, достаточно высок и может быть определен как «выше среднего». Так считают большинство экспертов (7,4%), принявших участие в интервью (Приложение 5, Таблица 26).

Представляют интерес ответы экспертов на вопрос об этнокультурных различиях между членами центрально-азиатских диаспор и титульными народами Татарстана (татарами и русскими). По мнению 41,7% экспертов этнокультурные различия «стираются» при длительном проживании в зоне иной культуры (Приложение 5, Таблица 21), что объясняет некоторое различие в этнической идентичности членов диаспоры и жителями исторической Родины. Однако большинство экспертов уверены, что вследствие проживания в «чужой» культуре, этническая идентичность членов центрально-азиатских диаспор и их бытовая культура, в целом не меняется или претерпевает незначительные изменения (Приложение 5, Таблица 23). Основными «зонами» на территории Республики Татарстан, в которых пребывают центрально-азиатские диаспоры, стали крупные города. Так, эксперты отметили, что исследуемые организуют свои диаспоры преимущественно в больших городах, в числе которых Казань, Набережные Челны, Альметьевск и другие крупные города Татарстана (Приложение 5, Таблица 22).

Большинство экспертов (83,4%) уверены, что между центрально-азиатскими диаспорами и титульным населением нет выраженной этнокультурной и этносоциальной дистанции (Приложение 5, Таблица 32). Эксперты единогласно высоко оценили состояние межэтнических отношений в Татарстане, охарактеризовав их как «добрососедские» (Приложение 5, Таблица 35). Это, по их мнению, благоприятно влияет на процессы идентификации центрально-азиатских диаспор в республике: 91,7% экспертов уверены, что члены диаспор не ощущают себя «чужими» местному социокультурному сообществу и 100% экспертов сами не ощущают такой «чуждости» (Приложение 5, Таблицы 36-37).

Общий уровень удовлетворенности жизнью в РТ в оценках экспертов высок: 75,1% удовлетворены условиями жизни в Татарстане полностью (Приложение 5, Таблица 48), как и уровень удовлетворенности проводимой в Татарстане национальной политикой (Приложение 5, Таблица 50). По мнению экспертов, Татарстан – уникальное в положительном смысле место для проживания центрально-азиатских диаспор: это благоприятный, толерантный регион с добрососедскими межэтническими отношениями и высоким уровнем жизни, титульные народы которого объединены с членами центрально-азиатских диаспор единством религии (ислама), общностью языковых и исторических корней и т.д. (Приложение 5, Таблица 49).

В целях гармонизации межэтнического фона республики и дальнейшего осуществления успешной деятельности центрально-азиатских НКА, эксперты считают целесообразным развивать следующие направления своей работы: 1) Сотрудничество с органами власти РТ; 2) Открытие филиалов своих НКА в городах РТ; 3) Расширение сферы межправительственных коммуникаций на официальном уровне; 4) Участие в молодежной политике РТ; 5) развитие молодежного Крыла Ассамблеи народов Татарстана, в том числе: создание национальной фольклорной группы, создание национальной команды КВН, создание национальной команды по футболу; 6) Проведение различных форм

массовых мероприятий, в том числе: спортивные мероприятия, национальные праздники, благотворительные акции.

Руководители центрально-азиатских НКА обладают всей совокупностью инструментов и средств помощи своим диаспорам по их адаптации в социокультурных условиях Татарстана. Важнейшей своей задачей руководители НКА считают сохранение этнонациональной идентичности членов своих диаспор, а важнейшей своей функцией – развитие межгосударственных связей между Родиной и Россией и налаживанию парадипломатических отношений между Родиной и Татарстаном как залога благоприятных межнациональных взаимодействий.

Усилия этнополитических представительских институтов базируется на концептуальных основах российского общенационального и регионального, татарстанского законодательства. В рамках политико-правового регулирования этнических процессов создано множество законов, положений, указов и т.д. Наиболее значимые из них, действующие на региональном уровне, по мнению диссертанта, следует отметить особо.

Государственная национальная политика в Республике Татарстан выстроена с целью обеспечения равных условий жизнедеятельности всех национальных общин и граждан, составляющих многонациональный народ республики¹. На сегодняшний день в Татарстане сложилась система регулирования и взаимодействия в сфере этнических отношений, в которой значительная роль отводится органам государственной власти и общественным этнокультурным объединениям².

¹ Конституция Республики Татарстан : ЗРТ от 30.11.1992 г. № 1665-XII [Электронный ресурс] // Информационно-правовое обеспечение Гарант. URL:http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/ (дата обращения 17.09.2014); Указ Президента Республики Татарстан «О Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан» : Указ Президента Республики Татарстан от 26.07.2013 № УП-695 [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/08/13/tatrastan-ukaz695-reg-dok.html> (дата обращения 25.07.2014);

² Федеральный закон «Об общественных объединениях»: ФЗ РФ от 07.12.2012 № 602-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. С. 1930; Федеральный закон «О национально-культурной автономии» : ФЗ РФ от 17.06.1996 № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 24. Ст. 2837; Закон Республики Татарстан «О

К органам государственной власти, в рамках своей компетенции занимающимися вопросами этноконфессиональных отношений, относятся: Государственный Совет РТ (в котором действует Комитет по культуре, науке, образованию и национальным вопросам), Управление по реализации национальной политики при Департаменте по вопросам внутренней политики Президента РТ, Кабинет Министров РТ (отдел культуры и развития языков народов Республики Татарстан), Совет по делам религий при Кабинете Министров РТ и действующая при нём Комиссия по вопросам государственно-конфессиональных отношений, Министерство культуры РТ (отдел межрегионального и межнационального сотрудничества и выставочной деятельности), Министерство образования и науки РТ (отдел учебно-методической литературы и межрегионального сотрудничества), Министерство по делам молодёжи, спорту и туризму РТ и ряд других.

Кроме этого, отдельные вопросы межнационального и межконфессионального характера решаются на уровне Совета безопасности РТ, Совета муниципальных образований РТ, Министерства внутренних дел РТ (отдел информации и общественных связей) и Антитеррористической комиссии РТ. Межнациональные и межконфессиональные отношения являются одним из направлений деятельности Общественной палаты РТ, в рамках которой функционирует Комиссия по вопросам этноконфессиональных отношений, а также – Координационного совета Министерства внутренних дел РТ, Управления федеральной миграционной службы по РТ и Ассамблеи народов Татарстана.

Основополагающие принципы, регулирующие вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений, заложены в Конституции Республики Татарстан, в Законе РТ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», в Государственной программе Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004 –

2013 годы, в Законе РТ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в Законе РТ «О национально-культурных автономиях в Республике Татарстан», в Программе «Комплексная помощь мигрантам в Республике Татарстан», в Комплексной программе по профилактике правонарушений в Республике Татарстан на 2007–2010 годы и других¹.

3 ноября 2007 года состоялся Съезд народов Татарстана, на котором был рассмотрен проект Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан, в 2008 году Концепция была утверждена указом Президента РТ, в 2013 г. – переработана и также утверждена. В 2013 году создан Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям, в который вошли представители органов государственной власти, национальных общественных объединений в составе Ассамблеи народов Татарстана, религиозных организаций². На VI Съезде Ассамблеи народов России деятельность Ассамблеи народов Татарстана за 2010–2013 гг. была отмечена как наиболее успешная, наряду с некоторыми другими регионами РФ³.

На основании экспертных оценок диссертант заключает, что деятельность центрально-азиатских национально-культурных автономий направлена на

¹ Закон Республики Татарстан «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004 – 2013 годы»: ЗРТ от 11.10.2004 №52-ЗРТ [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстана. URL: <http://www.an-tat.ru/natsionalnaia-politika-v-rt/the-state-program-of-tatarstan-on-preservation-study-and-development-of-languages/> (дата обращения 25.07.2014); Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан»: ЗРТ от 28.07.2004 № 44-ЗРТ [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант. 2014. URL: <http://base.garant.ru/8102506/> (дата обращения 25.07.2014); Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014 – 2016 годы»: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 29.10.2010 №865 [Электронный ресурс] // Официальный Татарстан. 2013. URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_223771.rtf (дата обращения 25.07.2014).

² См.: Национальная политика в Республике Татарстан [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Республики Татарстан. URL: <http://www.an-tat.ru/natsionalnaia-politika-v-rt/> (дата обращения 10.04.2014).

³ См.: Резолюция VI съезда Ассамблеи народов России от 8 июля 2013 г., Москва. URL: [http://www.economy.irkobl.ru/sites/ngo/sotsialno_orientirovannye_nekommercheskie_organizatsii/gubernskoe_sobranie_obshchestvennosti_irkutskoy_oblasti/Резолюция%20Съезда\[1\].pdf](http://www.economy.irkobl.ru/sites/ngo/sotsialno_orientirovannye_nekommercheskie_organizatsii/gubernskoe_sobranie_obshchestvennosti_irkutskoy_oblasti/Резолюция%20Съезда[1].pdf) (дата обращения 30.04.2014).

формирование позитивной этнической идентичности соответствующих диаспор. Основными направлениями данной деятельности являются: формирование высокой языковой, этнокультурной компетентностей представителей центрально-азиатских диаспор, развитие сети межэтнических коммуникаций на территории республики, повышение уровня удовлетворенности жизнью в РТ и проводимой здесь национальной политикой, активное содействие социокультурной адаптации и сохранению уникальности центрально-азиатских этнокультур, традиций и языков и т.д. Благодаря активной работе и разнообразию методов, центрально-азиатские НКА достигают положительных результатов в деле позитивизации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор.

Обобщая результаты интервью и экспертного опроса, диссертант делает вывод о том, что этническая идентичность центрально-азиатских диаспор Татарстана формируется по позитивному пути. Однако, в целях поддержания отношений межэтнической стабильности в республике, необходим дальнейший мониторинг идентичности данных этнических групп. В качестве одного из наиболее открытых и доступных способов мониторинга диссертантом был выбран анализ информации о процессах и результатах этноидентификационной активности центрально-азиатских диаспор, накопленной как местными средствами массовой коммуникации, так и самими диаспорами.

Осознание значимости успешной адаптации в новой среде, качественного коммуницирования со всеми участниками этого процесса, а также понимание важности утверждения результатов собственной этнической идентификации способствовало эволюции центрально-азиатских диаспор в соответствующие национально-культурные автономии с присущими им функциями организационной, юридической, финансовой, культурной, а также информационной поддержки процесса позитивизации этноидентификационного продукта.

Помимо этого, выявленные негативные тенденции в формировании этнической идентичности центрально-азитских диаспор, по мнению диссертанта, требуют поиска адекватного решения. Учитывая сложность и многогранность

самого этнополитического феномена диаспоры, решение должно быть комплексным и предлагать ответы «вызовам» различных уровней их идентичности: социальным, языковым, культурным и политико-правовым запросам диаспоры (что представляется особенно важным при выявленной «множественной» идентичности центрально-азиатских диаспор РТ). Наиболее полным образом это решается путем формирования политического механизма управления этнической идентичностью диаспоры, который, в свою очередь, может включать различные методы конструирования этнополитического процесса.

Аналогично исследованиям Л.В. Сагитовой и О.В. Борисовой, и основываясь на результатах собственного исследования, диссертант выделяет три возможных уровня этого политического механизма: государственный или законодательный (верхний), общественно-гражданский (средний) и повседневной бытовой (нижний) уровни.

Так, верхний, государственный уровень политического управления этнической идентичностью диаспоры включает в себя: 1) разработку нормативно-правовой базы обеспечения этнического равноправия, права на сохранение собственной этнокультурной, языковой идентичности; 2) сеть межгосударственных и парадипломатических взаимодействий принимающего региона и страны исхода диаспоры; 3) усиление концептов проводимой национальной и этнокультурной политики достижениями последних научных исследований; 4) акцентирование официального дискурса в информационно-политическом пространстве на важность успеха в достижении этнополитического согласия, предупреждения этнополитических конфликтов.

Общественно-гражданский уровень механизма политического управления исследуемого объекта представлен: 1) анализом практик институционального взаимодействия региональных властей и форм этнополитического представительства (диаспоры, национально-культурных автономий, этнокультурных организаций, этнических профсоюзов, а также лидеров этнических общин); 2) нацеленностью на развитие этнополитического, межкультурного диалога; 3) контролем этнокультурных, образовательных,

профессиональных инициатив этнических диаспор; мобилизации социальных и культурных капиталов диаспоры; 4) популяризацией позитивного опыта бесконфликтности (по А.С. Киму) диаспор, их политического поведения как субъектов общественной интеграции.

Повседневно-бытовой уровень управления этнической идентичностью диаспоры, по мнению диссертанта, содержит: 1) возможности реализации личностного и профессионального потенциала носителей этнической идентичности (по О.В. Борисовой); 2) просветительскую деятельность по преодолению этнических стереотипов в отношении народов Центральной Азии; 3) развитие черт этнокультурной и межкультурной компетентности у всех участников этнополитического взаимодействия; 4) адекватные вышесказанному стратегии общественных СМИ.

Результатом реализации предложенного диссертантом политического механизма управления этнической идентичностью диаспоры (и, фактически, регулирования этнополитических процессов в регионе) являются достижения в области: 1) конструирования позитивной этнической идентичности диаспоры; 2) регулирования тенденций политизации и/или актуализации этнической идентичности диаспоры; 3) развития установок общественной интеграции и этнополитической консолидации; 4) формирования на их базе установок общегражданской идентичности, консолидации общества и иноэтничных групп не на основании отсутствия противоречий между ними, а на базе реального и взаимного поддержания баланса между этническими и общегражданскими ценностями, солидаризации на основании региональной, «татарстанской» идентичности.

Таким образом, в формировании позитивной этнической идентичности центрально-азиатских диаспор используются как внутренние ресурсы диаспоры, так и внешние механизмы этнополитического управления. Со стороны диаспоры активизируются установки на благоприятное проживание через успешную социально-культурную адаптацию, бесконфликтное взаимодействие с принимающим населением, развитие множественной идентичности как ответа на

все «вызовы» и опасности новой среды, а также через формы этнополитического представительства – национально-культурные автономии, их лидеров и активистов-общественников, защищающих права иноэтничных групп (чаще всего, мигрантов).

Со стороны принимающего сообщества разработаны концепция национальной политики с признанием этнического равноправия, официальная система регулирования этнических и диаспоральных процессов (нормативно-правовая база в сочетании со сложной структурой контролирующих и ответственных органов). Зоны соприкосновения усилий по позитивизации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор проходят через деятельность национально-культурных автономий и их лидеров, которые, в свою очередь, являются постоянными участниками работы Координационного совета. По мнению диссертанта и с учетом выявленных случаев межэтнических конфликтов, определенной доли этносоциальной дистанцированности, эти усилия достигают результата не всегда. Сами эксперты отмечают несовершенство действующей системы регулирования этнополитических процессов в Татарстане, а рядовые представители центрально-азиатских диаспор не имеют четкого представления об этой системе. Тем не менее, предоставляемые республикой социально-политические ресурсы достижения позитивной этнической идентичности используются национально-культурными автономиями и их лидерами и по каналам внутригрупповой коммуникации транслируются соответствующим диаспорам.

Встает вопрос о политико-коммуникативных ресурсах, используемых центрально-азиатскими диаспорами. Процессы трансформации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор усилиями местных СМИ и соответствующих национально-культурных организаций, их активистов и представителей, спроецированы в информационное пространство республики, в связи следует рассмотреть информационно-политические проекции этнической идентификации центрально-азиатских диаспор Татарстана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе развития социального знания зафиксировано повышенное внимание к изучению этнической идентичности, в этнополитологических же исследованиях отмечено смещение фокуса аналитического интереса на вопросы политизации этничности. Разделяемая диссертантом позиция конструктивистов предполагает признание синтетичной, ситуативной и стихийной природы этнической идентичности, что, в свою очередь, накладывает дополнительные сложности в выявлении факторов, способствующих конструированию этнической идентичности в правильном, позитивном русле, в формулировании структурных позиций механизма управления этносоциальными и политическими эффектами политизированной идентичности. Приоритетными в этой связи становятся задачи не только детальной теоретико-методологической проработки дефиниции этнической идентичности и поиска адекватных подходов к ее исследованию, но также генерирования концептуальных оснований политического механизма управления этнической идентичностью, обладающего практикоприменительным потенциалом.

Признание политической ресурсности и контекстности этничности, учет особой роли социокультурного фактора в формировании этнической идентичности, уместаемые в рамках политологического подхода к пониманию представленной тематики, позволили диссертанту средствами политологического анализа выявить сущностные свойства этнической идентичности. В результате диссертант выявил следующие характеристики этнической идентичности: гибкость, изменчивость, дополняемость, в то же время лояльность и способность мобилизовать силы этнической группы для достижения определенных социальных и политических интересов. Последнее свидетельствует о способности этнической идентичности к актуализации и политизации в условиях преобразования либо дестабилизации окружающего этнополитического пространства.

Диссертант подчеркивает, что политизированная этническая идентичность обладает разноразряженными потенциалами этнокультурной солидаризации и национальной дезинтеграции. Этническая идентичность содействует адаптации ее носителей в этнополитическом пространстве принимающего сообщества через формирование на ее базе региональной или гражданской идентичности. При выстраивании этой системы идентичностей важен баланс между различными ее структурными элементами. Результатом этого процесса выступает укрепление этнополитического взаимодействия, контролирование потенциала этнической идентичности диаспоры к политизации и конфликтогенности, снятие этнических противоречий. Формирование установок общегражданской или региональной идентичности проходит через стадии трансформации сущностных характеристик этнической идентичности (деполитизация, купирование конфликтогенного потенциала), а затем получает социокультурное, институциональное, идеологические и политико-правовое оформление.

Подобный баланс между этнокультурной и гражданской (в значении политической) идентичностями для иноэтничных групп возможен в форме диаспоры. Диаспора – этнополитический феномен, понимаемый как социально и культурно обусловленная форма идентификации этнической группы, проживающей вне своего национального государства, и имеющей, вследствие этого, стремление к сохранению своей этнической идентичности. Ее главнейшими свойствами являются: транснациональность, участие в политических коммуникациях, межрегиональных и межгосударственных отношениях, способность существенно влиять на межэтническую ситуацию в принимающем обществе, обусловленная конфликтогенным потенциалом диаспоры как таковой.

Этническая идентичность диаспоры – это динамичная и ситуативная структура взаимодополняемых характеристик, определяющая самосознание, адаптируемые образцы поведения и социально-политические установки иноэтнической группы в этнополитическом пространстве региона пребывания. Механизмом приспособления диаспоры к изменяющимся условиям социально-политической среды является интеграция различных уровней ее идентичности

(социальной, культурной, языковой, профессиональной, этнической, политической) то есть формирования множественной неконфликтной идентичности. Итогами подобной консолидации идентичностей диаспоры выступает уравновешенная другими идентичностями форма умеренно актуализированной (политизированной) этнической идентичности, позволяющая диаспоре, с одной стороны, контролировать потенциал собственной конфликтности и стремления к анклавизации, с другой стороны, быть участником политической коммуникации.

Средствами позитивизации этнической идентичности диаспоры выступают и политические меры, среди которых предоставление диаспорам права сохранять и развивать свою культуру и язык; создавать собственные общественные и политические объединения; полноправно участвовать в межэтнических коммуникациях, происходящих в принимающем обществе и т.д. Обеспечение этнополитического представительства диаспоры находит свое решение в рамках национально-культурной автономии. Национально-культурная автономия – это и самоуправляющийся национальный союз, и форма этнического самосознания, и субъект политической деятельности: как форма этнической самоорганизации также имеет различные культурные и социально-политические роли, отражает динамику этнополитической ситуации в регионе и является реальным участником политических коммуникаций. Деятельность национально-культурной автономии, обладающей совокупностью правовых, административных, информационных и политических ресурсов, выступает в качестве средства профилактики негативных, в том числе конфликтных проявлений этнической идентичности своих членов. Национальные объединения могут изначально создаваться для реализации политических целей и участия в политической борьбе.

Собранная теоретико-методологическая база исследования этнической идентичности диаспоры и форм ее этнополитического представительства позволила диссертанту провести собственное исследование этнической идентичности диаспоры на примере выходцев из стран Центральной Азии, проживающих в Республике Татарстан (кыргызов, казахов, узбеков, туркмен и

таджиков). В результате диссертантом выявлены сущностные характеристики этнической идентичности центрально-азиатских диаспор: множественность, флексибельность и лингвистическая бесконфликтность при высокой значимости собственной этнонациональной принадлежности и позитивности самовосприятия. Отвечая на вопрос о природе этнической идентичности центрально-азиатских диаспор, следует отметить, что в этнополитическом пространстве Республики Татарстан происходит повышение социальных и трудовых (профессиональных) притязаний центрально-азиатских диаспор, имеет место стремление к укреплению собственного политико-правового статуса, участию в этнополитическом взаимодействии. Основой этой деятельности выступают сами диаспоры, использующие имеющиеся ресурсы языковой компетентности, опыта межэтнического взаимодействия, множественного характера формируемой идентичности.

По мнению диссертанта, полноправными участниками или активными субъектами политического процесса в Татарстане центрально-азиатские диаспоры не становятся, а политические механизмы управления этническими процессами на настоящий момент еще не отлажены и во многом бессистемны. Политизация этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан находится на стадии «купирования»: вместо активных субъектных ролей в этнополитических процессах предлагаются иные пути идентификации – социальные, трудовые, образовательные, культурные, профессиональные и т.д. и во многом это связано с нивелированием ее конфликтогенного потенциала.

Диссертант заявляет, что этническая идентичность центрально-азиатских диаспор имеет конфликтогенный потенциал, способный проявиться в определенной «температуре» окружающего этнополитического пространства, катализации системы внешних и внутренних факторов, включая конкретную ситуацию, а потому названной диссертантом «ситуационной конфликтностью». В ситуациях массовых споров или конфликтов на тему межнациональных отношений центрально-азиатские диаспоры проявили большую готовность участия, чем в спорах или конфликтах, возникших с конкретным человеком. Это

свидетельствует о некоей анонимности этой конфликтности или ситуационности проявления конфликтности данных диаспор, то есть способности проявляться ситуативно в форме готовности или неготовности диаспоры вступить в межнациональный конфликт в зависимости от конкретных обстоятельств.

Факторами формирования конфликтной этнической идентичности центрально-азиатских диаспор являются этнические границы, социальная дистанция, культурные различия, а также образные представления диаспор об этнических границах, способные перерасти в реальные барьеры в межэтническом общении. Выявлено, что представления об этнокультурных границах влияют на оценку той или иной диаспоры как конфликтной. Обнаружена тесная взаимосвязь между национальными и культурно-языковыми границами, однако отмечен и субъективный компонент в оценивании как чужой, так и своей конфликтности. Снятие этой субъективности, следовательно, имеет важное значение для преодоления этнических стереотипов и воображаемой непреодолимости этнокультурных различий и т.д.

Разрешение проблем межнациональных конфликтов в региональном этнополитическом пространстве и нивелирование конфликтного потенциала центрально-азиатских диаспор видится в развитии навыков межкультурного общения у центрально-азиатских диаспор, расширение сети межэтнических коммуникаций с их участием. Речь идет о формировании у всех участников политического процесса навыков языковой и межкультурной компетентности, включающих в себя осведомленность о диапазоне адекватных стратегий поведения в ситуации конфликта.

Формированием подобной компетенции активно занимаются национально-культурные автономии, созданные на базе центрально-азиатских этнокультур. Важнейшими задачами данных НКА являются сохранение этнонациональной идентичности своих членов, развитие межгосударственных связей между Родиной и Россией, налаживание парадипломатических отношений между Родиной и Татарстаном как залога этнополитического согласия. Многообразие указанных видов деятельности центрально-азиатских НКА дополняется оказанием

юридическо-правовой помощи своим членам-мигрантам, организацией их информационного обеспечения, в том числе на национальном языке.

Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор имеет свойство к политизации в условиях этнополитического несогласия (в различных формах). Эти риски не определяют состояние этнополитического пространства в Республике Татарстан. Преодоление рисков политизации этничности центрально-азиатских диаспор связывается диссертантом с укреплением установок и ценностей «множественной» идентичности; поощрением их этнокультурных, социальных, информационно-коммуникационных и профессиональных инициатив; снижением выраженности этнических и социальных границ; укреплением политической стабильности принимающего сообщества; разработкой и приведением в жизнь принципов этнического равноправия, общегражданской консолидации и разноуровневого политического взаимодействия в сферу этнокультурной, миграционной, национальной политики.

Выявлено, что в структуре этнической идентичности центрально-азиатских диаспор на современном этапе больше позитивных черт, их общая этносоциальная дистанцированность находится на уровне, достаточном для поддержания этнокультурной самобытности и приемлемым для культур традиционалистского типа в целом. По мнению диссертанта, это позитивно сказывается на их этнической идентичности и может стать плодотворной основой этнополитической интеграции с местным населением.

Реальные шаги на пути к этому прослежены диссертантом на различных уровнях информационно-политического пространства Республики Татарстан. Так, диссертантом доказано, что результаты этнической идентификации центрально-азиатских диаспор закреплены в информационном пространстве республики: развитие форм массовой коммуникации, этноидентификационная активность центрально-азиатских диаспор Татарстана способствует созданию и реализации их собственных информационных проектов (печатного, видео и интернет-форматов). Это обеспечивает информационную поддержку развития позитивной

этнической идентичности и содействует повышению уровня информационной культуры ее носителей и преодолению взаимных этнических стереотипов.

С одной стороны, по мнению диссертанта, формирование в средствах массовой информации установок межэтнической толерантности, этнокультурной и межкультурной компетентностей – действенный информационно-коммуникативный инструмент достижения межэтнического согласия. С другой стороны, позитивная этническая информация – не показатель высокого уровня межэтнических отношений в регионе, а скорее результат работы соответствующих органов власти. Вся совокупность официальных выступлений представителей власти может быть определена как поддержка политики многокультурности, закреплённой в Концепции национальной политики Республики Татарстан. Эксперты (лидеры и активисты центрально-азиатских национально-культурных автономий) поддерживают официальную позицию регионального правительства, но добавляют, что успешность ее реализации находится на недостаточном уровне, а рядовые представители центрально-азиатских диаспор не имеют четкого представления о действующей системе регулирования этнополитических процессов в Татарстане. Тем не менее, предоставляемые республикой социально-политические ресурсы достижения позитивной этнической идентичности используются национально-культурными автономиями и их лидерами и по каналам внутригрупповой коммуникации транслируются соответствующим диаспорам.

Официальная позиция местных органов власти в отношении центрально-азиатских диаспор такова: конфликтность и криминогенность данных этнических групп находится на сегодняшний день на низком уровне, однако, в общественном сознании, а не в реальности, существует стремление к политизации всех фиксируемых случаев проявления конфликтности со стороны именно мигрантских, иноэтничных групп. Налицо диссонанс в восприятии степени политизации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор со стороны самих диаспор и принимающего населения. В реальное воплощение данная нестыковка не перерастает, так как этнические и социальные дистанции в целом

не критичны и нивелируются как реализуемой комплексной национальной политикой в РТ, так и складывающейся множественной этнической идентичностью центрально-азиатских диаспор, создающей большее количество точек соприкосновения диаспоры и местного населения.

На высшем уровне региональной власти проблеме позитивизации этнической идентичности центрально-азиатских диаспор уделяют все большее внимание, что способствует повышению значимости опыта Республики Татарстан в области управления этнополитическими и диаспоральными процессами, в сотрудничестве со странами Центральной Азии, в укреплении политико-правовой базы обеспечения этнокультурного и социального равноправия.

Диссертант заключает, что политическое управление этноидентификационными процессами диаспоры наиболее эффективно при создании управленческого механизма, включающего различные методы конструирования этнополитического процесса. Диссертант выделяет три возможных уровня этого политического механизма: государственный или законодательный (верхний), общественно-гражданский (средний) и повседневно-бытовой (нижний) уровни.

Механизм политического управления этнической идентичностью центрально-азиатских диаспор на региональном уровне включает социальные, культурные, информационно-коммуникативные и непосредственно политические методы (через формирование гражданской или региональной идентичности) и тем самым отвечает на потребности множественной идентичности центрально-азиатских диаспор Татарстана, так как учитывает конструируемый характер основных факторов, влияющих на процессы формирования этнической идентичности диаспоры.

Результатом его реализации являются достижения в области конструирования позитивной этнической идентичности диаспоры; регулирования тенденций политизации и/или актуализации этнической идентичности диаспоры; развития установок общественной интеграции и этнополитической консолидации на основании баланса между этническими и общегражданскими ценностями,

солидаризации на основании региональной идентичности. Опыт центрально-азиатских диаспор Татарстана показывает, что в условиях регионального этнополитического пространства общественная консолидация успешнее происходит именно на базе формирования региональной идентичности.

В качестве заключения диссертант сконструировал теоретическую модель политического механизма управления этнической идентичности центрально-азиатских диаспор в Республике Татарстан, которая представлена в Приложении 7.

Диссертанту представляется целесообразным дальнейший поиск политических стратегий в управлении этническими и диаспоральными процессами в российских регионах, например, путем разработки концептуальных основ этнополитического менеджмента в контексте региональности. Необходимость эффективного этнополитического менеджмента со стороны органов как федеральной, так и региональной власти очевидна. Успешность его проведения напрямую связана с разработанностью единой стратегии общегражданского консолидирования, с качественным мониторингом трансформаций этнополитического пространства, с совершенствованием этнонациональной, миграционной политики.

Решению проблемы политического регулирования этнической идентичности диаспоры могли бы способствовать меры, предпринимаемые:

государством:

- ✓ анализ опыта взаимодействия региональных властей и форм этнополитического представительства (диаспор, национально-культурных автономий, этнокультурных организаций, этнических профсоюзов, лидеров этнических общин);
- ✓ популяризация позитивного опыта бесконфликтности диаспор, изучение их политических стратегий как субъектов общественной интеграции;
- ✓ учет социально-экономических и культурных особенностей конкретного региона пребывания при разработке общенациональной системы политического управления этническими процессами.

в том числе, регионами:

- ✓ поддержка этнокультурных, образовательных, профессиональных инициатив этнических диаспор; мобилизации социальных и культурных капиталов диаспоры; предоставление возможностей реализации личностного и профессионального потенциала носителей этнической идентичности;
- ✓ совершенствование законодательной системы по обеспечению этнического, языкового, культурного равноправия; усиление концептов проводимой национальной и этнокультурной политики результатами научных исследований;
- ✓ укрепление сети парадипломатических взаимодействий принимающего региона и страны исхода диаспоры;
- ✓ решение социально-экономических проблем региона во избежание возникновения социальных конфликтов под этническими лозунгами;

научным сообществом:

- ✓ утверждение дифференцированного подхода к исследованию этнической идентичности диаспоры, факторов ее политизации и деполитизации;
- ✓ выработка структурных элементов формирования консолидирующих общегражданских ценностей, утверждения установок межэтнической солидарности;

общественностью:

- ✓ акцентирование официального дискурса в информационно-политическом пространстве на важность успеха в достижении этнополитического согласия, предупреждения этнополитических конфликтов;
- ✓ просветительская деятельность общественных и официальных СМИ по преодолению этнических стереотипов в отношении народов Центральной Азии, развитию черт этнокультурной и межкультурной компетентности у всех участников этнополитического взаимодействия.

Развитие структур этнополитического взаимодействия, привитие всем участникам этого диалога ценностей гражданской идентичности способно снимать имеющиеся этнические противоречия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Использованные источники

1.1. Нормативно-правовые документы

1. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М., 2009. 64 с.
2. Федеральный закон «Об обеспечении межнационального согласия»: ФЗ РФ от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. С. 2339.
3. Федеральный закон «Об общественных объединениях»: ФЗ РФ от 07.12.2012 № 602-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. С. 1930.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» : ФЗ РФ от 21.07.2014 №230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 3. Ст. 4231.
5. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» : ФЗ РФ от 17.06.1996 № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 24. Ст. 2837.
6. Федеральный закон «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» : ФЗ РФ от 19.12.2012 г. №1666-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.
7. Постановление Правительства Российской Федерации «О Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» : Постановление Правительства Российской Федерации от 20.08.2013 №718 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 35. Ст. 4509.

8. Конституция Республики Татарстан : ЗРТ от 30.11.1992 г. № 1665-XII [Электронный ресурс] // Информационно-правовое обеспечение «Гарант» URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/ (дата обращения 17.09.2014)
9. Закон Республики Татарстан «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004 – 2013 годы» : ЗРТ от 11.10.2004 №52-ЗРТ [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстана. URL: <http://www.an-tat.ru/natsionalnaia-politika-v-rt/the-state-program-of-tatarstan-on-preservation-study-and-development-of-languages/> (дата обращения 25.07.2014).
10. Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан»: ЗРТ от 28.07.2004 № 44-ЗРТ [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант. 2014. URL: <http://base.garant.ru/8102506/> (дата обращения 25.07.2014).
11. Закон Республики Татарстан «О национально–культурных автономиях в Республике Татарстан» : ЗРТ от 12.05.2003 № 15-ЗРТ [Электронный ресурс] // Информационно-правовая база Гарант. 2014. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/87698/> (дата обращения 19.10.2014).
12. Указ Президента Республики Татарстан «О Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан» : Указ Президента Республики Татарстан от 26.07.2013 № УП-695 [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/08/13/tatrastan-ukaz695-reg-dok.html> (дата обращения 25.07.2014).
13. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Профилактика терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2014 – 2016 годы» : Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 29.10.2010 №865 [Электронный ресурс] // Официальный Татарстан. 2013. URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_223771.rtf (дата обращения 25.07.2014).

14. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан «Об утверждении государственной программы «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014 – 2020 годы» : Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 09.10.2013 №742 [Электронный ресурс]: Официальный Татарстан. 2013. URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_204769.pdf (дата обращения 25.07.2014).

1.2. Периодическая печать

15. Артем Хохорин. Мы не можем не шагать в ногу со временем [Электронный ресурс] // Известия Татарстана. URL: <http://www.tatarnews.ru/articles/7329> (дата обращения 20.04.2014).
16. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс [Электронный ресурс] // Независимая газета. М., 2005. URL: http://www.ng.ru/science/2005-11-23/14_diaspory.html (дата обращения 21.06.2013).
17. Беляева В. «Или мы, или нас»: в Нурлатском районе татары выгнали таджиков из села [Электронный ресурс] // Электронная газета Республики Татарстан, 2013. URL: <http://www.intertat.ru/ru/obschestvo/item/16885-ili-myi-ili-nas-v-nurlatskom-rayone-tataryi-vyignali-tadzhikov-iz-sela>. 06 мая 2013 (дата обращения 31.07.2013).
18. Вечерняя Казань [Электронный ресурс] // Вечерняя Казань, 2000-2011. URL: <http://www.evening-kazan.ru/> (дата обращения 31.07.2013).
19. Единое право на многообразие (Беседа с корреспондентом «Парламентской газеты» К. Тангалычевым) [Электронный ресурс] // Парламентская газета. URL: http://gazetart.su/articles/27-28_25883/70714/?act. (дата обращения: 03.07.2009).
20. Известия Татарстана [Электронный ресурс] // Еженедельная газета Известия Татарстана, 2000-2011. URL: <http://www.tatarnews.ru/> (дата обращения: 03.07.2009).

21. Республика Татарстан [Электронный ресурс] // Республика Татарстан, 2000-2011. URL: <http://www.rt-online.ru/> (дата обращения: 03.07.2009).
22. Решение непростой проблемы мигрантам [Электронный ресурс] // Телерадиокомпания «Россия»-Татарстан. URL: <http://trt-tv.ru/events-week/reshenie-neprosto-j-problemy/> (дата обращения 20.04.2014).
23. Рустам Минниханов: Преступных мигрантов в Татарстане быть не должно мигрантам [Электронный ресурс] // Портал правительства Республики Татарстан. URL: <https://prav.tatar.ru/rus/index.htm/news/252178.htm> (дата обращения 20.04.2014).
24. Таджикская народная песня [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассамблеи народов Татарстана. URL: <http://www.an-tat.ru/movies/2811/> (дата обращения 11.03.2013).
25. Татарская деловая газета [Электронный ресурс] // Татарская деловая газета, 2000-2011. URL: <http://etatar.ru/> (дата обращения 20.04.2014).
26. Татарская газета [Электронный ресурс] // Татарская газета 2000-2011. URL: <http://www.tatargazeta.ru/> (дата обращения 20.04.2014).
27. Треть жителей Татарстана негативно настроена к мигрантам [Электронный ресурс] // Информационный портал РБК-Татарстан. URL: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/25/02/2014/907056.shtml (дата обращения 20.04.2014).
28. Фильм «Казахстан. Далекий и близкий» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассамблеи народов Татарстана. URL: <http://an-tat.ru/movies/2752/> (дата обращения 11.03.2013).
29. 2013 год объявлен годом молодежи в рамках Ассамблеи народов Татарстана. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассамблеи народов Татарстана. URL: <http://www.an-tat.ru/news/2815/> (дата обращения 11.03.2013).
30. Gazeta.su [Электронный ресурс] // Информационный портал «Республика Татарстан» (2009-2013 гг.) URL: <http://gazetart.su/> (дата обращения 19.07.2013).
31. Tatcenter [Электронный ресурс] // Деловой центр Республики Татарстан (2005-2013 гг.) URL: <http://info.tatcenter.ru/> (дата обращения 19.07.2013).

1.3. Статистические, справочные материалы

32. Национальный состав населения [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_04_01.htm (дата обращения 30.07.2012).
33. Национальный состав населения [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения 30.07.2012).
34. Основные показатели деятельности УФМС России по Республике Татарстан. Статистические данные. Управление миграционной службы по Республике Татарстан [Электронный ресурс] // Официальный портал Управления миграционной службы по Республике Татарстан. URL: <http://ufms.tatarstan.ru/rus/statistika.htm> (дата обращения 20.04.2014).

II. Литература

2.1. Монографии и статьи

35. Абдулатипов Р., Михайлов В., Чичановский А. Национальная политика Российской Федерации. От концепции к реализации. М., 1997. 111 с.
36. Александренков Э.Г. «Этническое самосознание или «этническая идентичность»? // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 167-171.
37. Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Демография. М., 1998. № 6. С. 49-55.
38. Аклаев А.Р. Законодательство о языках и межэтнические конфликты в республиках Российской Федерации // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994. С.15-43.
39. Арутюнов С.А. В мире все больше людей, живущих на два дома и две страны [Электронный ресурс] // Ноев ковчег. URL: <http://noev-kovcheg.1gb.ru/article.asp?n=96&a=38>. (дата обращения: 12.04.2009).

40. Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78.
41. Ахиезер А. Культурные основы этнических конфликтов // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С.115-125.
42. Балашов Ю.А., Рябков И.Ю. Анализ этнополитических процессов в современной России: теоретические и практические аспекты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение, 2009. № 2. С. 205–211.
43. Богатова А. А. Этнические границы в Мордовии: парадокс многоуровневой идентичности // Социологические исследования. № 6, 2004. С. 69 – 75.
44. Бредникова О., Чикадзе Е. Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // Конструирование этничности / под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб, 1998. С. 227-259.
45. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 74–76.
46. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр./ Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко / М., 1993. 336 с.
47. Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал ЭМС. URL: <http://ons.gfns.net/2000/3/10.htm> (дата обращения: 28.03.2010).
48. Габдрахманова Г.Ф. Социокультурная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан. Казань, 2003. 148 с.
49. Габдрахманова Г.Ф., Исхакова З.А., Макарова Г.И., Мусина Р.Н., Сагитова Л.В. Этнокультурная и языковая сферы // Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в республике Татарстан. Казань, 2008. С. 108-126.
50. Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н., Нурутдинова Э.А. Особенности миграционных процессов в Республике Татарстан. Этнологические исследования в Татарстане. Вып. I. Казань, 2007. С.113-119.

51. Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н. Идентификационные процессы у русских и татар Татарстана в 1990-2000-х гг.: коллективные представления и конструктивистская роль элит. Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Р.К. Уразмановой. Выпуск VI. Казань, 2012. С. 166-193.
52. Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н. Становление и развитие этносоциологии в Республике Татарстан // Социологические исследования. №2. М., 2012. С. 83-93.
53. Габдрахманова Г.Ф. Этничность, язык, образование. Политический и практический опыт постсоветского Татарстана // Казанский федералист, 2006. № 4 (20). С. 138-143.
54. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М.Н. Губогло. М., 2003. 764 с.
55. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 2012. 1056 с.
56. Диагностика толерантности в средствах массовой информации / под ред. В.К. Мальковой. М., 2002. 352 с.
57. Дилегенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. 304 с.
58. Дзялошинский И.М. Методы деятельности СМИ в условиях становления гражданского общества. М., 2001. 39 с.
59. Добренев В.И., Кравченко А.И. Социология: В 3 т. Т.2: Социальная структура и стратификация. М., 2000. 536 с.
60. Додд К. Динамика межкультурных коммуникаций // Социология культуры: современные зарубежные исследования. М., 1987. 152 с.
61. Дубовицкий В. Национальная идентичность русской диаспоры как элемент сохранения исторической России [Электронный ресурс] // Сетевой центр русского зарубежья. URL. <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12196> (дата обращения 07.03.08).
62. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. 376 с.

63. Дятлов В. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе [Электронный ресурс] // Архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2634>. (дата обращения: 12.04.2009).
64. Ефремова М.В. Влияние этнической и гражданской идентичности на адаптацию инокультурных мигрантов в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / под редакцией: Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. М., 2009. С. 224-250.
65. Ильин В. И. Социальное неравенство. М., 2000. С. 182.
66. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. 260 с.
67. Ишмуратова И.Р. Влияние средств массовой информации на формирование культурной идентичности (на примере РТ) [Электронный ресурс] // Философская антропология. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/ishmuratova/east07_03.html (дата обращения: 24.02.2012).
68. Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. М., 2012. 149 с.
69. Замятин Д.Н. Географический образ России и постсоветские языковые идентичности // Космополис. 2008. №7, С.38-48.
70. Засурский Я.Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990-2004. М., 2004. 53 с.
71. Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М, 2002. 64 с.
72. Калугина Г.В. Национально-культурное общество в Иркутске: от клуба друзей Польши до Ассоциации защиты прав китайских граждан (трансформация феномена) // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение», 2008. №1. С. 48-55.
73. Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы в российской демократической прессе 1997-1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М., 2002. С. 162-192.

74. Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994. С. 39-43.
75. Кондратьева Т.С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс] // Фонд исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatiya_2010-02-27.htm (дата обращения: 25.02.12).
76. Кун М., Макпартленд Т.; модификация Т.В. Румянцевой / Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб., 2006. С. 82-103.
77. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. 170 с.
78. Ли Н.Г. Этническая идентичность корейской общности как фактор социокультурной интеграции [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-7-2013/sociology/li.pdf> (дата обращения 01.05.2014).
79. Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994. 288 с.
80. Малькова В.К. Проблемы этнической журналистики и толерантности // Этнопанорама. 2001. №1. С. 10-18.
81. Малькова В.К. Этничность и толерантность в современных российских СМИ // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 135-147.
82. Макарова Г.И. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации. Казань, 2010. 248 с.
83. Макарова Г.И. Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. Казань, 2009. 242 с.
84. Манусян С. Вопросы сохранения идентичности в диаспоре: социально-психологический аспект [Электронный ресурс] // Фонд Нораванк. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=4836 (дата обращения: 12.04.2009).
85. Мастюгина Т.М., Перепелкин Л.С. Этнология. М., 1997. 317 с.

86. Мацумото Д. Психология и культура. Современные исследования. М., 2002. С. 310.
87. Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. М., 1999. № 1. С. 24–33.
88. Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов, 2009. 247с.
89. Мокин К.С. Диаспорная идентичность как стратегический ресурс интеграции (на примере армянских общин Саратовской области) Татарстана [Электронный ресурс] // Фонд «Культура». URL: <http://fond-kultura.ru/19.html> (дата обращения: 12.04.2009).
90. Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. М, 2005. № 2. С. 56-66.
91. Мыльников М.А. Современные диаспоры в глобальном коммуникативном пространстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 2. С. 44-55.
92. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX –XX вв./ Сб. ст. под ред. академика РАН Ю.А. Полякова и доктора ист. наук Г.Я. Тарле. М., 2001. 329 с.
93. Новикова О.С. Межкультурная компетентность в глобализирующемся мире Татарстана [Электронный ресурс] // Международное философско-космологическое общество. URL: <http://www.bazaluk.com/conference/193/comments.html> (дата обращения: 14.07.2011).
94. Ожиганов Э.Н. Баланс власти и этнополитические конфликты // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1997. С.275-298.
95. Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан. Казань, 2008. 236 с.
96. Петров В.Н. Вынужденные мигранты и принимающая среда на Кубани: этносоциальные особенности интеграции и конфликта [Электронный ресурс] // Кубанский государственный университет. URL: db.edu.kubannet.ru (дата обращения 29.05.2012).
97. Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты. М., 1999. 252 с.

98. Попков В.Д. Диаспорная община – модель отношений этнических мигрантов с принимающим обществом // *Диаспоры*, 2003. № 3. С.126-152.
99. Попков В.Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // *Диаспоры*. М., 2002. № 1. С. 6-22
100. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор [Электронный ресурс] // Сайт Владимира Кудрявцева. URL: <http://www.tovievich.ru/book/12/168/1.htm> (дата обращения: 20.07.2012).
101. Рабинович Ю.В. Диаспора как социальный институт // *Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение»*, 2009. № 1 (3). С. 59-67.
102. Реснянская Л.Л. В поисках смысла, или о влиянии выборов на средства массовой информации // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2001. № 5. С. 17-33.
103. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // *Россия реформирующаяся* / под ред. Л.М. Дробижевой. М., 2002. С. 213-244.
104. Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромля // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 1. С. 3-15.
105. Рыбаков С.Е. *Философия этноса*. М., 2001. 360 с.
106. Рыкалина Л.А. О природе этнонационального конфликта // *Социально-политический журнал*. 1998. № 3. С. 120-128.
107. Рябов И.Ю., Черемин Н.Б. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки*, 2012. № 2(26). С. 177-183.
108. Савва М.В., Савва Е.В. *Пресса, власть и этнический конфликт*. Краснодар, 2002. 176 с.
109. Сагитова Л.В. Дом дружбы народов, трудовые мигранты и адаптационная политика Татарстана // *Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой/ под ред. Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой и др.* Казань, 2013. С. 116-136.

110. Сагитова Л.В. Этнорегиональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 253-282.
111. Семёнов Ю. Этнос, нация, диаспора [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал Скепсис. URL: http://scepsis.ru/library/id_160.html (дата обращения: 19.04.2013).
112. Сикорская О. Г. Нормативно-правовые акты, регулирующие сферу межнациональных отношений в России с 1991 г. // Молодой ученый. 2013. №1. С. 293-296.
113. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. 183 с.
114. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 386 с.
115. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998. 385 с.
116. Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М., 2002. С. 38–39.
117. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2007. 367 с.
118. Стрелецкий В.Н. Этнотерриториальные конфликты в постсоветском пространстве: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С.225-249.
119. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 9-44.
120. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3-21.
121. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 544 с.
122. Тишков В.А. Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. Омск: 1993. С. 265-277.

123. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 44.
124. Тощенко Ж.Т. Этнонациональная политика: плюсы и минусы // Вестник Российского университета дружбы народов. 2002. № 1. С. 7-17.
125. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. М., 1996. № 12. С. 33–42.
126. Тураев В.А. Этнополитология. М., 2001. 191 с.
127. Уханов Е.В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. М., 2009. №10. С.59-72.
128. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162-184.
129. Шкала социальной дистанции (шкала Богардуса, вариант Л.Г. Почебут) / Сонин В.А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб., 2004. С. 216-218.
130. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого / Перевод с нем. Т.С. Головой // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 41-53.
131. Шумилова Е.А., Ходжаева Е.А. Особенности становления российской гражданской идентичности мусульман в Татарстане. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. 327 с.
132. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003. 336 с.
133. Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003. 256 с.
134. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. Т.2, № 2. М., 1997. С. 142-143.
135. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. 306 с.
136. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000. 235 с.

137. Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований / под ред. Р.Н. Мусина, Г.Ф. Габдрахманова, Г.И. Макарова, Л.В. Сагитова. Казань, 2013. 316 с.
138. Янг К. Диалектика культурного плюрализма: Концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994. С. 85-132.
139. Armstrong J. A. Mobilized and proletarian diasporas // American Political Science Review. – Wash., 1976. – Vol. 70, №2. – P. 393 – 408.
140. Armstrong J.A. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.
141. Barth F. The Analysis of Culture in Complex Societies // Ethnos [Stockholm]. 1989. Vol. 54. P. 120-142.
142. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Culture Difference. Ed. by F. Barth. Universitetsforlaget, Oslo, 1969. Reprint 1982. Pp. 9-38.
143. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: an International Review. 1997. Vol. 46. Pp. 5–34.
144. Bock Ph.K.(Ed.). Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology. N.Y., 1970.
145. Bourdieu P. Цkonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt; Sonderband 2). R. Kreckel (Hg.) Güttingen, 1983.
146. Brubaker R. The «Diaspora» Diaspora //Ethnic and Racial Studies. N.Y., 2005. Vol. 28, №1. P.1-19.
147. Cohen A. Custom and Politics in Urban Africa: A Study of Hausa Migrants in Yoruba Town. L., 1969.
148. Cohen A. Introduction: The Lesson of Ethnicity; Cohen A. The Politics of Elite Culture: Explorations in the Dramaturgy of Power in a Modern African Society. Berkeley, 1981.
149. Cohen R. Global diasporas: An introduction // Global Diasporas /Ed. by R. Cohen.-Second edition. N. Y., 2008. 219 p.

150. Cohen A. The Politics of Elite Culture: Explorations in the Dramaturgy of Power in a Modern African Society. Berkeley, 1981.
151. Connor W. The Impact of Homeland upon Diasporas //Modern Diasporas in Intern. Politics. / Ed. by Sheffer G. L., 1986. P.16 -38.
152. Deutsch K. Nationalism and Communication. Cambridge, 1953.
153. Geertz, C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York, 1973, P. 268, 309.
154. Epstein A.L. Ethos and Identity: Three Studies in Ethnicity. London, 1978.
155. Erikson E.H. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things. Selected Papers / Ed.by Schlein. New York, 1995.
156. Erikson E. H. The problem of ego-identity // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1956. N 4.
157. Erikson E. Psychosocial Identity// A Way of Lookingat Things Selected Papers/Edited by S. Schlein. N.Y.,1995. p. 675-679.
158. Esman M. J. Diasporas and International Relations // Modern Diasporas in Intern. Politics. Politics..? / Ed. by Sheffer G. N.Y. ,1986. P. 333.
159. Esman M. J. Ethnic Pluralism and International relations // Canadian Rev. of Studies in Nationalism. – Toronto.1990. Vol. XVII, № 1-2- P. 83-93.
160. Isaacs H. R. Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change. N.Y., 1975. p. 28.
161. Parsons T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change of Ethnicity. In: Glazer N. and Moynihan D. (eds.), Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975 p. 53.
162. Scott G.M. Resynthesis of the Primordial and Circumstantial Approaches to Ethnic Group Solidarity: Towards the Explanatory Model // Ethnic and Racial Studies. 1990. Vol. 13. № 2. P. 147–171.
163. Sheffer G. Diaspora politics: At home abroad. Cambridge, 2003. 208p.
164. Smith A.D. Ethnic Myths and Ethnic Revivals // Archives Europeennes de Sociologie. 1984, № 25. P. 283–303.
165. Smith A.D. National Identity. London, 1991.

166. Smith A.D. The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1987.
167. Van den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. Norwich, 1981. p. 24.
168. Williams B.F. A Class Act: Anthropology and the Race to Nation Across Ethnic Terrain // Annual Review of Anthropology. 1989. Vol. 18. P. 401–434.
169. Young C. The Dialectics of Cultural Pluralism: Concept and Reality // The Rising Tide of Cultural Pluralism: The Nation State at Bay? Madison, 1993.

2.2. Диссертации и авторефераты диссертаций

170. Аетдинов Э.Х. Этнополитическое согласие как фактор становления политической демократии : дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2000. 176 с.
171. Алаудинов А.А. Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 28 с.
172. Аракелян Э.А. Роль этнополитических элит в стабилизации политических процессов: на примере Южного федерального округа : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2007. 182 с.
173. Арутюнова Е.М. Формирование государственно-гражданской идентичности молодежи: на примере московских студентов : дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 154 с.
174. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление (На материалах Северо-Кавказского региона) : дис. ... д-р. полит. наук. М., 2003. 530 с.
175. Асуханов Ю.У. Институт национально-культурной автономии в Российской Федерации: политико-правовые аспекты становления и развития : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 183 с.
176. Ахмедов К.М. Национально-культурные объединения в политических процессах региона : дисс. ... канд. полит. наук. Саратов, 2007. 210 с.
177. Батомункуев С.Д. Постсоветская этничность в перспективе гражданской интеграции : дис. ... канд. философ. наук. Улан-Удэ, 2001. 145 с.

178. Барышная Н.А. Этнополитические процессы на региональном уровне : дис... канд. полит. наук. Саратов, 2007. 266 с.
179. Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2007. 191 с.
180. Борисова О.В. Феномен политизированной этнической идентичности: теоретико-методологический анализ : дис... д-р. полит.. М., 2000. 391с .
181. Борисов Р.В. Языковая компетентность как средство выражения этнической идентичности и формирования межэтнической толерантности учащейся молодёжи : автореф. дис. ... канд. псих. наук. Махачкала, 2007. 188 с.
182. Будин А.А. Роль гражданского общества в обеспечении этнополитической безопасности России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 153 с.
183. Булгаков М.А. Этническая миграция как фактор политического процесса в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2012. 21 с.
184. Вахаев А.Х. Региональные средства массовой информации в условиях преодоления этнополитической нестабильности (на материалах Северного Кавказа) 1992 - 2003 гг. : дис. ... канд. истор. наук. М., 2009. 167 с.
185. Выскочил А.А. Этническая идентичность и межэтническое взаимодействие в Северной Башкирии: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 242 с.
186. Гармаева Т.В. Диалог культур в контексте особенностей процесса адаптации мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия : дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 2006. 209 с.
187. Герасимова О.Е. Национально-культурная автономия как форма самоопределения нации : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007. 169 с.
188. Гулевский А.Н. Соотношение этнической и национальной идентичности : дис. ... канд. философ. наук. Волгоград, 2005. 167 с.
189. Даен Д.В. Этническая идентичность в контексте развития национально-культурных объединений : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2003. 160 с.
190. Даллакян К.С.. Проблемы этнонационального самоопределения в условиях глобализации : дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 187 с.

191. Ежова М.Ю. Управление миграционными процессами в Российской Федерации в условиях постсоветских трансформаций: этнополитический аспект : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004 153 с.
192. Зорин В.Ю.. Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ : дис. ... д-р. полит. наук. М., 2003 471 с.
193. Игонин Д.И. Дискурсивные основания государственной миграционной политики в современной России (федеральный и региональный аспекты): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2012. 21 с.
194. Ижаев А.Н. Информационно-политическая и этническая идентичность в пространстве массовой коммуникации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 28 с.
195. Инал-Ипа Н.А. Этнополитические процессы российского общества в контексте глобализации : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 159 с.
196. Калинин В.Ю. Особенности политической деятельности русскоязычной диаспоры в США : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 29 с.
197. Калустьянц Ж.С. Диаспора в социальной динамике современности : дис. ... канд. философ. наук. Владикавказ, 2007. 160 с.
198. Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): дис. ... д-р. полит. наук. СПб., 2009. 42 с.
199. Киноян О.В. Политизация этнической идентичности как фактор мобилизации этнических групп в условиях конфликта : дис. ... канд. полит. наук. Невинномысск, 2009. 185 с.
200. Ковалев М.П. Этнокультурная идентичность диаспоры в глобализирующемся мире: специфика состояния и векторы изменения в процессе репатриации: автореферат дисс. канд. философ. наук. Томск, 2011. 24 с.
201. Коробов А.А. Миграционный фактор напряженности этнополитических отношений в Российской Федерации : дис. ... д-р. полит. наук. Саратов, 2008. 450 с.

202. Королев Ю.А. Информационно-политические императивы региональной безопасности : на примере Саратовской области : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2009. 197 с.
203. Кремер Е.Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2010. 21 с.
204. Курске В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования: автореф. дис.канд. социол.. М., 2011, 27 с.
205. Лебедева Н.М. Социальная психология аккультурация этнических групп : дис. ... д-р. психол. наук. М., 1997 310 с.
206. Лепяхова С.В. Политико-правовое обеспечение этнокультурной безопасности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 184 с.
207. Макарова Г.И. Этническая и российская идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики : дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 167 с.
208. Митракова Е.И. Институционализация неформальных политико-правовых практик в современной России как угроза национальной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 151 с.
209. Мокин К.С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде : дис. ... д-р. социол. наук. Саратов, 2007. 310 с.
210. Мощенок С.Е. Социальные показатели развития и функционирования этнической диаспоры : Теоретико-методологические основания : дис.... канд. социол. наук. М., 2002. 176 с.
211. Мукомель В.И. Социокультурные факторы миграционной политики постсоветской России : дис. ... д-р. социол. наук. М., 2006. 398 с.
212. Мыльников М.А. Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2009. 25 с.

213. Олиниченко Г.Г. Толерантность как фактор мирового политического процесса : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 153 с.
214. Панкратова Л.А. Национально-культурная автономия в России (По материалам автономии российских немцев) : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. 200 с.
215. Поликанова Т.В. Информационное обеспечение оптимизации межнациональных отношений в Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 166 с.
216. Папян В.Ю. Национально-культурное самоопределение как фактор упрочения гражданской идентичности современного российского общества : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009. 196 с.
217. Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей : дис. ... д-р. полит. наук. М., 2000. 387 с.
218. Попков В. Д. Диаспорные общины в межкультурном взаимодействии: пути формирования и тенденции развития: автореф. дис. ... д-р. соц. наук. М., 2003. 395 с.
219. Регент Т.М. Проблемы государственного управления миграционными процессами в России : дис. ... д-р. экон. наук. М., 2001. 336 с.
220. Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности : дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 225 с.
221. Рязанова С.А. Этнополитическая динамика в современной России (На материалах Приволжского федерального округа) : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2003 142 с.
222. Сагдиева Э.А. Актуализация социальных и этнических ресурсов в экономических стратегиях трудовых мигрантов : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2010. 25 с.
223. Саетгараев А.Д. Соотношение политической и этнической идентичностей : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань 2011. 22 с.
224. Сафин Р.Р. Межэтнические отношения в Республике Татарстан: особенности влияния образа «чужого» на этническую идентичность

- студенческой молодежи основных этнических групп : дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2007. 215 с.
225. Сеидов Ш.Г. Информационные процессы как фактор развития современных международных отношений: политический анализ развивающегося мира : дис.... д-р. полит. наук. М., 2009. 361 с.
226. Табеев Э.Ф. Тенденции и противоречия социально-политического развития Республики Татарстан как субъекта Российской Федерации : дис. ... д-р. полит. наук. М., 2005. 320 с.
227. Титова Т.А. Этнические меньшинства в городах Республики Татарстан : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 422 с.
228. Торин В.А. Информационно-политическая природа СМИ и механизмы их политической актуализации в современном российском обществе : дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 192 с.
229. Тюканько А.А. Этнополитические процессы в России и их влияние на национальную безопасность (политологический анализ) : дис.... канд. полит. наук. М., 2007. 152 с.
230. Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 1996. 36 с.
231. Шабалин И.А. Имидж региона как информационно-политический ресурс : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 225 с.
232. Шевченко Алевтина Владимировна. Информационная устойчивость политической системы постиндустриального общества : дис. ... д-р. полит. наук. М., 2006. 384 с.
233. Широкова Т.В. Феномен политизированной этнической идентичности: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Сочи, 2011. 25 с.
234. Шустов А. Становление независимых государств Центральной Азии. Этносоциальные проблемы (1991-2005 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006. 26 с.

235. Фадеичева М.А. Этнополитические концепции этнонациональных общностей и индивидов (Теоретико-методологический анализ) : дис. ... д-р. полит. наук. Екатеринбург, 2004. 311 с.
236. Ямалнеев И. М. Этнорегиональная идентичность как политический проект: На примере Республики Татарстан : дис. ... канд. наук. Казань, 2005. 190 с.
237. Яппаров А.Р. Кризис идентичности и политическое сознание транзитивного общества : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2004. 174 с.
238. Ятманова М.Г.. Этнический фактор в мировой политике (Опыт и перспективы российско-германских отношений) : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2004 195 с.

2.3. Материалы конференций

239. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность; политика самосознания в конце XX века. // Этничность и власть в полиэтничных государствах: сб. науч. ст. международной конференции 1993г. М., 1994. С.42-72.
240. Роль СМИ в профилактике и нейтрализации экстремизма // Роль средств массовой информации в профилактике и нейтрализации этнического экстремизма: сб. науч. ст. проблемно-целевого семинара. Оренбург, 2002. С. 47 – 52.
241. Кожанов. И.В. Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Современные проблемы науки и образования. 2013. №3. URL: www.science-education.ru/109-9187 (дата обращения: 10.05.2014).
242. Майборода Э.Т., Цапко М.И. Управление этнополитическими процессами: формирование методологии и основных концептов // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. ст. Вып. XVIII. Ставрополь, 2009. С. 82.85.
243. Низамова Л.Р. Мультикультурализм в системе актуальных политических и социальных ценностей // Толерантность как фактор межэтнического и

- межкультурного взаимодействия и сближения культур в условиях глобализации - 2010: сб. науч. ст. Межд. науч.-практ. конф. 16 - 18 ноября 2010 г., г. Казань / Казан. ун-т; Оргкомитет: Л.Р.Усманова и др. Казань, 2010. С. 155-159.
244. Нуриахметова Ф.М. Исламские концепции толерантности – ответ на вызовы современности // Третий культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: сб. науч. ст. Санкт-Петербург, 2010. С. 532-533.
245. Нуриахметова Ф.М. Мусульмане Запада: проблемы семьи и брака // Проблемы брака и супружества в условиях полиэтнического общества: сб. науч. ст. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 15 мая 2012 г. / сост. и научн. ред. д-р социол. наук, проф. Л.В.Карцева. Казань, 2012. С. 90-106.
246. Нуриахметова Ф.М. Этнокультурное многообразие и толерантность // Казань на перекрестке эпох и культур: сб. науч. ст. /под ред. Л.В. Карцевой. Казань, 2011. С. 73-76.
247. Садохин А. П. Компетентность и компетентностный подход в диалоге культур: сущность и базовые показатели // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: материалы международной конференции. М., 2008. С. 80-92.
248. Социальное управление, коммуникация и социальные проектные технологии: сб. науч. ст. Всероссийской конференции приуроченной к 75-летию со дня рождения профессора Тамары Моисеевны Дридзе, 5-6 октября 2005 г. / Редколлегия А.В.Тихонов (отв. ред.), и др. М., 2006. С. 347-351.
249. Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: сб. науч. ст. международной научной конференции, 3-5 апреля 2008 г. М, 2009. С.134.
250. Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества // сб. науч. ст. международной научно-

практической конференции. Казань, 26-28 июня 2008 г. / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань, 2009. 388 с.

III. Интернет-материалы

251. Гульзат Колобаева, «Маш ботой» философии [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстана. URL: <http://www.an-tat.ru/movies/2809> (дата обращения 11.03.2013).
252. Дом Дружбы народов Татарстана [Электронный ресурс] // Официальный сайт Дома дружбы народов Татарстана. URL: <http://www.anco-rt.ru/index.php?i=5> (дата обращения: 07.05.2009).
253. Межнациональные отношения в Татарстане [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстан. URL: <http://www.an-tat.ru/?id=960> (дата обращения: 10.05.2009).
254. Миграция в рамках права, закона и свободы [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстан. URL: <http://www.an-tat.ru/?id=1174> (дата обращения: 19.05.2009).
255. Молодежное крыло Ассамблеи народов Татарстана [Электронный ресурс] // Ассамблея народов Татарстан. URL: <http://www.an-tat.ru/molodezhnoe-krylo> (дата обращения 11.03.2013).
256. Официальный сайт Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» [Электронный ресурс] URL: <http://www.wpfdc.org/> (дата обращения 26.08.2013).
257. Пир на весь мир [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/id11851441?w=wall11851441_827 (дата обращения 11.03.2013).
258. Пир на весь мир [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/id11851441?w=wall11851441_798 (дата обращения 11.03.2013).
259. Пир на весь мир [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/id11851441?w=wall11851441_760
260. Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор [Электронный ресурс] // Библиотека сайта социологического факультета МГУ им.

М.В. Ломоносова. URL: // <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0kongress> (дата обращения: 11.04.2012).

261. Профилактика правонарушений в миграционной сфере и борьба с нелегальной миграцией. Министерство внутренних дел по Республике Татарстан [Электронный ресурс] // Официальный портал Министерства внутренних дел по Республики Татарстан URL: <http://mvd.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/283437.htm> (дата обращения 20.04.2014).
262. Резолюция VI съезда Ассамблеи народов России от 8 июля 2013 г. URL: [http://www.economy.irkobl.ru/sites/ngo/sotsialno_orientirovannye_nekommercheskie_organizatsii/gubernskoe_sobranie_obshchestvennosti_irkutskoy_oblasti/Резолюция%20Съезда\[1\].pdf](http://www.economy.irkobl.ru/sites/ngo/sotsialno_orientirovannye_nekommercheskie_organizatsii/gubernskoe_sobranie_obshchestvennosti_irkutskoy_oblasti/Резолюция%20Съезда[1].pdf) (дата обращения 30.04.2014).
263. СМИ о Форуме по взаимодействию национально-культурных автономий и органов государственной власти Российской Федерации (г. Казань) [Электронный ресурс] // Федеральная еврейская национально-культурная автономия. URL: fenkar.ru/assets/files/SMIoForumevKazani.doc (дата обращения 26.08.2013).
264. Туркмены в Казани [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: <http://vk.com/club44130778> (дата обращения 11.03.2013).
265. Узбеки в Казани [Электронный ресурс] // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/uzbeki_v_kazani (дата обращения 11.03.2013).
266. Фонд содействия трудовым мигрантам в республике Татарстан [Электронный ресурс] URL: <http://888999.ru/> (дата обращения: 26.05.2013).

Программа исследования этнической идентичности центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан

Актуальность исследования обусловлена полиэтническими реалиями Республики Татарстан (РТ). Народы РТ отличаются как по цивилизационному типу (в республике проживают представители как «западного», так «восточного» типа культур, к примеру: немцы и арабы), конфессиональной принадлежности (мусульмане, православные христиане, католики, иудеи, буддисты и другие), так и по типу и уровню интенсивности проявления этнической идентичности. В таких поликультурных регионах как Татарстан, в котором проживают свыше 120 этносов, актуализируется проблема межэтнических и межкультурных взаимодействий, обеспечения бесконфликтного их протекания и безопасности республики в целом. В целях развития межкультурного диалога и профилактики конфликтных ситуаций в межэтническом взаимодействии, автором проводится междисциплинарное исследование, направленное на всестороннее изучение этнической идентичности центрально-азиатских диаспор Татарстана.

Проблема исследования формулируется следующим образом: необходим анализ этнической идентичности центрально-азиатских диаспор РТ, степени интенсивности ее проявления, положительного или негативного ее характера; выявление причин, влияющих на сохранение либо изменение этнической идентичности в контексте обеспечения этнокультурной и социально-политической стабильности республики, а также ее дальнейшего развития и обогащения посредством межкультурных и межэтнических коммуникаций.

Объект исследования – этническая идентичность представителей центрально-азиатских (казахской, кыргызской, узбекской, таджикской и туркменской) диаспор, проживающих в республике Татарстан.

Предмет исследования – факторы, влияющие на формирование позитивной (способствующей развитию межэтнических отношений) либо негативной этнической идентичности (способной привести к ситуациям межэтнической напряженности и межэтническим конфликтам) представителей центрально-азиатских диаспор.

Цель исследования – выделить факторы, влияющие на процессы сохранения и трансформации этнической идентичности представителей центрально-азиатских диаспор, развития позитивного или негативного ее варианта, с последующим выделением механизма протекания этих процессов как модели изменения идентичности в условиях проживания в иноэтнокультурной среде.

Задачи исследования:

1. Выявить степень интенсивности проявления этнической идентичности у представителей центрально-азиатских диаспор Татарстана;
2. Проанализировать факторы, усиливающие или ослабляющие этническую идентичность представителей исследуемых этносов, а также факторы,

влияющие на становление положительной или негативной этнической идентичности опрашиваемых;

3. Выделить степень устойчивости этнической идентичности респондентов или склонность к ее трансформации: а) в условиях регулярных межэтнических взаимодействий, помимо взаимодействия с членами своей диаспоры; б) в ситуации взаимодействия преимущественно с членами своей диаспоры; в) в случаях отстраненности от жизнедеятельности своей этнической диаспоры;
4. Проанализировать связь между этнической идентичностью респондентов и: а) уровнем участия в жизнедеятельности диаспоры; б) мерой участия в деятельности национально-культурной автономии своего этноса; в) возрастом, полом и продолжительностью жизни в условиях иной этнокультурной среды;
5. Выявить связь между: а) компетентностью в культуре и языке своего этноса и этнической идентичностью; б) открытости к межкультурным коммуникациям и этнической идентичностью; в) этнической идентичностью и степенью активности в политической жизни; г) этнической идентичностью и уровнем конфликтности центрально-азиатских этнических диаспор, используя ответы их представителей;
6. На основе полученных данных описать механизм изменения этнической идентичности в условиях поликультурного и полиэтнического Татарстана, а также причины, влияющие на этот процесс.

Системное описание объекта исследования. Исследовательский интерес направлен на представителей центрально-азиатских диаспор Татарстана, а именно казахов, узбеков, таджиков, кыргызов и туркмен, проживающих в республике в течение продолжительного времени. Общий объем выборки составил 165 человек обоих полов, в возрасте от 18 до 65 лет, всех уровней образования и степенью продолжительности жизни в РТ от 1 года до 25 лет. В интервью приняли участие 37 человек из казахской диаспоры, 16 – из кыргызской, 42 – таджикской, 50 – узбекской, 20 – туркменской. Выборка формировалась «методом снежного кома».

В качестве используемого **метода сбора информации** целесообразным представляется использование метода стандартизированного интервью представителей центрально-азиатских диаспор и экспертного опроса руководителей центрально-азиатских национально-культурных автономий (НКА) Татарстана. Данный вид сбора информации для настоящего исследования является наиболее адекватным способом сбора данных ввиду экономичности по времени проведения и обработки данных. Указанные методы находят широкое применение и популярность в обществоведческих и общегуманитарных исследованиях, в том числе и в политологических.

БЛАНК СТАНДАРТИЗИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ

*Уважаемый респондент! Предлагаем Вам принять участие в социологическом исследовании «Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор Татарстана». От вашего внимания и искренности во многом будет зависеть характер полученных результатов. Для ответа на вопрос достаточно обвести кружком номер того варианта, который Вы считаете наиболее правильным. Если ни один из имеющихся вариантов ответов не соответствует Вашему мнению, то напишите свой ответ на свободной строке. Просим Вас не пропускать ни одного вопроса. Ваше мнение будет изучено и учтено. **Анонимность** опроса мы гарантируем, фамилию и имя указывать не нужно.*

Благодарим за участие в исследовании!

1. Отметьте, что наиболее для Вас важно в общении с людьми:

Степень важности Критерии	Важно 1	Скорее важно 2	Скорее не важно 3	Не важно 4	Затрудняюсь ответить 5
национальность					
религия					
уровень культуры					
уровень образования					
личные качества и характер					
все вышеперечисленное					
другое (указать)					

2. Укажите, пожалуйста, Вашу национальность: _____

3. Ваш родной язык – _____

4. Ваша Родина – это: _____

5. Укажите, пожалуйста, гражданином какой страны Вы являетесь

6. Ваше отношение к Родине:

1) я истинный патриот, но живу в России, потому что

2) я не патриот, предпочитаю жить в Татарстане (России), потому что

3) затрудняюсь ответить

7. Скажите, какие качества присущи Вашему народу:

8. Если бы Вы имели возможность выбора, какую национальность Вы бы выбрали:

- 1) русский
- 2) татарин
- 3) узбек
- 4) таджик
- 5) казах
- 6) кыргыз

7) другую (указать) _____

8) затрудняюсь ответить

9. Отметьте, какими языками Вы владеете и в какой степени:

Языки Уровень владения	Родной	Русский	Татарский	Другой/другие (указать какой/какие)
Понимаю, общаюсь на нем свободно				
Понимаю, иногда общаюсь на нем				
Понимаю, но не общаюсь на нем				
Не понимаю, не общаюсь на нем				

10. Перечислите, какие национальные праздники своей Родины Вы отмечаете в Татарстане?

11. Как, по Вашему мнению, в основном должен строиться уклад жизни семьи? (отметьте не более трех вариантов):

- 1) согласно национальным традициям
- 2) согласно шариату
- 3) согласно общим ценностям и нормам российского общества
- 4) согласно традициям семьи мужа
- 5) согласно традициям семьи жены
- 6) по всем вышеперечисленным принципам
- 7) другое (указать) _____
- 8) затрудняюсь ответить

12. Какую форму одежды Вы предпочитаете?

- 1) национальную
- 2) мусульманскую
- 3) обычную, как и у всех россиян
- 4) другое (указать) _____

13. Какую кухню Вы предпочитаете?

- 1) национальную
- 2) татарскую
- 3) русскую
- 4) европейскую
- 5) экзотическую
- 6) разную
- 7) другую (указать) _____

14. Как обустроен Ваш дом/квартира?

- 1) согласно традициям, много национальных предметов мебели, посуды и т.д.
- 2) в смешанном стиле: есть национальные предметы с Родины, но в целом, как и у всех россиян
- 3) в европейском стиле
- 4) другое (указать) _____

15. В какой степени для Вас значима Ваша национальная принадлежность?

- 1) очень значима
- 2) значима
- 3) мало значима
- 4) совсем не значима
- 5) затрудняюсь ответить

16. Какие языки Вы использует в общении с...

Языки	Родной	Русский	Татарский	Другой (указать)
родными				
земляками				
друзьями				
коллегами				
незнакомыми людьми				

17. Как много Вы знаете об истории своего народа?

- 1) знаю все
- 2) знаю достаточно
- 3) знаю немного
- 4) практически ничего не знаю
- 5) совершенно ничего не знаю

18. Как много Вы знаете о традициях своего народа?

- 1) знаю все
- 2) знаю достаточно
- 3) знаю немного
- 4) практически ничего не знаю
- 5) совершенно ничего не знаю

19. Соотносите ли Вы Ваши действия в различных жизненных ситуациях с Вашими национальными традициями?

- 1) да
- 2) скорее, да
- 3) скорее, нет
- 4) нет
- 5) затрудняюсь ответить

20. Что для Вас значит быть человеком определенной национальности?**(отметьте не более трех вариантов):**

- 1) родиться в семье, где оба родители этой национальности
- 2) родиться в семье, где один из родителей этой национальности
- 3) говорить на языке этой национальности
- 4) жить культурой этой национальности
- 5) исполнять традиции и обычаи этой национальности
- 6) знать историю этой нации
- 7) проживать на территории с людьми такой же национальности
- 8) общаться с людьми такой же национальности
- 9) иметь мужа/жену такой же национальности
- 10) иметь присущие этой национальности особенности мировоззрения
- 11) поддерживать связи с Родиной
- 12) другое (указать) _____

21. Как часто Вы общаетесь со своими земляками?

- 1) каждый день
- 2) несколько раз в неделю
- 3) еженедельно
- 4) несколько раз в месяц
- 5) ежемесячно
- 6) несколько раз в год
- 7) ежегодно
- 8) другое (указать) _____
- 9) никогда не общаюсь с земляками

22. Укажите на свободной строке, с представителями каких национальностей Вы бы предпочли общаться реже?

23. По Вашему мнению, брак с представителем другой национальности:

- 1) невозможен
- 2) распадется через некоторое время
- 3) в такой семье непременно будут происходить конфликты
- 4) национальность мужа/жены не имеет значения, если у них одна религия
- 5) национальность мужа/жены не имеет значения, если у них общие традиции
- 6) национальность мужа/жены не имеет значения
- 7) такой брак возможен и даже желателен
- 8) затрудняюсь ответить

24. Как Вы оцениваете состояние межэтнических отношений в Татарстане?

- 1) добрососедские
- 2) терпимые
- 3) нейтральные
- 4) напряженные
- 5) нетерпимые
- 6) межэтнические отношения отсутствуют, народы взаимно изолируются друг от друга
- 7) затрудняюсь ответить

25. Ощущаете ли Вы себя чужим?

- 1) да, ощущаю
- 2) нет, не ощущаю
- 2) затрудняюсь ответить

26. Что Вы почувствуете, если услышите обвинения или негативные высказывания в адрес Вашей национальности и Ваших земляков:

- 1) непременно приму это на личный счет
- 2) почувствую обиду за свой народ
- 3) почувствую гнев и отвечу тем же
- 4) не стану принимать это во внимание
- 5) затрудняюсь ответить
- 6) другое (указать) _____

27. Как бы Вы поступили в случае массового столкновения людей на межнациональной почве?

- 1) сделал бы всё, от меня зависящее, для того, чтобы прекратить это
- 2) ни в коем случае не стал бы вмешиваться
- 3) постарался бы лично не вмешиваться, но мои симпатии были бы на стороне «своих»
- 4) при возможности оказал бы поддержку «своим»
- 5) не колеблясь, присоединился бы к «своим»
- 6) вообще не представляю себе такой ситуации в месте своего проживания
- 7) другое (указать) _____
- 8) затрудняюсь ответить

28. Как, по Вашему мнению, должен действовать человек в случае спора на тему межнациональных отношений с человеком другой национальности?

- 1) защищать интересы своей нации
- 2) постараться понять другую сторону
- 3) не вступать в межнациональный спор
- 4) я категорически против любых межнациональных споров, это неправильно
- 5) затрудняюсь ответить
- 6) другое (указать) _____

29. Случалось ли Вам на территории Татарстана находиться в межнациональном или межэтническом ...

	противоречии	споре	конфликте
да, случалось			
нет, не случалось			
затрудняюсь ответить			

30. Если да, то с представителями каких из перечисленных национальностей вы находились в ...

	противоречии	споре	конфликте
русскими			
татарами			
узбеками			
таджиками			
казахами			
туркменами			
кыргызами			
другими (указать)			

31. Допускаете ли Вы человека другой национальности в качестве своего/своей:

Варианты	да	скорее да, чем нет	скорее нет, чем да	нет	затрудняюсь ответить
супруги (супруга)					
близкого друга					
приятеля					
супруга (супруги) Ваших детей					
начальника					
подчиненного					

коллеги по работе					
партнёра в совместном деле					

32. Нравится ли Вам жить в Татарстане?

- 1) да
- 2) скорее да
- 3) скорее нет
- 4) нет
- 5) затрудняюсь ответить

33. Удовлетворены ли Вы национальной политикой, проводимой:

Варианты	да	скорее да, чем нет	скорее нет, чем да	нет	затрудняюсь ответить
в России					
в Татарстане					

34. Отметьте не более трех вариантов ответа в каждой колонке, какие национальности наиболее:**похожи на Вас**

- 1) казахи
- 2) кыргызы
- 3) узбеки
- 4) таджики
- 5) туркмены
- 6) татары
- 7) русские
- 8) другие (указать)

НЕ похожи на Вас

- 1) казахи
- 2) кыргызы
- 3) узбеки
- 4) таджики
- 5) туркмены
- 6) татары
- 7) русские
- 8) другие (указать)

35. Назовите национальности троих ваших лучших друзей:

- 1) _____
- 2) _____
- 3) _____

36. Если бы Вам пришлось коротко рассказать о себе, о каких своих качествах Вы бы рассказали?

37. Удовлетворены ли Вы своим доходом и материальным положением?

- 1) да, вполне
- 2) не совсем
- 3) нет, не удовлетворен

38. Насколько для Вас важна карьера и профессиональный успех?

- 1) важны
- 2) скорее важны
- 3) скорее не важны
- 4) не важны
- 5) затрудняюсь ответить

39. Дайте, пожалуйста, 5 разных ответов на вопрос «Кто я?» (не называя имени и фамилии)

Во-первых, я- _____

Во-вторых, я- _____

В-третьих, я- _____

В-четвертых, я - _____

В-пятых, я- _____

40. Ваш пол:

1) мужской

2) женский

41. Ваш возраст:

1) 15-19 лет

3) 20-24 года

4) 25-29 лет

5) 30-34 года

6) 35-39 лет

7) 40-44 года

8) 45-49 лет

9) 50-54 года

10) 55-59 лет

11) от 60-ти лет и старше

42. Ваше образование:

1) нет среднего образования

2) неоконченное среднее

3) полное среднее

4) средне-специальное или средне-техническое

5) незаконченное высшее

5) высшее

6) другое (указать) _____

43. Скажите, сколько лет Вы проживаете в Татарстане:

1) до 1 года

2) до 3-х лет

3) до 4-х лет

4) 4-9 лет

5) 10-14 лет

6) 15-19 лет

7) 20-24 лет

8) 25-29 лет

9) более 30 лет

ВАШИ ОТЗЫВЫ И ПОЖЕЛАНИЯ

БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ!

Результаты интервью в таблицах и схемах

Таблица 1

*Критерии членов ЦАД РТ при выборе окружения (%)**

Критерии \ Степень важности	Важно	Скорее важно	Скорее не важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
национальность	17,4	13,2	27	31,2	4,2
религия	14,4	14,4	28,2	24	0,6
уровень культуры	13,8	36	14,4	10,8	-
уровень образования	21,6	16,8	25,2	12	0,6
личные качества и характер	31,2	22,8	6,6	10,2	1,2
все вышеперечисленное	15,6	7,8	1,2	4,8	0,6

* 1-3 варианта ответа

Таблица 2

*Критерии членов казахской диаспоры при выборе окружения (%)**

Критерии \ Степень важности	Важно	Скорее важно	Скорее не важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
национальность	10,8	8,1	21,6	37,8	2,7
религия	13,5	5,4	24,3	24,3	-
уровень культуры	21,6	24,3	18,9	10,8	-
уровень образования	13,5	18,9	21,6	13,5	-
личные качества и характер	51,3	13,5	8,1	10,8	-
все вышеперечисленное	8,1	2,7	5,4	-	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 3

*Критерии членов кыргызской диаспоры при выборе окружения (%)**

Критерии \ Степень важности	Важно	Скорее важно	Скорее не важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
национальность	6	12	24	54	-
религия	12	12	30	42	-
уровень культуры	24	48	6	12	-
уровень образования	30	36	6	12	6
личные качества и характер	48	42	-	6	-
все вышеперечисленное	6	24	-	-	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 4

Критерии членов узбекской диаспоры при выборе окружения (%)*

Критерии \ Степень важности	Важно	Скорее важно	Скорее не важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
национальность	20	10	30	16	10
религия	20	14	32	18	-
уровень культуры	14	36	16	16	-
уровень образования	20	4	26	18	-
личные качества и характер	28	24	14	18	4
все вышеперечисленное	12	8	-	2	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 5

Критерии членов таджикской диаспоры при выборе окружения (%)*

Критерии \ Степень важности	Важно	Скорее важно	Скорее не важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
национальность	7,5	25	25	37,5	-
религия	12,5	27,5	27,5	25	-
уровень культуры	17,5	52,5	12,5	7,5	-
уровень образования	27,5	25	22,5	7,5	-
личные качества и характер	52,5	22,5	-	5	-
все вышеперечисленное	17,5	2,5	-	5	2,5

* 1-3 варианта ответа

Таблица 6

Критерии членов туркменской диаспоры при выборе окружения (%)*

Критерии \ Степень важности	Важно	Скорее важно	Скорее не важно	Не важно	Затрудняюсь ответить
национальность	5	10	40	30	-
религия	10	15	30	30	-
уровень культуры	40	20	15	5	-
уровень образования	25	15	30	10	-
личные качества и характер	55	25	5	5	-
все вышеперечисленное	10	15	-	10	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 7

Распределение по знанию родного языка (%)

Диаспора	Родной язык	Родной язык	Другой язык
Казахская	казахский	67,5	32,5
Кыргызская	кыргызский	90	10
Узбекская	узбекский	96	10
Таджикская	таджикский	97,5	2,5
Туркменская	туркменский	95	5

Таблица 8

Распределение ответов ЦАД о Родине и гражданстве

Варианты Диаспоры	Родина, название	%	Гражданство, страна	%
Казахская	Казахстан	83,7	Казахстан	51,3
Кыргызская	Кыргызстан	100	Кыргызстан	100
Узбекская	Узбекистан	86	Узбекистан	64
Таджикская	Таджикистан	100	Таджикистан	95
Туркменская	Туркменистан	85	Туркменистан	85

Таблица 9

Степень патриотизма в ЦАД (%)

Диаспоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Я патриот	48,6	78	62	52,5	80
Я не патриот	24,3	18	34	7,5	10
Затрудняюсь ответить	27,2	4	4	40	10

Характеристики самоописания группы (%)*

Диаспоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Гостеприимность	35,1	30	40	32,5	65
Доброта	10,8	12	18	15	-
Трудолюбие	-	-	18	15	5
Гордость	-	30	-	7,5	5
Прочие:					
Скромность	5,4	-	2	-	5
Отзывчивость	2,7	-	4	2,5	5
Чувство юмора	5,4	-	2		5
Храбрость	5,4	-	2	5	10
Дружелюбность	5,4	6	5	2,5	10
Простота, открытость	10,8	12	2	2,5	5
Доброжелательность	-	6	2	2,5	15
Благородность	8,1	6	2	2,5	-
Добродушие	5,4	-	-		30
Ум	5,4	-	-		5
Мудрость	2,7	-	-	2,5	-
Культура, воспитанность	5,4	-	2	2,5	-
Образованность	-	6		2,5	-
Толерантность	5,4	12	2	2,5	-
Уважение				2,5	5
Уважение к старшим	-	6	8	2,5	-
Честность	5,4	12	6	2,5	-
Справедливость		6	2	-	-
Терпеливость	5,4	6	2	-	-
Чистоплотность	2,7	-	6	-	-
Патриотизм	2,7	6	2	-	10
Хитрость	5,4	-	-	-	5

* 1-3 варианта ответа

Таблица 11

Выбор желаемой национальности (%)

Диапоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Русский	8,1	-	4	5	10
Татарин	16,2	6	16	5	5
Своя национальность	62,1	84	70	90	45
Национальность не имеет значения	2,7	-	2	-	5
Другие национальности:					
Араб	-	-	2	-	-
Узбек	-	-	-	-	5
Затрудняюсь ответить	8,1	10	6	-	15
Нет ответа	2,8	-	-	-	15

Таблица 12

Уровни владения различными языками в казахской диаспоре РТ (%)*

Уровни владения Языки	Понимаю, общаюсь свободно	Понимаю, иногда общаюсь на нем	Понимаю, но не общаюсь на нем	Не понимаю, не общаюсь на нем
Родной (казахский)	48,6	27	16,2	-
Русский	94,5	2,7	2,7	-
Татарский	8,1	37,8	29,7	16,2
Английский	5,4	13,5	5,4	8,1
Испанский	2,7	-	2,7	-
Немецкий	-	2,7	-	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 13

Уровни владения различными языками в кыргызской диаспоре РТ (%)*

Уровни владения Языки	Понимаю, общаюсь свободно	Понимаю, иногда общаюсь на нем	Понимаю, но не общаюсь на нем	Не понимаю, не общаюсь на нем
Родной (кыргызский)	84	12	6	-
Русский	66	6	-	6
Татарский	6	24	42	-
Английский	6	12	6	-
Все тюркские	-	-	6	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 14

Уровни владения различными языками в узбекской диаспоре РТ (%)*

Уровни владения Языки	Понимаю, общаюсь свободно	Понимаю, иногда общаюсь на нем	Понимаю, но не общаюсь на нем	Не понимаю, не общаюсь на нем
Родной (узбекский)	88	12	-	-
Русский	62	38	8	-
Татарский	28	30	34	-
Английский	2	8	-	-
Таджикский	2	2	-	-
Кыргызский	-	4	-	-
Немецкий	-	2	-	-
Испанский	-	-	2	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 15

Уровни владения различными языками в таджикской диаспоре РТ (%)*

Уровни владения Языки	Понимаю, общаюсь свободно	Понимаю, иногда общаюсь на нем	Понимаю, но не общаюсь на нем	Не понимаю, не общаюсь на нем
Родной (таджикский)	97,5	-	-	-
Русский	92,5	5	2,5	-
Татарский	7,5	42,5	20	7,5
Английский	10	5	-	-
Персидский	5	-	-	-
Турецкий	2,5	-	-	-
Афганский	2,5	-	-	-
Французский	-	5	-	-
Узбекский	5	2,5	-	-
Арабский	-	-	2,5	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 16

Уровни владения различными языками в туркменской диаспоре РТ (%)*

Уровни владения Языки	Понимаю, общаюсь свободно	Понимаю, иногда общаюсь на нем	Понимаю, но не общаюсь на нем	Не понимаю, не общаюсь на нем
Родной (туркменский)	95	5	-	-
Русский	75	20	-	-
Татарский	-	10	45	30
Английский	15	20	5	10
Турецкий	10	-	5	-
Узбекский	5	-	-	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 17

Основные праздники, отмечаемые ЦАД в РТ (%)*

Праздники Диапоры	Национальные	Религиозные	Все, почти все	Никакие
казахская	40,5	62,1	-	10,8
кыргызская	18	100	6	-
узбекская	8	86	16	10
таджикская	12,5	100	35	2,5
туркменская	45	80	25	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 18

Основные принципы строительства семейной жизни (%)*

Диапоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
национальные традиции	37,8	48	48	77,5	60
шариат	27	42	44	52,5	10
Общие ценности российского общества	32,4	6	10	5	-
традиции семьи мужа	35,1	18	42	40	25
традиции семьи жены	10,8	-	20	5	-
Все вышеперечисленные принципы	13,5	30	8	17,5	10

* 1-3 варианта ответа

Таблица 19

Предпочтения членов ЦАД РТ в одежде (%)*

Диапоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Национальная	-	24	26	35	20
Мусульманская	8,1	12	46	32,5	45
Обычная, как и у всех россиян	67,5	66	56	-	50

* 1-3 варианта ответа

Таблица 20

Предпочтения членов ЦАД РТ диаспор в кухне (%)*

Диапоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Национальная	21,6	36	54	72,5	55
Татарская	8,1	12	4	15	10
Русская	10,8	6	2	10	5
Европейская	16,2	18	8	2,5	10
Экзотическая	5,4	18	36	5	-
Разная	67,5	66	-	37,5	45

* 1-3 варианта ответа

Таблица 21

Предпочтения членов ЦАД РТ в обустройстве жилища (%)*

Диапоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Согласно национальным традициям: много национальных предметов мебели, посуды и т.д.	13,5	18	28	22,5	50
В смешанном стиле: есть национальные предметы с Родины, но в целом, как и у всех россиян	48,6	60	50	57,5	15
В европейском стиле	35,1	30	8	5	35

* 1-3 варианта ответа

Таблица 22

Значимость этнонациональной принадлежности (%)

Варианты Диапоры	Очень значима	Значима	Малозначима	Совсем не значима	Затрудняюсь ответить
Казахская	16,2	27	35,1	13,5	8,2
Кыргызская	66	30	-	-	4
Узбекская	38	40	20	-	2
Таджикская	40	52,5	2,5	2,5	2,5
Туркменская	35	40	15	-	10

Таблица 23

Использование родного языка в ЦАД РТ (%)*

Круги общения Диапоры	Родные, близкие	Земляки	Друзья	Коллеги	Незнакомые люди
Казахская	62,1	45,9	27	18,9	13,5
Кыргызская	90	72	66	30	24
Узбекская	90	84	50	18	12
Таджикская	92,5	95	47,5	22,5	7,5
Туркменская	95	95	65	40	25

* 1-3 варианта ответа

Таблица 24

Использование русского языка в ЦАД РТ (%)*

Круги общения Диапоры	Родные, близкие	Земляки	Друзья	Коллеги	Незнакомые люди
Казахская	72,9	75,6	91,8	81	83,7
Кыргызская	12	60	90	78	90
Узбекская	40	40	80	76	68
Таджикская	37,5	37,5	82,5	80	97,5
Туркменская	35	30	80	75	95

* 1-3 варианта ответа

Таблица 25

Использование татарского языка в ЦАД РТ (%)*

Круги общения Диапоры	Родные, близкие	Земляки	Друзья	Коллеги	Незнакомые люди
Казахская	8,1	-	13,5	8,1	5,4
Кыргызская	-	-	12	12	-
Узбекская	8	4	22	10	16
Таджикская	-	-	25	10	7,5
Туркменская	5	5	5	-	-

* 1-3 варианта ответа

Таблица 26

Уровни знаний об истории родного народа (%)

Варианты Диапоры	Знаю все	Знаю достаточно	Знаю немногое	Практиче ски ничего не знаю	Совершен но ничего не знаю	Затрудня юсь ответить
Казахская	8,1	48,6	29,8	13,5	-	-
Кыргызская	6	66	24	-	-	4
Узбекская	18	34	28	16	-	4
Таджикская	12,5	70	17,5	-	-	-
Туркменская	10	80	10	-	-	-

Таблица 27

Уровни знаний о культуре и традициях родного народа (%)

Варианты Диапоры	Знаю все	Знаю достаточно	Знаю немногое	Практически ничего не знаю	Затрудняюсь ответить
Казахская	8,1	59,4	29,7	-	2,8
Кыргызская	18	48	30	-	4
Узбекская	32	38	26	2	2
Таджикская	17,5	80	2,5	-	-
Туркменская	10	70	20	-	-
Уровни этнокультурной компетентности:	высокий	выше среднего	средний	низкий	-

Таблица 28

**Соотношение действий в различных жизненных ситуациях
с национальными традициями (%)**

Варианты Диапоры	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Казахская	10,8	37,8	29,7	13,5	8,2
Кыргызская	24	36	18	12	10
Узбекская	28	57	12	2	1
Таджикская	37,5	40	5	5	12,5
Туркменская	5	55	30	-	10

Таблица 29

Распределение ответов ЦАД на вопрос: «Что означает быть человеком определенной национальности?» (%)*

Варианты \ Диаспоры	казахская	кыргызская	узбекская	таджикская	туркменская
Родиться в семье, где оба родителя этой национальности	56,7	66	68	75	90
Родиться в семье, где один из родителей этой национальности	24,3	30	26	35	10
Говорить на язык этой национальности	18,9	54	50	30	25
Жить культурой этой национальности	32,4	30	26	50	40
Исполнять традиции и обычаи этой национальности	24,3	42	22	30	40
Знать историю этой нации	35,1	30	8	25	5
Проживать на территории с людьми такой же национальности	16,2	6	14	27,5	25
Общаться с людьми такой же национальности	13,5	-	10	27,5	-
Иметь мужа/жену такой же национальности	2,7	-	-	15	15
Иметь присущие этой нации особенности мировоззрения	5,4	6	12	20	-
Поддерживать связи с Родиной	13,5	12	8	20	10

* 1-3 варианта ответа

Таблица 30

Частота общения внутри диаспоры (%)

Частота Диаспоры	Каждый день	Несколько раз в неделю	еженедельно	Несколько раз в месяц	ежемесячно	Несколько раз в год	Ежегодно
Казахская	35,1	21,6	10,8	10,8	2,7	16,2	2,7
Кыргызская	72	6	12	-	6	4	-
Узбекская	68	14	6	12	-	-	-
Таджикская	70	17,5	5	2,5	5	-	-
Туркменская	80	15	5	-	-	-	-

Таблица 31

Распределение ответов по «шкале социальной дистанции» (%)*

Народы \ Диаспоры	Казахи	Кыргызы	Узбеки	Таджики	Туркмены
Кавказские	5,4	12	10	5	5
Таджики	-	18	-	5	-
Кыргызы	10,8	-	10	-	-
Русские	10,8	-	4	-	5
Африканские	-	12	-	-	5

* 1-3 варианта ответа

Таблица 32

Мнения ЦАД РТ о результатах межнационального брака (%)*

Варианты \ Диаспоры	казахская	кыргызская	узбекская	таджикская	туркменская
Невозможен	8,1	-	8	2,5	-
Распадется через некоторое время	13,5	6	12	10	-
В такой семье непременно будут происходить конфликты	10,8	6	12	20	15
Национальность мужа/жены не имеет значения, если у них одна религия	27	48	30	57,5	50
Национальность мужа/жены не имеет значения, если у них общие традиции	2,7	42	12	5	10
Национальность мужа/жены не имеет значения	27	12	8	5	30
Такой брак возможен и даже желателен	5,4	12	8	-	5
Затрудняюсь ответить	8,1	6	6	10	5

* часть респондентов указала несколько вариантов ответа

Таблица 33

Межэтнические отношения в Татарстане по мнениям ЦАД (%)

Варианты Диапоры	Добрососедские	Терпимые	Нейтральные	Напряженные	Нетерпимые	Отношения взаимной изоляции	Затрудняюсь ответить
Казахская	54	24,3	5,4	2,7	2,7	2,7	8,2
Кыргызская	36	24	30	-	-	-	10
Узбекская	38	26	12	4	4	-	16
Таджикская	40	22,5	2,5	5	-	-	30
Туркменская	20	15	50	-	-	-	15

Таблица 34

Распределение мнений ЦАД на вопрос «Ощущаете ли Вы себя чужим?» (%)

Варианты ответов Диапоры	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Казахская	8,1	78,3	13,6
Кыргызская	18	72	10
Узбекская	20	60	20
Таджикская	17,5	82,5	-
Туркменская	25	45	30

Таблица 35

Возможные действия членов ЦАД РТ в ответ на обвинения или негативные высказывания в адрес их национальности (%)

Диапоры Варианты	казахская	кыргызская	узбекская	таджикская*	туркменская *
Непременно приму на личный счет	16,2	30	16	20	30
Почувствую обиду за свой народ	21,6	18	36	52,5	60
Почувствую гнев и отвечу тем же	13,5	24	18	35	15
Не стану принимать это во внимание	18,9	18	14	17,5	20
Затрудняюсь ответить	18,9	10	16	2,5	10
Другое:					
Устрою драку	-	-	-	2,5	-
Нет ответа	10,9	-	-	-	-

* указали несколько вариантов ответа

Таблица 36

**Возможные действия членов ЦАД РТ в случае массового столкновения на
межнациональной почве (%)**

Диаспоры	Казахск ая	Кыргызс кая*	Узбекск ая	Таджикс кая*	Туркмен ская*
Варианты					
Защищать интересы своей нации	8,1	30	38	42,5	25
Постараться понять другую сторону	10,8	18	20	20	5
Не вступать в этот раз в межнациональный спор	29,7	24	20	27,5	5
Я категорически против любых межнациональных споров, это неправильно	40,5	42	12	15	35
Затрудняюсь ответить	5,4	-	10	7,5	35
Нет ответа	10,9	-	-	-	-

* указали несколько вариантов ответа

Таблица 37

**Возможные действия членов ЦАД РТ в случае спора на тему межнациональных
отношений с человеком другой национальности (%)**

Диаспоры	Казахск ая	Кыргызс кая*	Узбекск ая	Таджикс кая*	Туркмен ская*
Варианты					
Защищать интересы своей нации	8,1	30	38	42,5	25
Постараться понять другую сторону	10,8	18	20	20	5
Не вступать в этот раз в межнациональный спор	29,7	24	20	27,5	5
Я категорически против любых межнациональных споров, это неправильно	40,5	42	12	15	35
Затрудняюсь ответить	5,4	-	10	7,5	35
Нет ответа	10,9	-	-	-	-

* указали несколько вариантов ответа

Таблица 38

Участие ЦАД РТ в межнациональных или межэтнических противоречиях, спорах, конфликтах на территории Татарстана (%)

Варианты Диапоры	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Казахская	32,4	48,6	8,1	10,9
Кыргызская	42	36	12	10
Узбекская	32	28	38	2
Таджикская	22,5	42,5	15	20
Туркменская	20	45	10	25
Казахская	29,7	62,1	8,2	-
Кыргызская	48	30	-	22
Узбекская	34	24	16	26
Таджикская	32,5	50	7,5	10
Туркменская	25	60	5	10
Казахская	10,8	70,2	10,8	8,2
Кыргызская	24	48	-	28
Узбекская	26	28	12	34
Таджикская	35	50	7,5	7,5
Туркменская	30	50	10	10

Национальности участников межнациональных или межэтнических противоречий, споров, конфликтов с членами ЦАД на территории Татарстана (%)*

Диаспоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская	Все го:
Межнациональные противоречия:						
Русские	21,6	36	18	32,5	20	25,2
Татары	13,5	6	14	17,5	-	12
Узбеки	5,4	12	10	-	-	2,4
Таджики	2,7	12	4	-	-	4,8
Казахи	2,7	12	18	2,5	-	3,6
Туркмены	-	6	-	2,5	-	0,6
Кыргызы	5,4	6	18	5	-	8,4
Африканские народы	2,7			-	-	0,6
Азербайджанцы			2	-	-	0,6
Кумыки				2,5	-	0,6
Межнациональные споры:						
Русские	21,6	30	28	25	20	29,4
Татары	10,8	30	20	20	15	18
Узбеки	-	24	2	7,5	-	4,8
Таджики	2,7	24	10	-	-	6
Казахи	2,7	6	-	-	-	1,2
Туркмены	-	6	2	-	-	0,6
Кыргызы	8,1	-	24	-	-	9
Кавказские народы	-	-	-	-	5	0,6
Межнациональные конфликты:						
Русские	13,5	12	18	20	25	17,4
Татары	5,4	12	12	25	15	13,8
Узбеки	-	6	-	5	-	1,8
Таджики	-	18	4	-	-	3
Казахи	-	6	-	-	-	0,6
Туркмены	-	6	2	-	-	1,2
Кыргызы	5,4	-	16	-	-	6,6
Кавказские народы	-	-	-	-	5	0,6

*** 1-3 варианта ответа**

Таблица 40

Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий ЦАД (%)*

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	44,4	12	11,4	13,2
Близкий друг		51,6	20,4	3,6	4,2
Приятель		48	16,8	2,4	4,8
Начальник		46,2	13,8	6	4,8
Подчиненный		40,8	18,6	3,6	3
Коллега		43,2	67,2	2,4	3
Партнер в деле		43,8	66,6	3	6

* 1-3 варианта ответа

Таблица 41

**Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий
казахской диаспоры (%)***

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	62,1	8,1	8,1	10,8
Близкий друг		62,1	18,9	-	5,4
Приятель		62,1	13,5	-	5,4
Супруг/супруга Ваших детей		48,6	8,1	10,8	13,5
Начальник		62,1	18,9	-	8,1
Подчиненный		54	27	-	2,7
Коллега		59,4	18,9	2,7	2,7
Партнер в совместном деле		54	21,6	-	10,8

* 1-3 варианта ответа

Таблица 42

**Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий
кыргызской диаспоры (%)***

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	48	24	-	12
Близкий друг		60	18	-	6
Приятель		42	18	-	6
Супруг/супруга Ваших детей		-	24	12	24
Начальник		42	12	6	12
Подчиненный		54	6	6	6
Коллега		48	18	-	6
Партнер в совместном деле		30	12	6	6

* 1-3 варианта ответа

Таблица 43

**Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий
узбекской диаспоры (%)***

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	26	10	14	10
Близкий друг		44	16	-	2
Приятель		32	18	8	6
Супруг/ супруга Ваших детей		22	12	8	28
Начальник		40	22	6	6
Подчиненный		40	22	6	2
Коллега		40	22	6	2
Партнер в совместном деле		38	22	6	6

* 1-3 варианта ответа

Таблица 44

**Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий
таджикской диаспоры (%)***

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	32,5	12,5	17,5	12,5
Близкий друг		55	20	-	2,5
Приятель		55	17,5	-	2,5
Супруг/ супруга Ваших детей		37,5	12,5	10	10
Начальник		45	15	5	2,5
Подчиненный		47,5	15	-	2,5
Коллега		47,5	15	-	2,5
Партнер в совместном деле		45	15	-	2,5

* 1-3 варианта ответа

Таблица 45

**Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий
туркменской диаспоры (%)***

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	50	5	20	10
Близкий друг		55	35	-	-
Приятель		60	20	-	5
Супруг/ супруга Ваших детей		40	-	15	20
Начальник		45	20	5	5
Подчиненный		50	25	-	5
Коллега		55	25	-	5
Партнер в совместном деле		55	20	10	5

* 1-3 варианта ответа

Таблица 46

Удовлетворенность жизнью в РТ (%)

Варианты Диапоры	да	скорее да	скорее нет	нет	затрудняюсь ответить
Казахская	59,4	32,4	2,7	-	5,5
Кыргызская	78	22	-	-	-
Узбекская	62	28	6	-	4
Таджикская	70	25	2,5	2,5	-
Туркменская	30	55	-	-	15

Таблица 47

Удовлетворенность национальной политикой в России и Татарстане среди членов ЦАД РТ (%)

Варианты Диапоры	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская	Всего:
В России:						
Да	27	42	28	40	25	28,2
Скорее да, чем нет	21,6	6	18	32,5	25	21,6
Скорее нет, чем да	18,9	30	14	15	5	15,6
Нет	8,1	6	14	10	10	10,2
Затрудняюсь ответить	24,4	16	26	2,5	35	24,4
В Татарстане:						
Да	37,8	42	50	37,5	35	40,8
Скорее да, чем нет	32,4	30	12	27,5	25	23,4
Скорее нет, чем да	8,1	12	8	-	-	5,4
Нет	-	-	8	5	-	3,6
Затрудняюсь ответить	21,7	16	22	30	40	26,8

Величина этнокультурных границ с различными народами (%)*

Диапоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская	Всего:
Похожие народы (минимальные этнокультурные границы):						
Казахи		78	2	12,5	10	10,2
Кыргызы	67,5		10	17,5	5	22,8
Узбеки	32,4	42		52,5	70	32,4
Таджики	-	-	56		10	18
Туркмены	5,4	12	32	55		25,2
Татары	48,6	24	32	35	50	37,2
Русские	18,9	6	4	2,5	-	6,6
Другие:						
Монголы	2,7	-	-	-	-	0,6
Калмыки	2,7	6	-	-	-	1,2
Дагестанцы	-	-	-	2,5	-	0,6
Ингуши	-	-	-	2,5	-	0,6
Кавказские народы в целом	-	-	-	2,5	-	0,6
Азербайджанцы	-	-	-	-	5	0,6
Турки	-	-	-	-	5	0,6
Не похожие народы (максимальные этнокультурные границы):						
Казахи	-	12	62	52,5	45	37,8
Кыргызы	2,7		56	40	40	54
Узбеки	16,2	12		22,5	5	10,8
Таджики	59,4	60	10		25	25,2
Туркмены	40,5	48	8	17,5	-	20,4
Татары	21,6	12	12	27,5	-	16,2
Русские	64,8	60	58	77,5	45	61,8
Другие:						
Кавказские народы в целом	2,7	-	2	-	-	1,2
Азербайджанцы	-	-	-	2,5	-	0,6

* 1-3 варианта ответа

Национальности лучших друзей (%)*

Друзья Диапоры	Земляки	Татары	Русские	Другие
Казахская	56,7	83,7	81	-
Кыргызская	78	60	54	-
Узбекская	100	66	34	-
Таджикская	100	50	-	60 (узбеки)
Туркменская	100	45	35	

* 1-3 варианта ответа

Личностные характеристики самоописания члена группы (%)*

Диаспоры Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская	Всего
Коммуникабельность	5,4	6	4	12,5	25	9
Доброта	2,7	18	12	10	15	9
Ум	5,4	6	8	7,5		6
Прочие:						
Целеустремленность	5,4	6	10	2,5		5,4
Честность	5,4		4	7,5	10	4,8
Трудолюбие	2,7		12	2,5	5	4,2
Отзывчивость	5,4	12	2	2,5		3,6
Хороший (ая)	2,7	6	4	5		3
Красота	8,1		2		5	3
Религиозность	8,1		2			2,4
Мудрость	8,1	-		2,5		2,4
Гордость	-	18			5	2,4
Активность	5,4	6				1,8
Доброжелательность	2,7	6	2			1,8
Открытость	5,4			2,5		1,8
Жизнелюбие	2,7	6		2,5		1,8
Ответственность	5,4			5		1,8
Гостеприимность	2,7	6	2			1,8
Справедливость	2,7		2	2,5		1,8
Верность традициям		6			10	1,8
Терпеливость			2	2,5	5	1,8
Талант	2,7		2			1,2
Скромность	-	6		5		1,2
Щедрость	2,7	6				1,2

* 1-3 варианта ответа

Таблица 51

Удовлетворенность собственным материальным положением и доходами (%)

Удовлетворенность Диапоры	Да	Не совсем	Нет	Затрудняюсь ответить
Казахская	51,3	32,2	5,4	11
Кыргызская	60	30	6	4
Узбекская	56	32	4	8
Таджикская	60	35	5	-
Туркменская	55	35	5	5

Таблица 52

Важность профессионального успеха (%)

Удовлетворенность Диапоры	Важны	Скорее важны	Скорее не важны	Затрудняюсь ответить
Казахская	54	37,8	2,7	5,5
Кыргызская	72	24	-	4
Узбекская	34	44	12	10
Таджикская	70	25	2,5	2,5
Туркменская	65	25	10	-

Таблица 53

Иерархия характеристик самоописания (%)*

Диапоры Характеристики	Казахи	Кыргызы	Узбеки	Таджики	Туркмены
1. Семья	59,4	54	44	77,5	100
2. Личные качества	43,2	78	40	45	25
3. Студент	35,1	36	22	35	50
4. Национальность	21,6	36	30	45	20
5. Человек	32,4	18	26	40	35
6. Мусульманин	10,8	12	16	60	20
7. Профессия, работа	27	-	46	17,5	25
8. Мужчина/ 9. женщина	29,7	12	22	22,5	20
10. Друг/ подруга	24,3	18	20	22,5	20
11. Личность	13,5	6	6	7,5	25
12. Гражданин	2,7	12	8	10	15
13. Патриот	-	24	10	2,5	5

* 1-3 варианта ответа

Таблица 54

Распределение членов ЦАД по гендерному признаку(%)

Пол Диапоры	Мужской	Женский
Казахская	46	54
Кыргызская	65	35
Узбекская	58	42
Таджикская	47,5	52,5
Туркменская	50	50

Таблица 55

Распределение членов ЦАД по возрастным характеристикам(%)

Возраст Диапоры	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54
Казахская	18,9	51,3	13,5	2,7	5,4	2,7	2,7	2,7
Кыргызская	18	48	12	18	4	-	-	-
Узбекская	6	36	25	15	18	-	-	-
Таджикская	22,5	50	5	10	12,5	-	-	-
Туркменская	55	35	-	5	5	-	-	-

Таблица 56

Распределение членов ЦАД по уровню образования (%)

Образование Диапоры	Нет среднего образов.	Неполное среднее	Полное среднее	Среднеспец иальное или среднетехни ческое	Незакончен ное высшее	Высшее
Казахская	10,8	2,7	13,5	13,5	21,6	37,8
Кыргызская	6	-	30	-	42	18
Узбекская	2	4	38	10	26	14
Таджикская	-	5	17,5	2,5	55	17,5
Туркменская	-	-	20	10	60	15

Таблица 57

Продолжительность проживания ЦАД в РТ (%)

Длительность Диапоры	До 1 года	До 3х лет	До 4х лет	4-9 лет	10-14 лет	15-19 лет	20-24 года	25-29 лет
Казахская	5,4	13,5	32,4	21,6	8,1	13,5	2,7	2,7
Кыргызская	6	24	6	66	-	-	-	-
Узбекская	6	20	22	38	8	2	4	-
Таджикская	15	37,5	12,5	32,5	2,5	-	-	-
Туркменская	35	50	5	5	5	-	-	-

Таблица 58

Языки общения (%)*

Варианты Диапоры	Языки общения		
	родной	русский	татарский
Казахская	75,6	97,2	45,9
Кыргызская	96	72	24
Узбекская	100	100	58
Таджикская	97,5	97,5	50
Туркменская	100	95	10

* 1-3 варианта ответа

Таблица 59

Распределение по степени позитивности этнического самообраза (%)

Диапоры Варианты	Кыргызская	Таджикская	Узбекская	Казахская	Туркменская
Значимость этнической принадлежности	высокая	средняя	средняя	низкая	средняя
Устойчивость этнической идентичности	высокая	высокая	высокая	высокая	средняя
Ощущение «чуждости»	низкое	низкое	низкое	низкое	среднее

Таблица 60

Соотношение значимости национальности и религии при выборе окружения членами ЦАД РТ (%)

Критерии Диапоры	Национальность				Религия			
	важно	скорее важно	скорее не важно	неважно	важно	скорее важно	скорее не важно	неважно
казахская	11	8	22	38	13,5	5,4	24	24
кыргызская	6	12	24	54	12	6	30	42
узбекская	20	10	30	16	20	14	32	16
таджикская	6	20	20	30	10	22	22	20
туркменская	5	10	40	30	10	15	30	30

Таблица 61

**Соотношение значимости для членов ЦАД РТ
национальных и религиозных праздников (%)**

Праздники Диапоры	Национальные	Религиозные
казахская	40,5	62,1
кыргызская	18	100
узбекская	8	86
таджикская	12,5	100
туркменская	45	80

Таблица 62

**Соотношение значимости для членов ЦАД РТ национальных традиций и религиозных
норм в построении семьи (%)**

Традиции/нормы Диапоры	Национальные	Религиозные
казахская	64,6	27
кыргызская	48	42
узбекская	48	44
таджикская	77,5	52,5
туркменская	60	10

Таблица 63

**Соотношение значимости для членов ЦАД РТ общности традиций и религии при
заключении межэтнического брака (%)**

Критерии Диапоры	Схожесть национальных традиций	Общность религии
казахская	27	2,7
кыргызская	48	42
узбекская	30	12
таджикская	72,5	5
туркменская	50	10

БЛАНК ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Уважаемый эксперт!

Предлагаем Вам принять участие в экспертном опросе «Этническая идентичность центрально-азиатских диаспор Татарстана». От вашего внимания и искренности во многом будет зависеть характер полученных результатов. Для ответа на вопрос достаточно обвести кружком номер того варианта, который Вы считаете наиболее правильным. Если ни один из имеющихся вариантов ответов не соответствует Вашему мнению, то напишите свой ответ на свободной строке. Просим Вас не пропускать ни одного вопроса. Ваше мнение будет изучено и учтено. Анонимность опроса мы гарантируем, свою фамилию указывать не нужно.

Заранее благодарим Вас за участие в исследовании!

1. Укажите, пожалуйста, Вашу национальность: _____

2. Ваш родной язык – _____

3. Ваша Родина – это: _____

4. Укажите, пожалуйста, гражданином какой страны Вы являетесь

5. Укажите, какую должность Вы занимаете в НКА _____

6. Сформулируйте, пожалуйста, основные цели и задачи вашей НКА:

7. Какие существуют виды и формы общения представителей администрации НКА с членами диаспоры? _____

8. Сколько человек состоит в диаспоре? _____

9. С какими, на Ваш взгляд, основными проблемами сталкиваются члены диаспоры, находясь в РТ? _____

10. Какими методами и способами НКА решает данные проблемы?

11. Что наиболее важно для членов диаспоры, по Вашему мнению, при выборе окружения?

1) национальность

2) религия

3) уровень культуры

4) уровень образования

5) личные качества и характер

6) другое (указать) _____

12. Возможно ли, по Вашему мнению, что при возможности выбора, член диаспоры выбрал бы другую национальность?

13. Если да, то вследствие каких причин?

14. Укажите, какими языками в основном пользуются члены диаспоры с:

Варианты	Родной язык	Русский язык	Татарский язык	Другой (указать)
родными				
земляками				
друзьями				
коллегами				
незнакомыми людьми				

15. Помогает ли укреплению межкультурного общения схожесть Вашего родного и татарского языков? _____

16. Какими методами сохраняется и передается детям родной язык в Вашей НКА?

17. Какими методами сохраняется и передается детям родная культура и традиции в Вашей НКА?

18. Существует ли в жизни членов диаспоры проблема языкового барьера? Если да, то какими методами Вы решаете данную проблему?

19. Перечислите, какие национальные праздники своей Родины Вы отмечаете в Татарстане?

20. Как, по Вашему мнению, в основном должен строиться уклад жизни семьи? (отметьте не более трех вариантов):

- 1) согласно национальным традициям
- 2) согласно шариату
- 3) согласно общим ценностям и нормам российского общества
- 4) согласно традициям семьи мужа
- 5) согласно традициям семьи жены
- 6) по всем вышеперечисленным принципам
- 7) другое (указать) _____
- 8) затрудняюсь ответить

21. Существуют ли отличия в традициях строительства семьи между вашей родной культурой и татарской?

22. Существуют ли различия ценностей между членами вашей диаспоры и теми, кто постоянно проживает на Вашей Родине?

23. Есть ли в Татарстане места, где компактно проживают члены Вашей диаспоры?

24. Меняются ли, на Ваш взгляд, предпочтения членов диаспоры в одежде, еде, музыке, особенностях обустройства дома и так далее в процессе проживания в Татарстане?

25. По Вашему мнению, способствует общность религиозных ценностей укреплению взаимопонимания между мусульманскими народами РТ?

26. В какой степени, на Ваш взгляд, для члена Вашей диаспоры значима его национальная принадлежность?

- 1) очень значима
- 2) значима
- 3) мало значима
- 4) совсем не значима
- 5) затрудняюсь ответить

27. Насколько, по Вашему мнению, рядовой член диаспоры осведомлен о собственных традициях, истории и культуре?

- 1) знает все
- 2) знает достаточно
- 3) знает немного
- 4) практически ничего не знает
- 5) совершенно ничего не знает

28. Всегда ли члены диаспоры в различных жизненных ситуациях поступают в соответствии со своими национальными традициями?

- 1) да
- 2) скорее, да
- 3) скорее, нет
- 4) нет
- 5) затрудняюсь ответить

29. Что для Вас значит быть человеком определенной национальности? (отметьте не более трех вариантов):

- 1) родиться в семье, где оба родителя этой национальности
- 2) родиться в семье, где один из родителей этой национальности
- 3) говорить на языке этой национальности
- 4) жить культурой этой национальности
- 5) исполнять традиции и обычаи этой национальности
- 6) знать историю этой нации
- 7) проживать на территории с людьми такой же национальности
- 8) общаться с людьми такой же национальности
- 9) иметь мужа/жену такой же национальности
- 10) иметь присущие этой национальности особенности мировоззрения
- 11) поддерживать связи с Родиной
- 12) другое (указать) _____

30. Как часто Вы общаетесь со своими земляками?

- 1) каждый день
- 2) несколько раз в неделю
- 3) еженедельно
- 4) несколько раз в месяц
- 5) ежемесячно
- 6) несколько раз в год
- 7) ежегодно
- 8) другое (указать) _____

31. Как часто проводятся официальные встречи членов НКА с Вашим участием?

- 1) каждый день
- 2) несколько раз в неделю
- 3) еженедельно
- 4) несколько раз в месяц
- 5) ежемесячно
- 6) несколько раз в год
- 7) ежегодно
- 8) другое (указать)

32. В каких ситуациях члены диаспоры чаще всего обращаются к Вам?**33. Существует ли, по Вашему мнению, социальная дистанция между членами Вашей диаспоры и другими народами?****34. С какими народами, на Ваш взгляд, эта дистанция длиннее?****35. По Вашему мнению, брак с представителем другой национальности:**

- 1) невозможен
- 2) распадется через некоторое время
- 3) в такой семье непременно будут происходить конфликты
- 4) национальность мужа/жены не имеет значения, если у них одна религия
- 5) национальность мужа/жены не имеет значения, если у них общие традиции
- 6) национальность мужа/жены не имеет значения
- 7) такой брак возможен и даже желателен
- 8) затрудняюсь ответить

36. Как Вы оцениваете состояние межэтнических отношений в Татарстане?

- 1) добрососедские
- 2) терпимые
- 3) нейтральные
- 4) напряженные
- 5) нетерпимые
- 6) межэтнические отношения отсутствуют, народы взаимно изолируются друг от друга
- 7) затрудняюсь ответить

37. Ощущают ли себя члены диаспоры чужими?

- 1) да
- 2) нет
- 2) затрудняюсь ответить

38. Ощущаете ли Вы себя чужим?

- 1) да
- 2) нет
- 2) затрудняюсь ответить

39. Как, по Вашему мнению, должен поступить человек, если он услышит обвинения или негативные высказывания в адрес своей национальности и своих земляков:

- 1) непременно принять это на личный счет
- 2) почувствовать обиду за свой народ
- 3) почувствовать гнев и ответить тем же
- 4) не принимать это во внимание
- 5) затрудняюсь ответить
- 6) другое (указать) _____

40. Как, по Вашему мнению, должен действовать человек в случае личного спора на тему межнациональных отношений с человеком другой национальности?

- 1) защищать интересы своей нации
- 2) постараться понять другую сторону
- 3) не вступать в межнациональный спор
- 4) я категорически против любых межнациональных споров, это неправильно
- 5) затрудняюсь ответить
- 6) другое (указать) _____

41. Как, по Вашему мнению, должен действовать человек в случае массового столкновения людей на межнациональной почве?

- 1) сделать бы всё, от него зависящее, для того, чтобы прекратить это
- 2) ни в коем случае не вмешиваться
- 3) постараться лично не вмешиваться, но его симпатии должны быть на стороне «своих»
- 4) при возможности оказать поддержку «своим»
- 5) не колеблясь, присоединиться бы к «своим»
- 6) вообще не представляю себе такой ситуации в месте своего проживания
- 7) другое (указать) _____
- 8) затрудняюсь ответить

42. Случалось ли Вам или членами Вашей диаспоры на территории Татарстана находиться в межнациональном или межэтническом ...

Варианты	противоречии	споре	конфликте
да, случалось			
нет, не случалось			
затрудняюсь ответить			

43. Если да, то с представителями каких национальностей Вы или члены Вашей диаспоры находились в данных ситуациях?

44. Что может спровоцировать или стать причиной подобных разногласий между членами Вашей диаспоры и другими народами Татарстана?

45. Характерно для членов Вашей диаспоры иметь человека другой национальности в качестве своего/своей:

Варианты	да	скорее да, чем нет	скорее нет, чем да	нет	затрудняюсь ответить
супруги (супруга)					
лучшего друга					
супруга(супруги) своих детей					
начальника					
подчиненного					

46. Нравится ли Вам жить в Татарстане?

- 1) да
- 2) скорее да
- 3) скорее нет
- 4) нет
- 5) затрудняюсь ответить

47. Чем объясняется, на Ваш взгляд, выбор ваших земляков Татарстана как места проживания?

48. Удовлетворены ли Вы национальной политикой, проводимой:

Варианты	да	скорее да, чем нет	скорее нет, чем да	нет	затрудняюсь ответить
в России					
в Татарстане					

49. Отметьте не более трех вариантов ответа в каждой колонке, какие национальности наиболее:

похожи на Вас

- 1) казахи
- 2) кыргызы
- 3) узбеки
- 4) таджики
- 5) туркмены
- 6) татары
- 7) русские
- 8) другие (указать)

НЕ похожи на Вас

- 1) казахи
- 2) кыргызы
- 3) узбеки
- 4) таджики
- 5) туркмены
- 6) татары
- 7) русские
- 8) другие (указать)

50. Расскажите, что, по Вашему, мнению, отличает Ваш народ от татар?

51. Расскажите, что отличает Ваш народ от других народов Татарстана

52. Что, по Вашему мнению, способны перенять жители Татарстана у Вас (отметьте не более трех вариантов):

- 1) богатую культуру, искусство, музыку и т.д.
- 2) уважение и верность религии
- 3) стиль украшения домов, стиль одежды
- 4) элементы кухни
- 5) навыки к торговой и предпринимательской деятельности
- 6) трудолюбие
- 7) добрый характер
- 8) вежливость
- 9) уважение к старшим
- 10) другое (указать) _____

53. Что, по Вашему мнению, может стать неприемлемым в поведении ваших земляков (отметьте не более трех вариантов):

- 1) низкий уровень общей культуры
- 2) неуважительные высказывания о других народах
- 3) мнение, что их народ имеет превосходство над другими
- 4) то, что они не соблюдают нормы или вовсе забыли свою религию
- 5) переход в иную религию
- 6) неуважительные высказывания о своей родной культуре, истории и своем народе
- 7) меня все устраивает
- 8) затрудняюсь ответить
- 9) другое (указать) _____

54. Что для Вас неприемлемо в поведении людей другой национальности (отметьте не более трех вариантов):

- 1) низкий уровень общей культуры
- 2) низкий уровень терпимости и толерантности к другим народам
- 3) националистическое поведение
- 4) атеизм
- 5) неуважение к собственным традициям и культуре
- 6) меня все устраивает
- 7) затрудняюсь ответить
- 8) другое (указать) _____

55. Как Вы считаете, есть ли у других народов, живущих в Татарстане, преимущества по сравнению с Вашим народом?

- 1) да
- 2) скорее да
- 3) скорее нет
- 4) нет
- 5) затрудняюсь ответить

56. Согласны ли Вы с тем, что в обществе существуют определенные стереотипы о Вашем народе?

- 1) да
- 2) скорее да
- 3) скорее нет
- 4) нет
- 5) затрудняюсь ответить

57. Если эти стереотипы существуют, как они, по Вашему мнению, формируются?

58. Скажите, какие качества присущи Вашему народу:

59. Скажите, пожалуйста, как в дальнейшем будет развиваться Ваша НКА? Какие основные направления деятельности и мероприятия Вы планируете проводить в целях сохранения национальной культуры?

60. Ваш пол:

- 1) мужской
- 2) женский

61. Скажите, сколько лет Вы проживаете в Татарстане:

1) до 1 года	6) 15-19 лет
2) до 3-х лет	7) 20-24 лет
3) до 4-х лет	8) 25-29 лет
4) 4-9 лет	9) более 30 лет
5) 10-14 лет	

ВАШИ ОТЗЫВЫ И ПОЖЕЛАНИЯ

БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ!

Результаты экспертного опроса в таблицах и схемах**

Таблица 1

Распределение экспертов по деятельности в НКА (%)

НКА \ Должность	Лидер молодежного крыла	Председатель НКА	Помощник Председателя НКА
Казахская	8,3	8,3	8,3
Кыргызская	8,3	8,3	-
Узбекская	8,3	8,3	8,3
Таджикская	8,3	8,3	-
Туркменская	8,3	8,3	-

Таблица 2

Основные задачи деятельности НКА (%)*

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Сохранение языка	8,3	16,7	16,7	8,3	8,3
Сохранение традиций	-	8,3	8,3	8,3	-
Сохранение национальной самобытности	-	-	-	8,3	-
Сохранение культуры	8,3	16,7	-	-	8,3
Попечительство и помощь землякам	16,7	-	-	-	8,3
Укрепление межнационального понимания	-	8,3	-	-	8,3
Воспитание межконфессиональной терпимости	-	8,3	-	-	-
Решение миграционных проблем земляков	8,3	8,3	-	-	-
Помощь в решении личных проблем земляков	8,3	8,3	-	-	-
Объединение молодежи диаспоры	8,3	-	-	-	-
Укрепление дружбы между народами	-	-	8,3	-	-
Всестороннее развитие связей между Родиной и Россией	8,3	8,3	-	-	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

** таблицы объединяют мнения всех экспертов (100%), разделение по диаспорам представлено для наглядности

Таблица 3

Продолжительность проживания экспертов НКА в Татарстане (%)

Длительность НКА	До 1 года	До 3х лет	До 4х лет	4-9 лет	10-14 лет	15-19 лет	20-24 года	25- 29 лет	Более 30 лет
Казахская	-	-	-	8,3	-	8,3	-	-	8,3
Кыргызская	-	-	-	8,3	-	8,3	-	-	-
Узбекская	-	-	-	8,3	-	16,7	-	-	-
Таджикская	-	-	-	8,3	-	8,3	-	-	-
Туркменская	-	-	-	8,3	-	8,3	-	-	-

Таблица 4

Формы и виды общения руководства НКА с членами диаспоры (%)*

Варианты НКА	Казахская	Кыргызска я	Узбекская	Таджикска я	Туркменская
Собрания	8,3	8,3	16,7	-	8,3
Культурные мероприятия	16,7	8,3	8,3	-	-
Спортивные мероприятия	8,3	8,3	8,3	-	-
СМИ	-	8,3		-	-
Всевозможные мероприятия	-	8,3	8,3	-	-
Индивидуальные встречи	8,3	-	-	-	8,3
Национальные праздники	16,7	-	-	-	-
Ассамблея народов Татарстана	-	-	8,3	-	-
Массовые мероприятия	8,3	8,3		-	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 5

Основные проблемы ЦАД на территории РТ (%)*

Варианты НКА	Казахская	Кыргызска я	Узбекская	Таджикска я	Туркменская
Миграционные	16,7	16,7	25	-	16,7
Языковые	-	8,3	25	-	16,7
Трудовые	-	-	-	-	8,3
Оформление различных документов	-	8,3	8,3	-	8,3
Дефицит общения с соотечественниками	8,3	-	-	-	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 6

Наиболее эффективные методы решения проблем ЦАД (%)*

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Информирование	-	8,3	8,3	-	-
Административная работа	-	8,3	-	-	-
Консультирование	8,3	-	-	-	8,3
Помощь в оформлении документов	-	-	-	-	8,3
Сотрудничество с органами власти	8,3	-	8,3	-	-
Всевозможная помощь	8,3	-	-	-	-
Собрания	-	-	8,3	-	-
Вся совокупность методов АНТ	-	-	8,3	-	-
Организация массовых мероприятий	8,3	-	-	-	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 7

Наиболее важные критерии при выборе окружения (%)*

Критерии \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Национальность	8,3	-	8,3	8,3	-
Религия	-	-	8,3	-	-
Уровень культуры	8,3	-	25	-	16,7
Уровень образования	-	-	-	-	-
Личные качества и характер	16,7	8,3	-	8,3	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 8

Основные языки общения в ЦА НКА (%)*

Сферы общения	Языки			
	Родной	Русский	Татарский	Другие
родные	100	50	-	-
земляки	100	50	16,7	-
друзья	25	100	50	-
коллеги	41,7	100	33,3	-
незнакомые люди	100	100	25	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 9

Основные языки общения в казахской НКА (%)*

Сферы общения	Языки			
	Родной	Русский	Татарский	Другие
родные	25	8,3	-	-
земляки	25	8,3	-	-
друзья	8,3	25	-	-
коллеги	16,7	25	-	-
незнакомые люди	8,3	25	-	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 10

Основные языки общения в кыргызской НКА (%)*

Сферы общения	Языки			
	Родной	Родной	Родной	Родной
родные	16,7	8,3	-	-
земляки	16,7	8,3	8,3	-
друзья	-	16,7	16,7	-
коллеги	-	16,7	8,3	-
незнакомые люди	-	16,7	8,3	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 11

Основные языки общения в узбекской НКА (%)*

Сферы общения	Языки			
	Родной	Родной	Родной	Родной
родные	25	8,3	-	-
земляки	25	8,3	-	-
друзья	-	25	16,7	-
коллеги	-	25	16,7	-
незнакомые люди	-	25	8,3	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 12

Основные языки общения в таджикской НКА (%)*

Сферы общения	Языки			
	Родной	Родной	Родной	Родной
родные	16,7	16,7	-	-
земляки	16,7	16,7	-	-
друзья	16,7	16,7	-	-
коллеги	16,7	16,7	-	-
незнакомые люди	8,3	16,7	-	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 13

Основные языки общения в туркменской НКА (%)*

Сферы общения	Языки			
	Родной	Родной	Родной	Родной
родные	16,7	8,3	-	-
земляки	16,7	8,3	8,3	-
друзья	-	16,7	8,3	-
коллеги	-	16,7	8,3	-
незнакомые люди	-	16,7	8,3	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 14

Распределение мнений экспертов на вопрос: «Помогает ли укреплению межкультурного общения схожесть родного и татарского языков?» (%)

НКА \ Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Да	25	16,7	25	8,3	8,3
Нет	-	-	-	-	8,3

Таблица 15

Методы сохранения и передачи национального языка (%)*

НКА \ Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Семья	16,7	8,3	8,3	16,7	8,3
Воскресная школа	8,3	16,7	25	8,3	8,3
Общение с земляками	16,7	-	-	-	8,3
Друзья-земляки	8,3	-	-	-	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 16

Методы сохранения и передачи национальной культуры и традиций (%)*

НКА \ Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Семья	8,3	8,3	-	-	8,3
Национальные праздники	8,3	8,3	-	8,3	-
Собрания	-	8,3	-	-	-
Мероприятия НКА	16,7	8,3	16,7	-	8,3
Воскресная школа	-	-	8,3	-	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 17

**Мнения экспертов НКА о существовании и путях решения
проблемы языкового барьера (%)***

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Языковой барьер незначителен	-	8,3	-	-	-
Проблема языкового барьера существует, но решается со временем	-	-	-	8,3	8,3
Существует, проводим уроки русского языка в Воскресной школе	-	-	-	8,3	-
Существует, проводятся спецкурсы по русскому языку	-	-	25	-	-
Существует, помогают переводчики НКА	-	-	16,7	-	-
Существует, проводятся курсы русского языка на Родине	-	-	8,3	-	-
Проблемы языкового барьера не существует	25	8,3	-	-	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 18

Основные праздники, отмечаемые в ЦА НКА (%)*

Праздники \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Нооруз-байрам	16,7	16,7	25	16,7	16,7
Курбан-байрам	16,7	16,7	25	16,7	8,3
День независимости	25	8,3	25	8,3	-
Ураза-байрам	8,3	8,3	25	8,3	8,3
Все религиозные	-	-	-	-	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 19

**Основные принципы строительства семейной жизни:
мнения экспертов НКА (%)***

НКА \ Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Национальные традиции	16,7	8,3	16,7	16,7	8,3
Шариат	8,3	8,3	16,7	-	16,7
Общие ценности российского общества	8,3	8,3	16,7	-	16,7
Традиции семьи мужа	8,3	-	-	-	8,3
Традиции семьи жены	-	-	-	-	-
Вышеперечисленные принципы	8,3	8,3	8,3	-	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 20

Наличие этнокультурной дистанции с титульными народами РТ (%)

НКА \ Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Есть	-	8,3	-	-	8,3
Нет	8,3	-	-	-	-
Есть, небольшая	16,7	8,3	25	-	8,3
Нет ответа	-	-	-	16,7	-

Таблица 21

**Различие ценностей между членами диаспоры и жителями исторической
Родины (%)**

НКА \ Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Есть	8,3	-	-	-	8,3
Нет	8,3	-	16,7	-	-
Незначительное	8,3	16,7	8,3	-	8,3
Нет ответа	-	-	-	16,7	-

Таблица 22

Места компактного расселения диаспоры (%)

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Казань	8,3	8,3	25	-	-
Альметьевск	-	-	8,3	-	-
Набережные Челны	-	-	8,3	-	-
Большие города в целом	-	-	8,3	-	-
Нет таких мест	8,3	8,3	-	-	16,7
Нет ответа				8,3	

Таблица 23

Распределение мнений экспертов НКА на вопрос: «Меняются ли предпочтения членов диаспоры в одежде, еде, музыке, обустройстве дома и так далее в процессе проживания в Татарстане?» (%)

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Да	-	-	-	-	8,3
Нет	8,3	8,3	8,3	-	8,3
Иногда	8,3	8,3	8,3	-	-
Незначительно	-	-	8,3	-	-
Нет	-	-	-	25	-

Таблица 24

Влияние общности религиозных ценностей на укрепление взаимопонимания между мусульманскими народами РТ? (%)

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Влияет	16,7	16,7	25	-	16,7
Не влияет	-	-	-	-	-
Нет	-	-	-	25	-

Таблица 25

Значимость национальной принадлежности для члена диаспоры: мнения экспертов (%)

Варианты \ НКА	Очень значима	Значима	Малозначима
Казахская	-	16,7	-
Кыргызская	8,3	-	8,3
Узбекская	8,3	8,3	8,3
Таджикская	8,3	16,7	
Туркменская	-	8,3	8,3

Таблица 26

**Уровни этнокультурной компетентности членов ЦАД:
мнения экспертов (%)**

НКА \ Варианты	Знаю достаточно	Знаю немного
Казахская	16,7	8,3
Кыргызская	16,7	-
Узбекская	25	-
Таджикская	16,7	-
Туркменская	16,7	-

Таблица 27

**Соотношение действий в различных жизненных ситуациях
с национальными традициями: мнения экспертов (%)**

НКА \ Варианты	Да	Скорее да	Скорее нет
Казахская	8,3	8,3	8,3
Кыргызская	-	16,7	-
Узбекская	-	25	-
Таджикская	-	16,7	-
Туркменская	-	16,7	-

Таблица 28

**Распределение мнений экспертов НКА на вопрос: «Что означает быть
человеком определенной национальности?» (%) ***

НКА \ Варианты	казахская	кыргызская	узбекская	таджикская	туркменская
Родиться в семье, где оба родителя этой национальности	8,3	-	-	16,7	-
Родиться в семье, где один из родителей этой национальности	8,3	16,7	25	-	16,7
Говорить на язык этой национальности	16,7	8,3	16,7	-	-
Жить культурой этой национальности	8,3	16,7	25	-	8,3
Исполнять традиции и обычаи этой национальности	25		16,7	-	8,3
Знать историю этой нации	8,3	8,3	-	-	8,3
Проживать на территории с людьми такой же национальности	-	-	-	-	-
Общаться с людьми такой же национальности	-	-	-	-	-
Иметь мужа/жену такой же национальности	-	-	-	8,3	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 29

Частота собраний руководства НКА с членами диаспоры (%)

Частота НКА	Каждый день	Несколько раз в неделю	Еже- дельно	Несколько раз в месяц	Ежеме- сячно	Несколько раз в год	Ежегодно
Казахская	8,3	8,3	8,3	-	-	-	-
Кыргызская	8,3	8,3	-	-	-	-	-
Узбекская	25	-	-	-	-	-	-
Таджикская	16,7	-	-	-	-	-	-
Туркменская	8,3	8,3	-	-	-	-	-

Таблица 30

Частота личных встреч руководства НКА с членами диаспоры (%)

Частота НКА	Каждый день	Несколько раз в неделю	Еже- дельно	Несколько раз в месяц	Ежеме- сячно	Несколько раз в год	Ежегодно
Казахская	-	-	-	-	16,7	8,3	-
Кыргызская	-	-	-	-	16,7	-	-
Узбекская	-	-	25	-	-	-	-
Таджикская	-	-	8,3	8,3	-	-	-
Туркменская	-	-	-	-	16,7	-	-

Таблица 31

Основные причины обращений членов диаспоры к руководству НКА (%)*

Варианты НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Миграционные проблемы	-	8,3	16,7	-	8,3
Личные проблемы	8,3	-	25	-	8,3
разные	8,3	-	-	-	-
Документы	-	8,3	8,3	-	8,3
В ситуациях затруднения	8,3	-	-	-	-
С учебной	-	-	-	-	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 32

Мнения экспертов НКА о существовании/отсутствии этносоциальной дистанции в РТ (%)

НКА Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Да	-	-	-	-	-
Нет	25	16,7	25	-	16,7
Скорее да	-	8,3	-	-	-
Нет ответа				8,3	

Таблица 33

Наиболее выраженные этносоциальные дистанции (%)

НКА Народы	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Европейские	8,3	8,3	-	-	-
Кавказские	8,3	-	-	-	8,3
Русские	-	-	-	-	8,3
Нет ответа	8,3	8,3	8,3	8,3	8,3

Таблица 34

Мнения экспертов НКА о результатах межэтнического брака (%)

НКА Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Распадется через некоторое время	-	-	-	-	8,3
Национальность мужа/жены не имеет значения, если у них одна религия	-	-	-	8,3	-
Национальность мужа/жены не имеет значения, если у них общие традиции	8,3	-	-	-	-
Национальность мужа/жены не имеет значения	8,3	16,7	16,7	-	8,3
Такой брак возможен и даже желателен	-	-	-	8,3	-
Затрудняюсь ответить	8,3	-	8,3	-	-

Таблица 35

**Состояние межэтнических отношений в Татарстане:
мнения экспертов НКА (%)**

Варианты НКА	Добрососедские	Терпимые	Нейтральные	Напряженные	Нетерпимые	Отношения взаимной изоляции
Казахская	25	-	-	-	-	-
Кыргызская	16,7	-	-	-	-	-
Узбекская	25	-	-	-	-	-
Таджикская	16,7	-	-	-	-	-
Туркменская	16,7	-	-	-	-	-

Таблица 36

**Наличие ощущения «чуждости» в РТ у членов ЦАД:
мнения экспертов НКА (%)**

Варианты ответов НКА	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Казахская	-	25	-
Кыргызская	-	16,7	-
Узбекская	-	25	-
Таджикская	-	16,7	-
Туркменская	-	8,3	8,3

Таблица 37

Наличие ощущения «чуждости» в РТ у экспертов НКА (%)

Варианты ответов НКА	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Казахская	-	25	-
Кыргызская	-	16,7	-
Узбекская	-	25	-
Таджикская	-	16,7	-
Туркменская	-	16,7	-

Таблица 38

**Рекомендации экспертов НКА к действиям в ответ на обвинения или
негативные высказывания в адрес их национальности (%)**

Варианты НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Почувствовать обиду за свой народ	8,3	-	-	-	-
Не принимать это во внимание	16,7	8,3	16,7	16,7	16,7
Затрудняюсь ответить	-	-	8,3	-	-
Другое:					
Разобраться в чем дело	-	8,3	-		-

Таблица 39

**Рекомендации экспертов НКА к действиям в случае личного спора на тему
межнациональных отношений (%)**

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Защищать интересы своей нации	-	-	-	8,3	-
Постараться понять другую сторону	-	8,3	-	-	-
Не вступать в межнациональный спор	8,3	-	-	-	-
Я категорически против любых межнациональных споров	16,7	8,3	16,7	16,7	16,7

Таблица 40

**Рекомендации экспертов НКА к действиям в случае массового столкновения
людей на межнациональной почве (%)**

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
сделать бы всё, от него зависящее, для того, чтобы прекратить это	25	16,7	16,7	16,7	8,3
вообще не представляю себе такой ситуации в месте своего проживания	-	-	-	-	8,3
Затрудняюсь ответить	-	-	8,3	-	-

Таблица 41

Участие ЦАД РТ в межнациональных или межэтнических противоречиях, спорах, конфликтах на территории Татарстана: мнения экспертов НКА (%)

Варианты Диапоры	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Межнациональные противоречия:			
Казахская	8,3	8,3	8,3
Кыргызская	-	16,7	8,3
Узбекская	-	16,7	8,3
Таджикская	-	-	8,3
Туркменская	-	16,7	-
Межнациональные споры:			
Казахская	8,3	16,7	-
Кыргызская	-	16,7	8,3
Узбекская	-	16,7	8,3
Таджикская	-	-	8,3
Туркменская	-	16,7	-
Межнациональные конфликты:			
Казахская	8,3	16,7	-
Кыргызская	-	16,7	8,3
Узбекская	-	16,7	8,3
Таджикская	-	-	8,3
Туркменская	-	16,7	-

Таблица 42

Причины возникновения межэтнических противоречий, споров, конфликтов между членами ЦАД и другими народами Татарстана: мнения экспертов НКА (%)

Варианты НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Конфликтность кыргызов	-	8,3	-	-	-
Гордость кыргызов	-	8,3	-	-	-
Оскорбления на национальной почве	8,3	-	-	-	8,3
Недружелюбие местного населения	8,3	-	-	-	-
Нет ответа	8,3	8,3	16,7	16,7	8,3

Таблица 43

Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий казахской диаспоры: мнения экспертов НКА (%)

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	16,7	8,3	-	-
Лучшего друга		16,7	-	-	-
Супруга (супруги) детей		16,7	-	-	-
Начальник		16,7	-	-	-
Подчиненный		16,7	-	-	-
Нет ответа	8,3				

Таблица 44

Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий кыргызской диаспоры: мнения экспертов НКА (%)*

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	8,3	16,7	-	-
Лучшего друга		16,7		-	-
Супруга (супруги) детей		8,3	8,3	-	-
Начальник		8,3	8,3	-	-
Подчиненный		8,3	8,3	-	-
Нет ответа	8,3				

Таблица 45

Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий узбекской диаспоры: мнения экспертов НКА (%)*

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	25	-	-	-
Лучшего друга		25	-	-	-
Супруга (супруги) детей		16,7	8,3	-	-
Начальник		16,7	8,3	-	-
Подчиненный		16,7	8,3	-	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 46

Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий таджикской диаспоры: мнения экспертов НКА (%)*

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	16,7	-	-	-
Лучшего друга		16,7	-	-	-
Супруга (супруги) детей		16,7	-	-	-
Начальник		16,7	-	-	-
Подчиненный		16,7	-	-	-
Нет ответа	16,7				

Таблица 47

Сферы потенциальных межнациональных взаимодействий туркменской диаспоры: мнения экспертов НКА (%)*

Варианты		Возможны	Скорее возможны	Скорее невозможны	Не возможны
Супруг/супруга	Иной национальности	8,3	8,3	-	-
Лучшего друга		16,7		-	-
Супруга (супруги) детей		8,3	8,3	-	-
Начальник		16,7	-	-	-
Подчиненный		16,7	-	-	-
Нет ответа	16,7				

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 48

Удовлетворенность жизнью в РТ (%)

НКА \ Варианты	Да	Скорее да
Казахская	16,7	8,3
Кыргызская	16,7	-
Узбекская	25	-
Таджикская	16,7	8,3
Туркменская	-	8,3

Таблица 49

Причины выбора ЦАД Татарстана как места проживания (%)*

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Единство религии	8,3	8,3	16,7	-	-
Благоприятный район		8,3	-	-	-
Общие корни	8,3	-	-	-	-
Уровень жизни	8,3	-	-	-	-
Добрые люди	8,3	-	-	-	-
Схожесть языков	-	-	16,7	-	-
Схожесть традиций	-	-	8,3	-	-
Добрососедские межэтнические отношения	-	-	8,3	-	-
Схожесть культур	-	-	-	-	-
Толерантный регион	-	8,3	-	-	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 50

Удовлетворенность национальной политикой, проводимой в РФ, РТ (%)

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
В России:					
Да	16,7	-	-	-	-
Скорее да	-	-	8,3	16,7	8,3
Скорее нет	8,3	-	-	-	-
Нет	-	8,3	-	-	-
Затруд. ответить	-	8,3	16,7	-	8,3
в Татарстане:					
Да	16,7	8,3		8,3	8,3
Скорее да	8,3	-	8,3	8,3	-
Скорее нет	-	-	-	-	-
Нет	-	-	-	-	-
Затруд. ответить	-	8,3	8,3	8,3	8,3

Таблица 51

**Величина этнокультурных границ с различными народами:
мнения экспертов НКА (%)***

НКА \ Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Похожие народы (минимальные этнокультурные границы):					
Казахи	-	16,7	8,3	-	16,7
Кыргызы	25	-	8,3	-	8,3
Узбеки	8,3	-	-	-	16,7
Таджики	-	-	8,3	-	8,3
Туркмены	8,3	-	16,7	-	
Татары	25	8,3	16,7	-	8,3
Русские	8,3	8,3		-	16,7
Не похожие народы (максимальные этнокультурные границы):					
Казахи	-	-	8,3	-	-
Кыргызы	-	-	8,3	-	-
Узбеки	8,3	16,7	-	-	8,3
Таджики	16,7	16,7	-	-	8,3
Туркмены	16,7	8,3	-	-	8,3
Татары	-	-	-	-	
Русские	8,3	8,3	16,7	-	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 52

Неприемлемое в поведении членов ЦАД (%)*

НКА \ Варианты	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Низкий уровень общей культуры	8,3	16,7	16,7	16,7	16,7
Неуважительные высказывания о других народах	25	8,3	16,7	16,7	8,3
Мнение, что их народ имеет превосходство над другими	16,7	-	-	-	-
Несоблюдение норм или уход от своей религии	-	8,3	-	-	8,3
Переход в иную религию	-	16,7	8,3	-	8,3
Неуважительные высказывания о своей родной культуре, истории и своем народе	16,7	-	8,3	-	8,3

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 53

Неприемлемое в поведении людей любой национальности (%)*

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Низкий уровень общей культуры	16,7	16,7	16,7	8,3	16,7
Низкий уровень терпимости и толерантности к другим народам	16,7	8,3	16,7	-	8,3
Националистическое поведение	16,7	8,3	8,3	8,3	8,3
Атеизм	-	8,3	8,3	-	-
Неуважение к собственным традициям и культуре	16,7	8,3	16,7	8,3	

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Таблица 54

Существование/отсутствие в РТ этнических стереотипов о ЦАД (%)

Варианты \ НКА	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Казахская	-	8,3	8,3	-	8,3
Кыргызская	-	8,3	-	-	8,3
Узбекская	-	-	8,3	16,7	-
Таджикская	-	-	8,3	-	8,3
Туркменская	8,3	-	-	-	8,3

Таблица 55

Качества, присущие ЦАД: мнения экспертов НКА (%)*

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Гордость	-	16,7	-	-	-
Наивность	-	8,3	-	-	-
Гостеприимность	8,3	8,3	25	-	-
Верность традициям	-	8,3	-	-	-
Трудолюбие	8,3	-	16,7	8,3	8,3
Честность	-	-	-	-	8,3
Уважительность	-	-	-	-	8,3
Доброта	16,7	8,3	16,7	-	8,3
Уважение к старшим	8,3	8,3	16,7	-	8,3
Богатая культура	8,3	-	-	-	-
Вежливость	8,3	-	-	-	-
Дружелюбие	8,3	-	-	-	-
Религиозность	-	-	8,3	-	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Основные направления деятельности и планы руководителей НКА по сохранению национальной культуры (%)*

Варианты \ НКА	Казахская	Кыргызская	Узбекская	Таджикская	Туркменская
Развитие молодежного крыла НКА	8,3	8,3	8,3	-	-
Работа с молодежью	8,3	8,3	-	-	-
Расширение сферы межправительственных коммуникаций на официальном уровне	-	16,7	-	-	8,3
Участие в Лиге Наций	8,3	-	-	-	-
Укрепление межнациональной дружбы	8,3	-	16,7	-	-
Участие в молодежной политике РТ	8,3	-	-	-	-
Сотрудничество с органами власти	-	-	8,3	-	8,3
Открытие филиалов НКА в Татарстане	-	-	8,3	-	-
Проведение различных форм массовых мероприятий, в том числе:					
Спортивные мероприятия	8,3	8,3	-	-	-
Национальные праздники	-	-	-	8,3	-
Благотворительные акции	-	-	-	8,3	-
Создание национальной фольклорной группы	-	8,3	-	-	8,3
Создание национальной команды КВН	-	-	-	-	8,3
Создание национальной команды по футболу	-	-	-	-	8,3
Вся совокупность мероприятий в целом	16,7	-	-	-	-

* эксперты указали несколько вариантов ответа

Данные контент-анализа татарстанских СМИ по проблемам центрально-азиатских диаспор Республики Татарстан

Таблица 1

Данные контент-анализа печатных СМИ РТ с этнической информацией (2001-2011)

<i>№ n/n</i>	<i>Название газеты</i>	<i>Общее количество статей с этнической информацией, ед.</i>	<i>Из них по проблемам ЦА диаспор, ед.</i>	<i>Из них по проблемам ЦА диаспор, %</i>
1	Известия Татарстана	33	6	18
2	Вечерняя Казань	11	4	36
3	Татарская деловая газета	11	1	9
4	Татарская газета	5	0	20
5	Республика Татарстан	4	1	25
Всего:		64	12	18,75

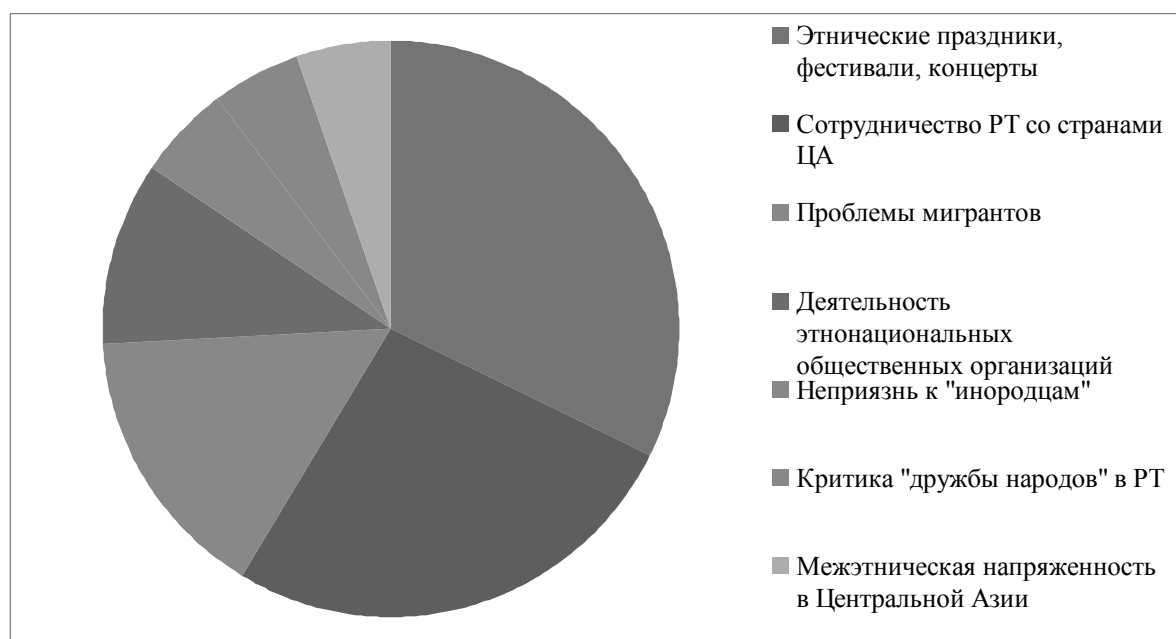
Таблица 2

*Количество толерантных и интолерантных статей
в печатных СМИ РТ (ед.)*

<i>№ n/n</i>	<i>Название газеты</i>	<i>Толерантные</i>	<i>Нейтральные</i>	<i>Интолерантные</i>
1	Известия Татарстана	4	-	2
2	Вечерняя Казань	-	2	2
3	Татарская деловая газета	1	-	-
5	Республика Татарстан	1	-	-
Всего:		6	2	4

Частота упоминания ЦАД в печатных СМИ РТ (ед.)

<i>Диаспоры</i>	<i>Газеты</i>				<i>Всего:</i>
	<i>Известия Татарстана</i>	<i>Вечерняя Казань</i>	<i>Республика Татарстан</i>	<i>Татарская деловая газета</i>	
Казахи	3	1	2	-	5
Кыргызы	5	2	-	1	8
Узбеки	9	11	-	-	20
Таджики	4	21	-	-	25
Туркмены	43	1	-	3	47
<i>Прочие метки:</i>					
Мигранты	-	5	-	-	5
Иностранцы	-	5	-	-	5
Беженцы и вынужденные переселенцы	-	1	-	-	1
Тюрки	7	-	-	8	15
Выходцы из стран Средней/ Центральной Азии	7	-	-	-	7
«Инородцы»	1	-	-	-	1

Схема 1**Темы статей по проблемам ЦАД в печатных СМИ РТ (%)**

**Политический механизм управления
этнической идентичностью центрально-азиатских диаспор
в этнополитическом пространстве Республики Татарстан**

<i>государственный уровень политического управления этнической идентичностью диаспоры</i>			
разработка нормативно- правовой базы обеспечения этнического равноправия, права на сохранение собственной этнокультурной, языковой идентичности	взаимодействие принимающего региона и страны исхода диаспоры	усиление концептов проводимой национальной и этнокультурной политики достижениями последних научных исследований	акцентирование официального дискурса на достижении этнополитического согласия, предупреждения этнополитических конфликтов
<i>общественно-гражданский уровень управления этнической идентичностью диаспоры</i>			
анализ практик институционального взаимодействия региональных властей и форм этнополитического представительства	нацеленность на развитие этнополитического, межкультурного диалога	Мобилизация социальных и культурных капиталов диаспоры	популяризация позитивного опыта бесконфликтности диаспор, их политического поведения как субъектов общественной интеграции
<i>повседневно-бытовой уровень управления этнической идентичностью диаспоры</i>			
возможность реализации личностного и профессионального потенциала носителей этнической идентичности	просветительская деятельность по преодолению этнических стереотипов в отношении народов Центральной Азии	развитие черт этнокультурной и межкультурной компетентности у всех участников этнополитического взаимодействия	соответствующие стратегии общественных СМИ
<i>результаты реализации</i>			
Конструирование позитивной этнической идентичности диаспоры	регулирование тенденций политизации и/или актуализации этнической идентичности диаспоры	развитие установок общественной интеграции и этнополитической консолидации	формирование общегражданской идентичности, солидаризация на основании региональной идентичности